АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Г.М. ГЕОРГИЕВСКАЯ

КИТОЙСКАЯ КУЛЬТУРА ПРИБАЙКАЛЬЯ

Ответственный редактор
кандидат исторических наук А.К. Конопацкий

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 63.4(2)
Г35

Рецензенты
кандидаты исторических наук В. Т. П е т р и н,
М. И. Р и ж с к и й

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Георгиевская Г.М.
Г35 Китойская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 152 с.
ISBN 5-02-029011-4.

В монографии впервые обобщаются результаты многолетних исследований самобытной китойской культуры эпохи неолита Прибайкалья. Подробно рассматриваются археологические коллекции, стратиграфические материалы, приводятся данные радиоуглеродного анализа. Обсуждаются вопросы хронологии памятников, места китойской культуры среди других неолитических культур региона. Раскрываются отдельные аспекты характеристики хозяйства, образа жизни и верований древнего населения Прибайкалья.

Книга рассчитана на археологов.

$\Gamma\frac{0504000000 - 822}{042(02)-89}$ 170-89, кн.I ББК 63.4(2)

ISBN 5-02-029011-4

© Издательство "Наука", 1989

ВВЕДЕНИЕ

Прибайкалье – обширная территория, раскинувшаяся к западу от Байкала. Это край с развитой речной системой, разнообразным рельефом, растительным и животным миром, благоприятным климатом. Вполне естественно, что начиная с глубокой древности Прибайкалье являлось одним из густонаселенных регионов Сибири. Богатая историческими событиями жизнь населения нашла отражение в многочисленных памятниках.

Археологические памятники региона постоянно привлекают внимание исследователей. Несмотря на значительные успехи в изучении сложной истории этого края, существуют еще проблемы, которые не получили достаточно полного научного решения, в частности происхождение и развитие китойского комплекса в неолите Прибайкалья и его роль в формировании культур раннего металла. Их разработка позволяет выявить как общие закономерности развития неолита в этом районе, так и особенности отдельных культур.

Всестороннее изучение неолитических культурных комплексов Прибайкалья, несомненно, важно для решения проблем этногенеза народов Сибири. Опыты этногенетических исследований показали, что история формирования современных народов уходит корнями в местный неолит. С этой точки зрения особый интерес вызывает китойская группа памятников.

Китойский могильник был открыт в 1880 г. Его материалы послужили основой для выделения своеобразного китойского комплекса, а наиболее яркие элементы уже в то время получили хрестоматийную известность. Погребальный инвентарь этого памятника продолжительное время оставался опорным при изучении неолита не только на территории Сибири, но и всей страны. Вот уже на протяжении целого века китойские памятники остаются объектом внимательного изучения исследователей и предметом постоянных дискуссий.

"Китойский вопрос" по сей день не получил окончательного решения. Начало дискуссиям положила публикация предложенной А.П. Окладниковым классификации неолитических памятников. При

построении общей схемы периодизации памятников неолита и раннего бронзового века Прибайкалья на основе изучения погребальных комплексов А.П. Окладников пришел к выводу, что китойский этап является заключительным в неолите и в общем развитии байкальской культуры его место между серовским и глазковским этапами[1]. Свои выводы исследователь сформулировал на основе тщательного анализа основных категорий инвентаря и особенностей погребального ритуала. Он проследил прогрессивное развитие техники изготовления орудий, хозяйства, которому соответствовали значительные изменения в области социальных отношений, а также духовной культуры. Предложенная периодизация вызвала живой интерес у специалистов, но не все исследователи полностью согласились с ней. Так, М.М. Герасимов считал, что китойский этап являлся древнейшим в прибайкальском неолите, предшествовал исаково-серовскому и не имел с ним никаких элементов связи[2].

В последние годы в связи с попытками сопоставить по времени материалы поселений с погребальными комплексами сомнению подвергается не только место китойской культуры в схеме периодизации неолита Прибайкалья, но и автохтонность происхождения населения, которое оставило в долине Ангары китойские памятники. Л.П. Хлобыстин высказал мысль о том, что китойская культура является пришлой. Этим обусловлены ее локальность и синхронность серовской культуре[3]. По мнению В.Н. Чернецова, происхождение китойской культуры связано с проникновением в средне- и позднесеровское время в верховьях Ангары нового населения[4]. Эту мысль подтверждают и антропологические наблюдения Н.Н. Мамоновой[5].

Г.И. Медведев и Н.А. Савельев рассматривают выделенные в развитии неолита этапы, в том числе китойский, как самостоятельные локальные культуры неопределенного возраста[6].

Общая схема классификации неолитических памятников, разработанная А.П. Окладниковым, до сих пор широко используется большинством советских исследователей. Вместе с тем развитие археологической науки ставит сегодня вопрос о совершенствовании метода изучения неолита Прибайкалья не только по погребальному инвентарю. Почти полное отсутствие публикаций материалов поселений и утрата значительного количества погребального инвентаря известных могильников, естественно, ограничивали возможности исследователей и стали основной причиной появления противоречивых мнений по этому вопросу. Назрела необходимость комплексного изучения памятников китойского типа – как могильников, так и поселений.

Автором книги с 1960 по 1975 г. проводились исследования многослойного поселения и могильника Усть-Белая. Итогом этих работ явилось стратиграфическое выделение китойского комплекса на поселении, установление его стратиграфической связи и куль-

турной общности с погребениями китойского времени, расположенными на этой же площади. Появилась возможность приступить к изучению памятников "классического китоя" в плане типологического сопоставления погребального инвентаря с материалами культурных горизонтов поселений. Кроме того, анализ культурного слоя, содержащего эталонные китойские изделия на многослойном поселении, дал возможность определить его стратиграфическую связь и культурное взаимодействие с сопутствующими горизонтами. В сложившейся ситуации эти, на наш взгляд, объективные данные позволили уточнить местоположение китойского комплекса в общей схеме, а также проследить влияние конкретных условий на его формирование и развитие. Памятники "классического китоя" включают ряд специфических типов изделий, которые не содержатся ни в более ранних, ни в более поздних комплексах. Мы располагаем достаточно убедительными данными для выделения и установления культурной принадлежности китойских материалов как на могильниках, так и на поселениях. Они дают возможность приступить к комплексному изучению китойских памятников.

Мы считаем необходимым попытаться исследовать происхождение и развитие китойского комплекса, определить его место в неолите Прибайкалья на основе стратиграфических наблюдений на многослойных поселениях, исчерпывающей типологической характеристики погребального инвентаря, сопоставления по времени материалов поселений с инвентарем могильников. Это значительно дополнит наши представления о развитии материальной культуры, даст возможность точнее реконструировать историю хозяйства, быта, социальных отношений и духовной жизни населения исследуемого периода.

В процессе работы над китойскими памятниками стало совершенно очевидным, что на многослойных поселениях культурные остатки слоя, содержащего эталонные китойские вещи, типологически достаточно хорошо сопоставляются с материалами погребений и обнаруживают несомненное культурное единство. Стратиграфические наблюдения позволили установить: многослойные поселения, в которых представлены материалы неолита и ранней бронзы, в основной своей массе располагаются на низких пойменных террасах. Слой, содержащий китойский материал, заключен в самом низу культурных напластований. Он разбивается на два горизонта, из которых верхний не только входит в тесный стратиграфический контакт с культурным слоем глазковского времени, но и обнаруживает с ним культурно-преемственную связь в типологии инвентаря. Несколько по-другому обстоит дело с нижним горизонтом, на всех памятниках он является древнейшим. Исключение представляет Усть-Белая, где китойский слой подстилается поздним мезолитическим горизонтом.

Очень важным моментом в изучении китойской группы памятников

являются новые данные антропологического изучения материалов неолитических могильников Прибайкалья. Последние измерения, проведенные Н.Н. Мамоновой, показали, что черепа из серовских и глазковских погребений по основным показателям совпадают, тогда как китойские черепа обладают рядом особенностей и выделяются в отдельную группу[7]. Отсюда можно сделать исключительный по важности вывод - памятники "классического китоя" следует рассматривать как своеобразное явление в неолите Прибайкалья. Китой - несомненно самостоятельная археологическая культура, связанная с конкретной этнической общностью, со следующими характерными признаками: памятники сосредоточены в долине Ангары, в хозяйственной сфере древних обитателей наблюдается сезонная специализация на рыболовство. Мы считаем возможным в дальнейшем вместо термина "классический китой" применять термин "китойская культура".

Для разрешения поставленной задачи автор привлекает все имеющиеся публикации по открытым и исследованным в разное время памятникам китойской культуры, использует материалы Иркутского областного музея краеведения, Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Института археологии АН СССР. В основу работы легли материалы поселения и могильника Усть-Белая, полученные во время многолетних работ Бельской археологической экспедиции Иркутского государственного педагогического института под руководством автора.

* * *

В полевых исследованиях принимали участие студенты исторического факультета ИГПИ В.Б. Ершов, В.А. Афонькин, Н.А. Ершова, Л.А. Евсеева, А.И. Штейнгауз и А.И. Лескинен. Помощь в организации и проведении экспедиционных работ в течение многих лет оказывали Л.П. Подпругина и Р.Ф. Горбатенко. Написанию книги содействовал научный руководитель академик А.П. Окладников. Кандидат философских наук И.Х. Штейнгауз и старший преподаватель Н.Е. Кутищев приняли участие в подготовке рукописи к печати. Всем им автор выражает глубокую благодарность.

Глава I

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТА ПРИБАЙКАЛЬЯ

Изучение неолита Прибайкалья охватывает более двух веков. Участники первых научных экспедиций, известные исследователи XVIII в., неоднократно указывали на наличие и широкое распространение в Сибири древних памятников[1]. Итогом первых наблюдений явилась классификация сибирских древностей, предложенная А.Н.Радищевым[2]. Началом же систематических исследований в области древней истории Прибайкалья следует считать конец XIX в. Большое значение в становлении сибирской археологии в тот период имела деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, проводившего комплексное изучение Восточной Сибири. Много внимания исследованию археологических памятников уделяли такие видные ученые, как геологи И.Д. Черский, А.Л. Чекановский, И.А. Лопатин, этнограф П.А. Ровинский и зоолог И.С. Поляков, для которых археология стала вторым серьезным занятием. Наиболее значительным событием в изучении неолита Прибайкалья явились работы Н.И. Витковского.

В 1880-1881 гг. по поручению ВСОРГО и на его средства Н.И. Витковский произвел раскопки могильника в устье Китоя. В процессе этих работ им самостоятельно была разработана методика исследования могильника, проведены стратиграфические наблюдения, дано подробное описание расположения инвентаря в могильных ямах и его типология. Изучение памятника было проведено на высоком для того времени научном уровне. Результаты были изложены автором в подробных отчетах, которые сразу же вышли в свет[3]. Благодаря тщательной документации они до настоящего времени сохранили научную ценность. Материалы могильника исследователь рассматривал как важный исторический источник, но в то же время он понимал, что для восстановления истории древних обитателей края необходимо привлечь и материалы поселений. Для их поиска в 1882 г. Витковский предпринял длительную поездку вниз по Ангаре. Здесь им был открыт ряд неолитических поселений и писаницы. Используя полученные данные, он в общих чертах обрисовал условия, образ жизни и верования древнего населения долины Ангары и

ее крупных притоков[4]. Открытие археологических памятников, их исследование и историческая интерпретация полученного материала явились событием в отечественной археологии. Работы Н.И. Витковского сразу получили широкую известность и заслуженное признание. О результатах раскопок Китойского могильника было сообщено на V Археологическом съезде в Тифлисе в 1881 г., а отчеты полностью опубликованы в его "Трудах"[5].

Исследование Н.И. Витковского "Следы каменного века в долине р. Ангары" было удостоено Золотой медали Русского географического общества. Археологические работы ученого явились началом систематического изучения неолитических культур Прибайкалья.

Работу в области прибайкальского неолита продолжил М.П. Овчинников. В течение 30 лет он проводил разведки и открыл большое количество археологических памятников. Однако своей основной задачей он считал их защиту и спасение. Именно ему мы обязаны сохранением богатейших материалов Глазковского могильника и сбором многочисленных коллекций с других памятников. Статья, в которой М.П. Овчинников изложил все результаты своих наблюдений, дает полное представление о широте его научных интересов, о его стремлении использовать археологические данные как исторический источник для восстановления конкретной истории древних народов. В этой работе им впервые была предложена классификация ангарских погребений. Он разделил их на две группы. В первую, получившую название "иркутская культура", вошли погребения, содержащие каменные и медные орудия; во вторую - погребения с каменным инвентарем, она была названа "китойской культурой"[6]. Крайняя ограниченность материала и его недостаточная изученность ставили этот важный вывод в положение гипотезы. Естественно, что предложенная М.П. Овчинниковым схема сразу же стала предметом научной дискуссии.

Выводы исследователя получили одобрение со стороны известного специалиста того времени В.А. Городцова. Вместе с тем он предложил переименовать "иркутскую культуру" в "глазковскую" (по Глазковскому могильнику). Под этим названием она и известна в литературе[7].

В 1915 г. вышла статья Н. Бортвина, в которой утверждение М.П. Овчинникова об отличии китойских находок от глазковских и датировка Китойского могильника каменным веком были поставлены под сомнение. При классификации керамики сибирских поселений Н. Бортвин выделил тип с сетчатым орнаментом и, сравнив его с единственным сосудом из Китойского могильника, пришел к выводу, что они идентичны. Это обстоятельство, а также наличие охры в китойских могилах и медных вещей в Глазковском могильнике, по аналогии с памятниками медного века юга России, дали ему осно-

вание говорить о принадлежности обоих памятников к периоду раннего века металлов[8]. Ошибочность этого заключения очевидна.

Таким образом, вопрос классификации погребений этого региона по сути дела остался открытым.

Новый этап в развитии археологических исследований Сибири наступил с установлением Советской власти. Он явился началом планомерного изучения древней истории края. Разрабатывается методика разведки и раскопок археологических памятников. Большое внимание уделяется подготовке научных кадров. Большая заслуга по организации исследовательской работы принадлежит профессору Б.Э. Петри, в прошлом сотрудника Музея антропологии и этнографии в Петрограде. По поручению Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии он с 1912 г. проводит археологические и этнографические исследования в Прибайкалье. Б.Э. Петри открыл и исследовал многослойное поселение Улан-Хада и ряд неолитических стоянок в районе бухты Песчаной[9].

В 1918 г. с созданием Иркутского университета Б.Э. Петри приглашают на должность профессора, и он окончательно поселяется в Иркутске. Обладая незаурядными организаторскими способностями, он в короткое время создает кафедру истории первобытной культуры и богатый учебный кабинет, читает лекции по археологии и этнографии, организует студенческий кружок "Народоведение", а затем "Краеведение" с секцией "Человек". Теоретическая подготовка членов кружка сочеталась с полевыми исследованиями. Это способствовало созданию творческого коллектива, в составе которого были И.В. Арембовский, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, Л.Н. Иваньев, А.П. Окладников, В.И. Подгорбунский, Г.П. Сосновский, Я.М. Ходукин, П.П. Хороших и др.[10] Впоследствии многие из них стали крупными учеными в этой области. Научные интересы всей исследовательской группы были подчинены общей цели – изучению доисторического прошлого Прибайкалья. Решение этой проблемы требовало расширения территориальных рамок исследований. Археологические экспедиции направляются в долины Лены, Амура, Илима и в Забайкалье. Особое внимание уделяется изучению памятников долины Ангары и побережья Байкала. Одно за другим следуют открытия, идет быстрое накопление фактических данных. Вскоре назрела необходимость в систематизации всего имеющегося материала.

Б.Э. Петри издает целый ряд обобщающих работ. Заслуга его прежде всего состоит в том, что он первым дал общую характеристику исторического развития древнего населения прибайкальского края, выделил основные его этапы. Многие теоретические положения, высказанные Б.Э. Петри в то время, его работа как популяризатора научных знаний, а также результаты его полевых исследований сохранили свое значение до наших дней[11].

В 20–30-х гг. исследователи Прибайкалья сосредоточили внимание на дальнейшей разработке вопроса хронологии и классификации неолитических погребений. За сравнительно короткий период ими было предложено несколько самостоятельных схем.

В 1927 г. В.А. Городцов снова возвращается к вопросу об отличии китойской и глазковской культур и приводит более полный перечень характерных признаков каждой. По его мнению, памятники китойской культуры содержат круглодонную посуду, "песчаниковые литейные формы", нефритовые полированные топоры и вкладышевые кинжалы с каменным лезвием. Инвентарь же глазковской культуры характеризуется металлическими и каменными орудиями, а также изделиями из "костяной пасты" и нефрита[12].

Вслед за В.А. Городцовым двучленная схема М.П. Овчинникова была принята всеми исследователями ангарских погребений, пытавшимися развить ее дальше, включая новый материал. Так, В.И. Подгорбунский на основании своих исследований в Горохово приходит к выводу, что существует третий тип погребений, который характеризуется "китойскими подвесками", бедностью инвентаря и отсутствием охры[13].

В свою очередь Г.М. Константинов предложил еще более детальную схему периодизации ангарских погребений. Он вводит новое звено – "лисихинский тип", которое помещает между китойским и глазковским. В основу своего построения Константинов берет предполагаемое "вымирание костяной и каменной индустрии" и появление следов металла от окислов меди до медных изделий[14].

Г.Ф. Дебец также выделяет три группы погребений на основании соотношений трех признаков – наличия охры, меди и положения костяков в могильной яме. Схема выглядит следующим образом:

1) вытянутые костяки, окрашенные охрой, без медных вещей (Китой, Распутино, "Циклодром");

2) вытянутые костяки, не окрашенные охрой, без медных вещей (Хащагай);

3) скорченные костяки, не окрашенные охрой, иногда с медными вещами (Глазково)[15].

Основой всех представленных выше схем явилась классификация М.П. Овчинникова. Несмотря на появление нового материала, расширить и уточнить ее тогда не удалось.

В начале 30-х гг. в связи с планом строительства Ангарского каскада гидроэлектростанций в зоне предполагаемого затопления археологические работы развернулись в небывалых масштабах.

Дальнейшее изучение Прибайкалья связано с именем А.П. Окладникова. За сравнительно короткий срок (с 1932 по 1937 г.) он обследовал всю долину р. Ангары от истоков до устья (1800 км). Здесь было обнаружено большое количество памятников от эпохи же-

леза до палеолита. Могильники, писаницы и поселения дали обширный материал, который позволил приступить к решению проблемы первоначального заселения края и разработать схему периодизации неолита Прибайкалья[16].

Начало Великой Отечественной войны приостановило археологические исследования в долине Ангары, которые были возобновлены только в послевоенные годы.

С 1950 г. под руководством А.П. Окладникова начала работу Ангарская археологическая экспедиция. Особое внимание было уделено изучению древних поселений в верховьях Ангары: Рогатка, Патроны, острова Сосновый и Лесной, Большая Разводная и др. Результаты исследований экспедиции были изложены в ряде статей[17].

В 1950 г. выходят в свет I и II части монографии А.П.Окладникова "Неолит и бронзовый век Прибайкалья"[18]. Этот труд явился продолжением разработки проблемы классификации памятников неолита Прибайкалья, в основу решения которой были положены материалы, собранные к тому времени. Ученый систематизировал огромный археологический материал. В долине р. Ангары на участке от Байкала до Братска было расположено 171 погребение. А.П. Окладников, проведя подробную типологию погребального инвентаря и обряда погребения, выявил их несомненную культурную близость. Это дало ему основание сделать вывод, что они имеют общее происхождение. Вместе с тем все погребения четко разбиваются на пять типов, каждый из которых имеет устойчивый и постоянно сочетающийся ряд отличительных признаков, появление которых объясняется причинами культурно-хронологического порядка.

На основании полученных данных появилась возможность всестороннего изучения прибайкальского неолита. В своей работе А.П. Окладников дал исчерпывающий ответ на вопрос о происхождении неолитического периода в этом районе Восточной Сибири, проследил его развитие на протяжении нескольких тысячелетий до появления первых орудий из меди, разработал схему последовательной смены неолитических периодов в рамках относительной хронологии и дал конкретный анализ хозяйственной деятельности, социальных отношений и духовной культуры каждого из выделенных этапов. Кроме того, комплексный анализ археологического и этнографического материалов позволил А.П. Окладникову впервые поставить вопрос о происхождении современных тунгусских народов, история которых своими корнями уходит в местный неолит.

Общая схема развития неолита Прибайкалья, предложенная А.П.Окладниковым, состоит из следующих хронологических этапов:

I - Хиньский - V тыс. до н.э.

II - Исаковский - IV тыс. до н.э.

III - Серовский - III тыс. до н.э.

IУ – Китойский – II половина III тыс. – начало II тыс. до н.э.
У – Глазковский – I700–I300 лет до н.э.[19]

Актуальность и широта выдвинутых проблем, а также их блестящее разрешение на базе всесторонней исчерпывающей аргументации выдвигают труды А.П. Окладникова на ведущее положение в основном фонде советской археологической науки. Вполне естественно, что исследование большого научного масштаба вызвало живой интерес и стало предметом обсуждения[20].

М.М. Герасимов на протяжении многих лет вел археологические исследования в области прибайкальского неолита. И неслучайно он в своей работе, посвященной восстановлению лица по черепу человека, жившего в Прибайкалье в эпоху неолита и ранней бронзы, не только интерпретирует антропологический материал, но и уделяет большое внимание обсуждению проблемы классификации памятников неолита. Взяв за основу материалы А.П. Окладникова, М.М. Герасимов путем сравнительного анализа инвентаря пришел к заключению, что памятники исаковского и серовского времени следует объединить в одну культурно-хронологическую группу, а китойские памятники в общей схеме должны занять место перед ними. Правомерность такого перемещения он объяснил следующим образом: "Китойский этап разрывает стройную картину единого развития материальной культуры Прибайкалья. Он как бы врезается инородным телом между серовским и глазковским этапами, не обнаруживая элементов перехода от серовского к глазковскому этапу. Китойский этап не имеет преемственной связи ни с предшествующим, ни с последующим этапом истории. Такое внедрение инородной культуры можно объяснить только вторжением нового населения на данную территорию, что вряд ли вероятно". В связи с этим М.М. Герасимов счел необходимым видоизменить схему А.П. Окладникова и предложил ее вариант, состоящий из следующих этапов:

I – Хиньский
II – Китойский
III – Серовский
IУ – Глазковский[21].

Основой этого построения явился типологический анализ только определенных категорий орудий из погребений, весь же инвентарь не рассматривался. Учитывая это обстоятельство, периодизация М.М. Герасимова, на наш взгляд, кажется недостаточно убедительной.

С 1955 г. археологические исследования под руководством А.П. Окладникова начинаются в зоне затопления Братской ГЭС. За пятилетний срок работы Братской археологической экспедицией были проведены значительные раскопки на известных могильниках эпохи неолита и бронзы – Серово, Пономарево, Семеновка, Братский Камень и др., а также на неолитических поселениях в устье Белой, в падях

Частые, Ленковка, Калашникова, около сел Казачье, Нижнее Середкино, Рютино, Заярск и Братск. Особое внимание было уделено изучению наскальных изображений на Каменных островах, у с. Верхняя Буреть и г. Свирска. Результаты первоначально были изложены в ряде статей и кратких сообщений[22].

Одновременно с Братской археологической экспедицией в зоне затопления в течение трех лет (1957–1959 гг.) работал отряд Братской геолого-палеонтологической экспедиции ВСФ СО АН СССР под руководством М.М. Герасимова. Объектом его исследований являлось многослойное поселение Усть-Белая. В итоге было установлено, что у бровки террасы, на которой расположено поселение, культурные остатки эпох неолита и более поздних периодов заключены в маломощной толще гумусированной супеси и стратиграфически не расчленяются[23]. Следовательно, в плане изучения неолитического комплекса этот участок поселения не является перспективным.

В это же время П.П. Хороших были закончены многолетние раскопки могильника "Локомотив", начатые им еще в 1946 г. За весь период изучения памятника было обнаружено около 20 погребений китойского времени и получено значительное количество погребального инвентаря[24].

С окончанием раскопок в зоне затопления Братской ГЭС исследование памятника неолита было продолжено в трех районах Прибайкалья: на побережье Байкала, в долинах Белой и Илима. В 1959 г. Ленинградским отделением Института археологии АН СССР под руководством профессора М.П. Грязнова была организована Иркутская археологическая экспедиция с целью изучения памятников, которым угрожало разрушение в связи с предполагаемым поднятием уровня воды в Байкале. В течение одного полевого сезона были проведены исследования на многослойном поселении и могильнике Улан-Хада, Посольской стоянке, могильнике у д. Фофаново на р. Селенге[25].

В период с 1963 по 1969 г. на средства БКНИИ СО АН СССР, Иркутского областного музея краеведения и ЛОИА АН СССР группой исследователей в составе П.П. Хороших, Е.А. Хамзиной, В.В. Свинина, П.Б. Коновалова и Л.П. Хлобыстина было проведено обследование всего побережья Байкала. В результате были уточнены местонахождения и стратиграфия уже известных памятников и открыто свыше 100 новых[26]. Опираясь на новые материалы, в основном на изучение керамических комплексов с многослойных поселений, участники этих экспедиций высказали ряд положений с целью уточнения некоторых моментов периодизации неолита Прибайкалья. Л.П. Хлобыстин седьмой горизонт стоянки Улан-Хада, где им была выделена керамика трех типов – серовская, глазковская и китойская, датирует временем перерастания серовской культуры в глазковскую. Появление же китойской керамики на этой стоянке он объясняет простым заимствованием

обитателями поселения техники изготовления сосудов у соседних китойских племен. По сути дела Л.П. Хлобыстин присоединяется к мнению М.М. Герасимова о генетической связи серовского и глазковского этапов, но, в отличие от него, считает китойскую культуру в неолите Прибайкалья пришлой, что и обусловило ее локальность. Местом же формирования китойской культуры он считает Забайкалье, оттуда она и проникла на эту территорию[27]. Однако приведенная Л.П. Хлобыстиным аргументация – анализ только керамических комплексов – явно недостаточна для этих выводов.

На основании керамического материала из тех же неолитических поселений В.В. Свинин приходит к несколько другому выводу. Он считает, что местом формирования китойской культуры является Прибайкалье. Район распространения китойских памятников ограничивается верхним течением Ангары и южной частью оз. Байкал. Причем появление китойского комплекса на Байкале совпадает с развитием здесь раннеглазковской культуры, на формирование которой он оказал значительное влияние. На остальной же его части наблюдается прямая преемственность между позднесеровской и раннеглазковской культурами[28]. Неубедительность высказанных В.В. Свининым положений заключается в том, что они не подкреплены полным анализом вещевого комплекса, обосновываются только интерпретацией керамического материала, который находится еще на стадии разработки.

Материалы, полученные М.М. Герасимовым в 1959 г. при исследовании Фофановского могильника, опубликованы участником экспедиции Е.Н. Черных[29]. На основании локализации погребений на площади могильника, стратиграфических наблюдений и типологического анализа инвентаря автор весь комплекс подразделяет на три группы. Первая группа погребений датируется временем неолита, ее ближайшим аналогом считаются памятники китойской культуры Прибайкалья. Вторая группа погребений обнаруживает почти полное сходство с глазковскими памятниками, за исключением весьма заметных различий в керамике. Фофановские сосуды сходны с сосудами из серовских погребений, а также аналогичны сосудам из VIII–III слоев стоянки Улан-Хада. Вопрос о датировке третьей группы погребений не решается конкретно. Автор ограничивается заявлением об отсутствии им аналогов в Прибайкалье. Давая общую оценку этому памятнику, Е.Н. Черных заключает, что эти группы "не связаны между собой ни по материальной ни по духовной культуре". Фофановский могильник состоит из отдельных кладбищ людей, не связанных между собой ни хронологически, ни культурно[30]. Из этого следует, что выделенные Е.Н. Черных первая и вторая группы погребений Фофановского могильника рассматриваются как своеобразные культурные комплексы Забайкалья, которые синхронны памятникам китойской и глазковской культур и обнаруживают с ними различную степень культурного сходства. Отрицая культурную

преемственность между этими группами и указывая на связь керамики второй группы с серовскими памятниками, автор тем самым присоединяется к распространенному в последнее время мнению о генетической связи серовских и глазковских памятников, но отсутствие достаточной аргументации не позволило ему высказаться определенно по этому вопросу.

С 1968 г. систематическое изучение памятников истории древних обитателей Байкальского побережья осуществляется экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова. Результатом этих работ явилось обследование местонахождения наскальных изображений в этом районе, их полное описание и научная интерпретация. Кроме того, в настоящее время ведутся разведочные работы по всему западному побережью, а также осуществляются раскопки древних могильников в устье Анги, на Ольхоне и поселений в бухтах Куркут и Саган-Заба.

Наряду с широкими полевыми исследованиями А.П. Окладников осуществляет большую работу по созданию полного свода всех типов неолитических памятников Прибайкалья. В настоящее время вышел целый ряд монографий ученого, посвященных наскальным писаницам долины Ангары и Лены, побережья Байкала и Забайкалья[31]. Особую ценность представляют его работы, в которых получили полное научное освещение погребальные памятники этого района[32]. Описание могильников и погребений сделано на основе подлинной научной и полевой документации, даны исчерпывающий анализ инвентаря и его культурно-историческая оценка. В этих работах А.П. Окладников продолжил изучение проблемы развития неолитических племен Прибайкалья. В частности, в байкальской культуре им выделены два локальных варианта: ангарский и верхнеленский. Тогда как в глазковское время происходит нивелировка культуры на всей территории Прибайкалья, выяснить причины которой пока еще не представляется возможным[33].

Заключительным этапом начатой работы должна стать публикация материалов всех известных неолитических поселений.

Значение этого свода прежде всего состоит в том, что он явится богатой фактологической базой для дальнейшего развития советской археологической науки.

В результате последних исследований, проведенных на могильниках около сел Хужир на Ольхоне и Обхой на верхней Лене, впервые А.К. Конопацким получены абсолютные даты для серовских, китойских и глазковских погребений[34]. Серия полученных дат неолитических погребений является одним из важнейших оснований для конкретизации основных периодов хронологической схемы развития неолита Прибайкалья.

С 1973 г. на побережье оз. Байкал начала свою работу Комплекс-

ная археологическая экспедиция ИГУ. Объектами ее исследования явились многослойные поселения в бухте Песчаной на о. Ольхон, в районе зал. Мухор – бухтах Сарма, Куркут и на мысе Улан-Хада. Проведено комплексное геолого-археологическое исследование этих памятников[35].

Работы обеих экспедиций по изучению памятников побережья оз. Байкал продолжаются.

Основным объектом раскопок в Ангарском бассейне было многослойное поселение и могильник Усть-Белая. Археологический отряд ИГУ под руководством Г.И. Медведева занимался изучением мезолитических слоев памятника. Культурные комплексы эпохи неолита и раннего металла на поселении и могильнике явились предметом исследования археологического отряда Иркутского областного музея краеведения и экспедиции ИГПИ под руководством Г.М. Георгиевской. В результате этих исследований в стратиграфической колонке поселения удалось выделить слои, содержащие культурные остатки неолита (китойская культура), энеолита (глазковская культура) и эпохи развитой бронзы, и установить их стратиграфическую и культурную связь с группами погребений, расположенными на этой же площади[36]. Исследование памятника продолжается.

Начиная с 1969 г. Бельским археологическим отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ было проведено полное обследование долины р. Белой. В ее среднем течении были открыты многослойные поселения Горелый Лес, Плотбище, Луговая, Нижний Булай, Холмушино и др. В последующие полевые сезоны на этих памятниках проводились стационарные раскопки. На поселении Горелый Лес было проведено детальное геологическое изучение террасы, на которой расположен этот памятник. В стратиграфической колонке памятника выделено семь культурных горизонтов. Все это позволяет считать стоянку Горелый Лес одним из опорных памятников неолита Прибайкалья[37].

В 1960 г. после продолжительного перерыва возобновились археологические исследования в долине Илима. Первые раскопки в среднем течении были произведены еще в 1926 г. Я.Н. Ходукиным[38]. Изучение древних памятников в этом районе в 1929-30-х гг. продолжил Г.Ф. Дебец[39]. В связи с планом строительства Усть-Илимской ГЭС с целью учета и предварительного изучения памятников летом 1960 г. в долину Илима была направлена историко-археологическая экспедиция ИГУ под руководством П.П. Хороших, местом работы которой был участок от пос. Затопляемого до д. Ступиной, где собран значительный подъемный материал и проведены раскопки на многослойном поселении в устье Тушамы[40]. В 1961 г. на Илиме работал Илимский отряд археологической экспедиции ИГУ и Иркутского областного музея краеведения под руководством Г.И. Медведева. Рекогносциро-

вочными работами был охвачен участок от Илимска до Невона. Отряд провел исследования на ранее известных памятниках этого района, уточнил их стратиграфию, а также открыл ряд новых местонахождений[41]. С 1967 г. в зоне затопления начала свою работу Ангаро-Илимская археологическая экспедиция Института истории, филологии и философии СО АН СССР. За десятилетний срок был исследован целый ряд стоянок в Илимском бассейне – Усть-Игирма, Усть-Тушама, Усть-Илим и другие, а также неизвестные памятники в долине Ангары, открытые А.П. Окладниковым в 1937 г.[42] Работы Ангаро-Илимской археологической экспедиции продолжаются.

Таким образом, в истории изучения неолита Прибайкалья можно выделить три периода. Первый, дореволюционный, период характеризуется началом систематических исследований памятников неолитического времени, накоплением археологического материала, стремлением использовать его как исторический источник для восстановления древней истории края. Особенно важным является то, что тогда же был предпринят первый опыт классификации памятников эпохи неолита, спорным моментом которой оказался китойский комплекс. Основную роль в организации и проведении археологических исследований в то время сыграла деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Второй период начался после Великой Октябрьской социалистической революции и продолжался до конца 30-х гг. Он явился временем становления сибирской советской археологии. Научным центром был молодой Иркутский университет, который проводил большую работу по подготовке научных кадров. Активное участие в полевых исследованиях принимали Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества и Иркутский областной музей краеведения. С целью выявления археологических памятников были организованы многочисленные экспедиции. Разведочными работами была охвачена вся территория Восточной Сибири. Открытие новых местонахождений и их предварительное изучение способствовали разработке методики полевых исследований для различных типов памятников.

Появление нового археологического материала требовало решения вопроса его классификации и систематизации.

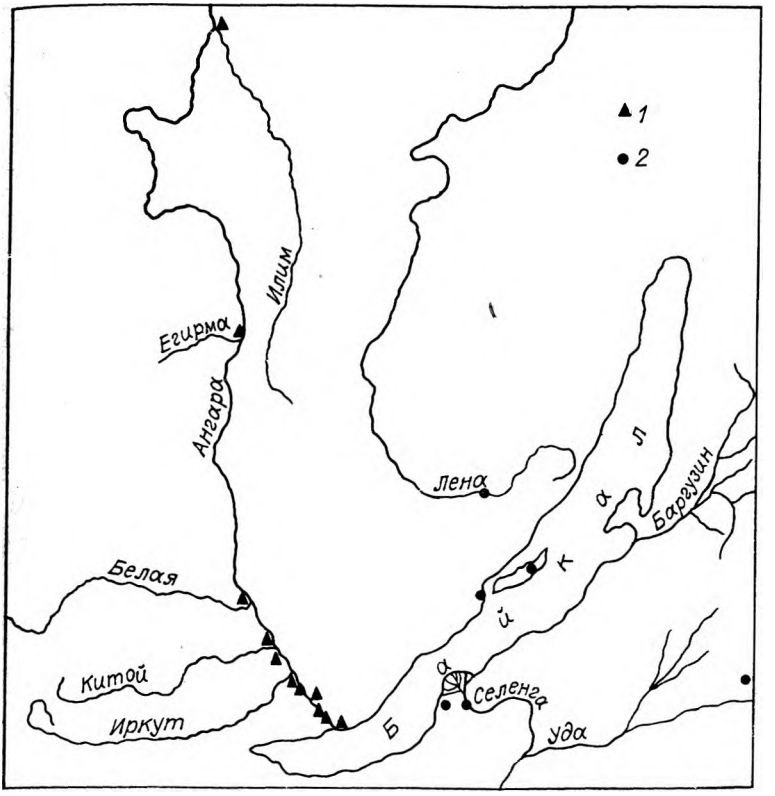
В конце 30-х гг. началось планомерное исследование в зоне затопления Ангарского каскада гидроэлектростанций. Разведочные работы и предварительные исследования памятников в долине Ангары от ее истока до с. Братск явились основой для новой культурно-хронологической схемы древней истории Прибайкалья, в которой китойские памятники были выделены в самостоятельный этап развития прибайкальского неолита. Осуществление этого плана археологических работ было прервано Великой Отечественной войной.

С 1950-х гг. начался третий период исследования, который продолжается по настоящее время. Силами экспедиций, организованных на средства местных научных учреждений, Академии наук СССР, Сибирского отделения АН СССР, образованного в 1958 г., а также на средства, выделяемые для этих целей строительством ГЭС, были проведены и проводятся археологические работы в зонах затопления крупнейших сибирских гидроэлектростанций - Иркутской, Братской и Усть-Илимской. В результате исследований получен обширный фактический материал, который подтверждает основные положения культурно-хронологической схемы неолитического периода древней истории Прибайкалья, выработанной А.П. Окладниковым на базе изучения погребальных комплексов. Вместе с тем исследования значительного количества многослойных поселений дали возможность сопоставления материалов могильников с материалами поселений. Данные стратиграфических наблюдений и радиокарбоновых анализов позволяют уточнить хронологию как отдельных местонахождений, так и целых этапов развития неолита Прибайкалья и прежде всего китойской группы памятников. Кроме того, новые данные значительно дополняют имеющиеся сведения по различным сторонам жизнедеятельности древнего населения, что в конечном итоге дает ценный фактический материал для решения проблемы этногенеза современных народов Сибири.

Г л а в а II

ПАМЯТНИКИ КИТОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Район распространения памятников китойской культуры в Прибайкалье - долина р. Ангары. Начиная от истока реки памятники располагаются в следующем порядке: поселения около с. Никола, на островах Сосновом и Лесном, у с. Патроны, погребение в местности Межовка, погребения и поселение в Кузьмихе, могильник в устье Иркута, поселение и погребения у ст. Суховской, могильник в устье Китоя, поселение и могильник в устье Белой, погребения у с. Распутино и поселение в устье Илима (рис. 1). Основное количество памятников сосредоточено на 160-километровом участке верхнего течения Ангары от ее истока до устья Белой. Всего в рассматриваемом районе насчитывается 14 местонахождений. К приустьевым участкам крупных ангарских притоков Иркута, Китоя и Белой приурочены все большие могильники китойской культуры: Глазковский ("Цикломдром", "Локомотив")[1], Китойский и Усть-Белая. В расположении китойских поселений трудно проследить какую-либо закономерность.



Р и с. I. Карта-схема расположения памятников китойского типа.
1 – памятники китойской культуры; 2 – памятники китойского времени.

Они находились по обоим берегам, а также на ангарских островах. Можно отметить лишь то, что все они дислоцированы на низких террасовых уровнях.

Описание памятников китойской культуры мы начинаем с могильника в устье Китоя, материалы которого послужили основой для выделения и наименования всей этой группы.

МОГИЛЬНИКИ

К и т о й с к и й м о г и л ь н и к. Памятник расположен в устье Китоя – крупного ангарского притока, открыт в 1870 г. Н.И. Витковским. Спустя десять лет, в 1880 г., им были осуществ-

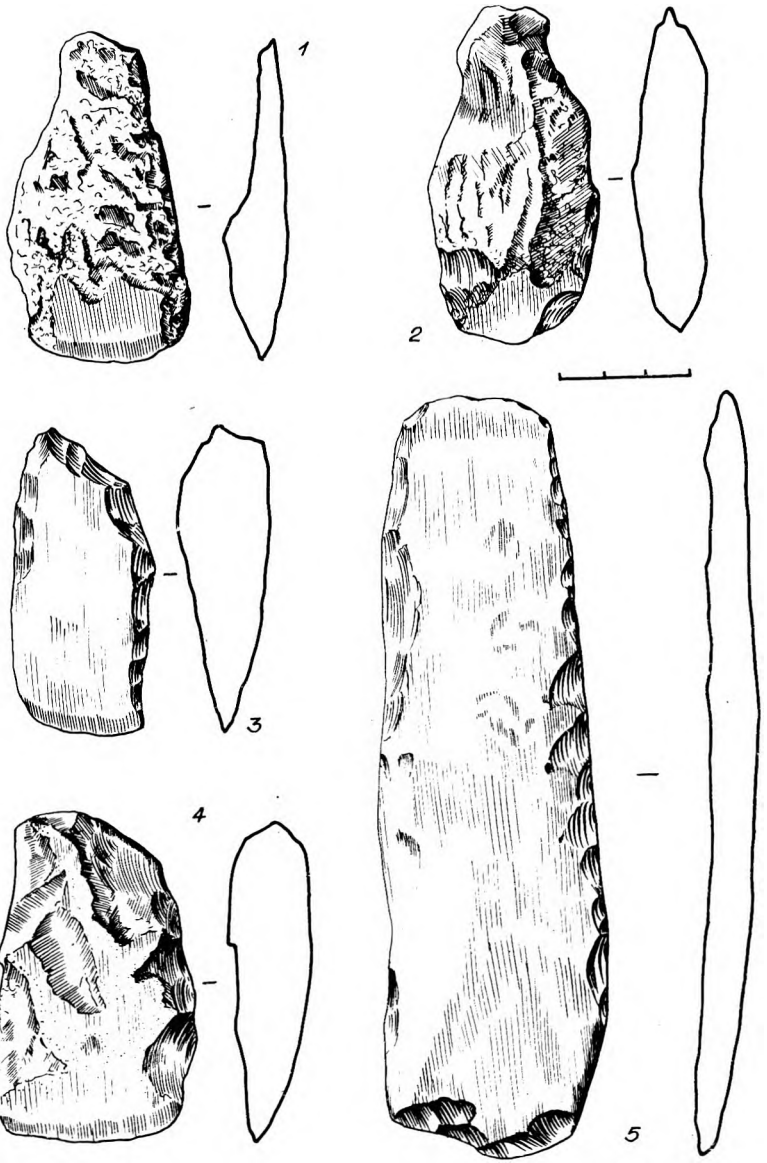
лены первые раскопки, которые он продолжил и в следующий сезон. В результате был раскопан интереснейший памятник эпохи неолита Сибири – "родовое кладбище" древнего человека, где было зафиксировано 23 погребения[2]. После Н.И. Витковского на памятнике в 1936 г. было обнаружено любопытное скопление красной охры, по форме напоминающее могильное пятно. В середине пятна был найден массивный кусок зеленого нефрита – заготовка топора. Исследователь считает, что это скопление следует рассматривать как остатки неолитического погребения[3]. После длительного перерыва, в 1957 г., изучение памятника было продолжено Братской археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова и экспедицией ИГУ. Археологическая экспедиция, возглавляемая П.П. Хороших, раскопала два погребения[4].

Отрядом Г.А. Максименкова Братской археологической экспедиции по поручению научного руководителя А.П. Окладникова на памятнике был заложен раскоп общей площадью 300 м^2. В результате обнаружили шесть погребений: два из них принадлежали взрослым субъектам, одно – детское, остальные погребения представляли собой скопления человеческих костей[5].

В связи с тем что подробное описание характера погребений Китойского могильника проводилось неоднократно и хорошо известно в литературе, мы не видим необходимости повторять его, а ограничимся только общим анализом ритуала и погребального инвентаря[6].

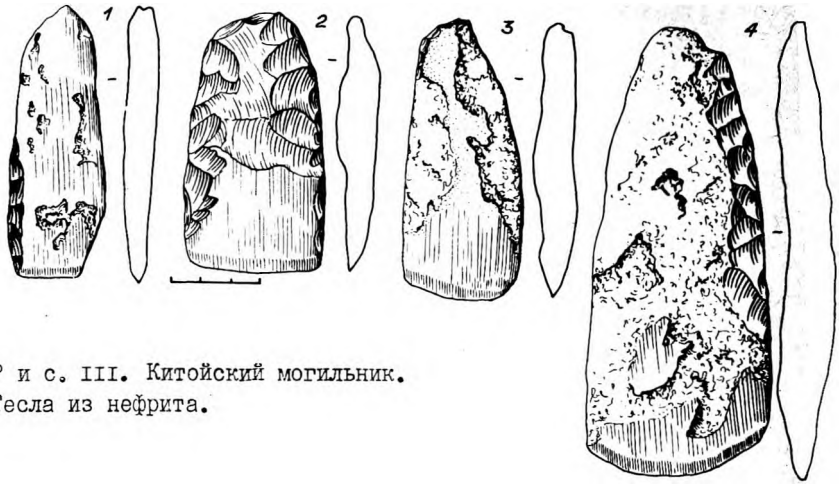
Таким образом, в устье Китоя раскопано 32 погребения. По особенностям ритуала всю группу можно разбить на несколько типов: 1) одиночные захоронения взрослых людей с вытянутыми костяками на спине – 20; 2) одиночные захоронения вниз лицом – 2; 3) детские захоронения – 3; 4) погребение со скорченным костяком – 1; 5) парные захоронения – 2; 6) захоронения с расчлененными костяками – 4. Среди одиночных погребений отмечены случаи захоронения без черепов (№ 3, 11, 18, 23). В пяти случаях имеются частичные и полные нарушения костяков без следов перекопа. Особо следует отметить те погребения, где умершие помещены вниз лицом (№ 6 – 1880 г. и № 1 – раскопки А.П. Окладникова 1957 г.). В ориентировке костяков преобладает северо-восточное направление (24 погребения), на юго-запад ориентированы костяки из шести погребений. В парном захоронении № 7 костяки помещены по антитезе: один головой на северо-восток, второй – на юго-запад. В погребении № 19 костяки имеют северо-восточную ориентировку. В погребении № 1 (раскопки П.П. Хороших) костяк ориентирован на северо-запад. Общим признаком всех погребений является обязательное присутствие красной охры.

Характеристика инвентаря погребений, раскопанных в устье Китоя. Среди изделий из камня значительную часть составляют орудия,



Р и с. II. Китойский могильник. Рубящие орудия из нефрита.
1, 2 – топоры; 3–5 – тесла.

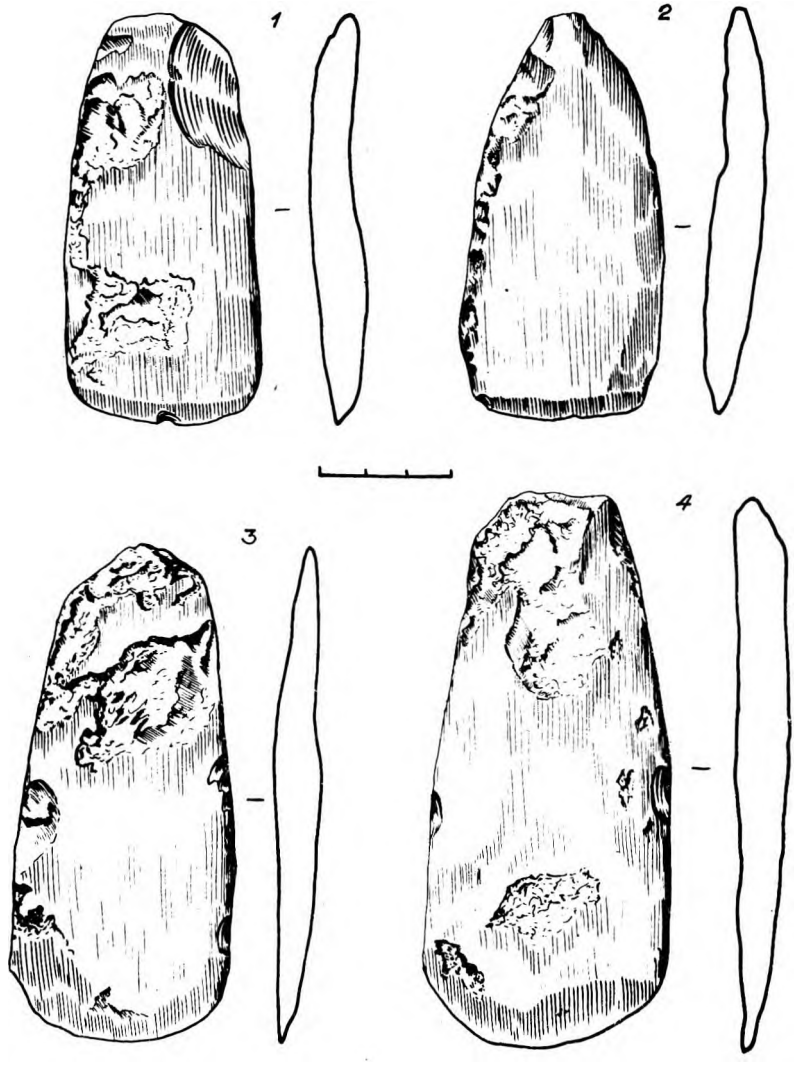
изготовленные из нефрита: тесла, топоры и ножи. Рубящие орудия представлены 28 экз. (рис. I–7). Изделия в плане треугольных очертаний, обушок заужен и часто слегка скошен. Поперечное сече-



Р и с. III. Китойский могильник. Тесла из нефрита.

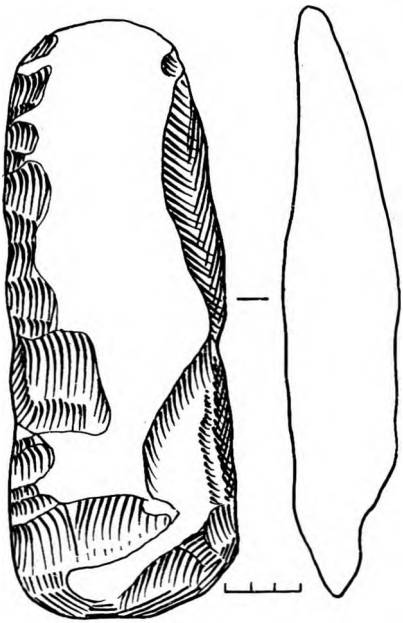
ние – близкое к овалу. Лезвия тесел прямые или немного выпуклые и имеют асимметричные продольные сечения со следами работы на одной из сторон. Для топоров характерно овальное лезвие с симметричным продольным сечением; следы работы прослеживаются на обеих сторонах. В погребении № 6 было найдено длинное узкое долото из нефрита с резко суженным лезвием. Орудия Китойского могильника отличаются небрежностью отделки. Из 25 топоров и тесел, найденных Н.И. Витковским, только четыре орудия полностью обработаны, I5 изделий носили следы шлифовки по рабочему краю, а шесть вообще не отшлифованы[7]. Форма и материал топоров и тесел этого памятника явились основанием для выделения их в особую группу орудий китойского типа. В погребении № I9 было обнаружено тесло из сланца, сведениями о его форме мы не располагаем. При определении функционального назначения орудий мы пользовались методом С.А. Семенова[8].

Шлифованные ножи из нефрита в материалах могильника представлены I9 экз. (рис. VI). По характеру лезвия среди этих орудий можно выделить два типа. Ножи с вогнутым или слегка выпуклым лезвием по одному краю и ножи подтреугольной формы с двумя лезвиями, которые в большинстве случаев в верхней части орудий сходятся, образуя тупоугольное острие. Неслучайно Н.И. Витковский принимал последние за наконечники стрел. В настоящее время они известны как ножи китойского типа. Толщина нефритовых пластин, из которых изготовлены ножи, достигает 5 мм. В единственном экземпляре обнаружен обломок шлифованного ножа из кремнистого сланца белого цвета. Орудие снабжено лезвием по одному краю. Половина лезвия отшлифована, другая же оформлена ретушью. По тыльной стороне орудия нанесена крутая ретушь.



Р и с. IV. Китойский могильник. Тесла из нейрита.

В устье Китоя было обнаружено 87 наконечников стрел, изготовленных из кремня. В настоящее время дать полное описание этих изделий не представляется возможным, так как из 79 наконечников (раскопки Н.И. Витковского) сохранилось только три орудия (рис. УШ). Наконечники треугольной формы небольшого размера. По характеру насада они подразделяются на три типа: наконечники с вогнутой базой имеют симметричные или асимметричные жальца и изделия

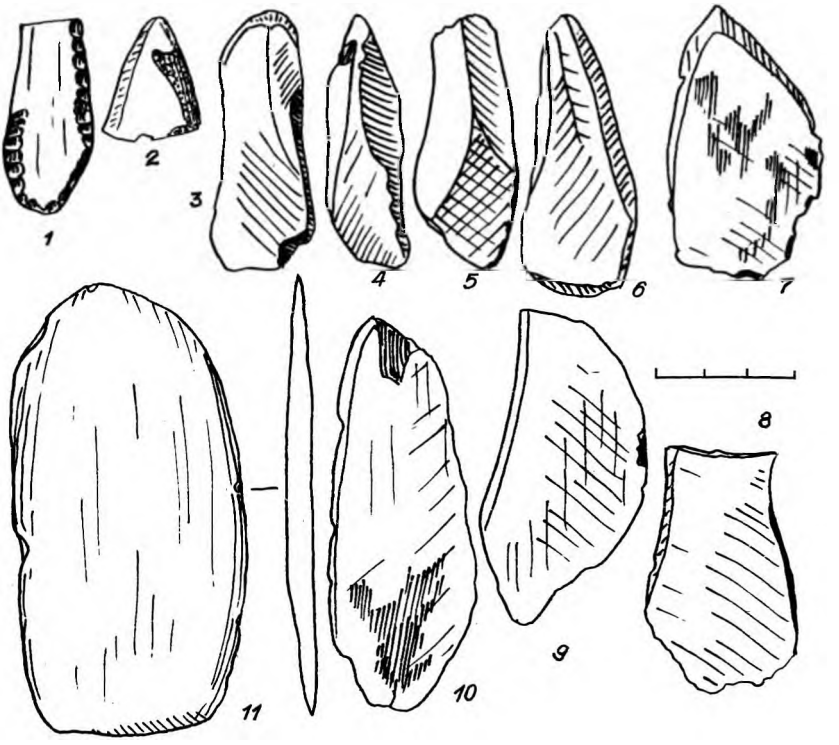


Р и с. V. Китойский могильник. Топор из нефрита.

с прямым и овальным основанием. Поперечное сечение орудий линзовидное[9].

Самую многочисленную группу инвентаря представляют каменные стерженьки к составным рыболовным крючкам (рис. VIII). По форме эти изделия напоминают удлиненный конусообразный стержень, снабженный с обоих концов уплощенными полулунными головками. Остриями служили клыки и когти мелких животных, а также специально изготовленные костяные наконечники. Некоторые с острого конца снабжены 1–5 зубцами. Все они имеют изогнутую форму и прямой торцовый срез в основании. Местом скрепления частей является внутренняя сторона головки утолщенного конца стерженька и торцовый срез острия, которые при совмещении плотно прилегают друг к другу. Эти рыболовные орудия известны как составные крючки китойского типа. Кроме этой формы встречаются стерженьки с иным оформлением нижних головок. Так, в погребении № 1 (раскопки А.П. Окладникова 1957 г.) обнаружено четыре таких изделия. У трех из них нижняя головка отделена от стержня двумя симметрично расположенными выступами, а по ней нанесено два неглубоких пропила. Один из стерженьков в нижней части вместо головки имеет уплощенное расширение с тремя симметрично расположенными выступами по каждой из сторон[10]. В погребении № 2 (раскопки П.П. Хороших) конфигурация стерженьков еще более разнообразна. У одного изделия выше нижней головки имеется кольцевая нарезка. У другого – по верхней сильно зауженной части нанесено девять поперечных насечек, а нижняя часть оформлена в виде крюкообразного бокового вреза для крепления жальца. У третьего изделия нижняя головка разделена глубоким пропилом[11]. Поделочным материалом для крупных стерженьков (длина свыше 10–20 см) служил шиферный сланец, для стерженьков 5–10 см – кремнистый сланец, а для мелких (4–1,5 см) – агальматолит. Независимо от размера изделий и поделочного материала их форма чрезвычайно выдержана, за исключением семи вышеописанных экземпляров. Всего в устье Китоя обнаружено 276 изделий.

Костяной рыболовный инвентарь содержит 54 наконечника для



Р и с. VI. Китойский могильник. Ножи.
I - из сланца; 2-II - из нефрита.

гарпунов (рис. IX), которые по форме острия и характеру крепления линя разделяются на несколько типов.

1. Орудия, имеющие одно- или двустороннее асимметричное расположение зубцов, насад снабжен полукруглым или прямоугольным выступом с отверстием.

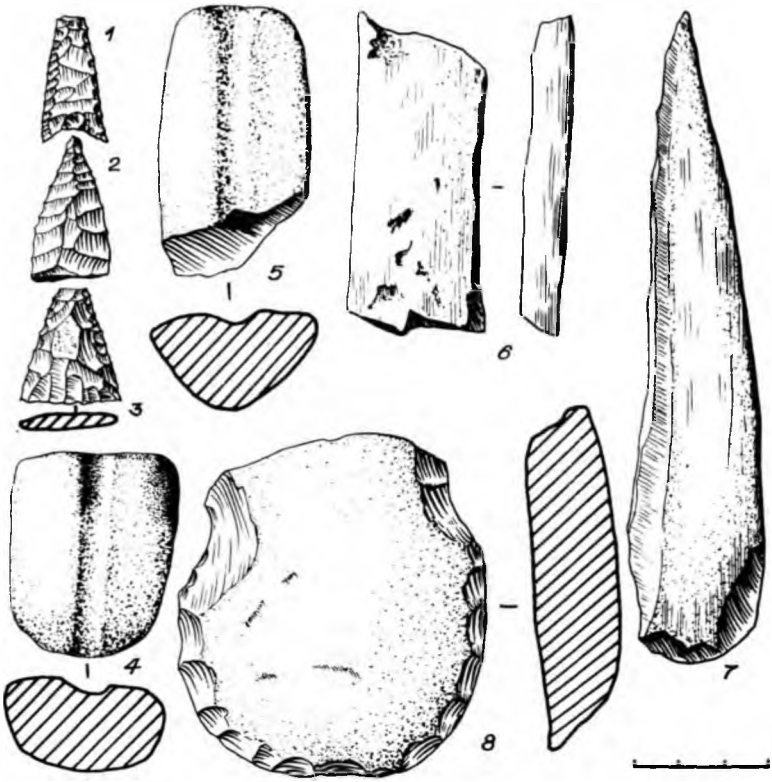
2. Острие наконечника уплощенное, зубцы расположены попарно, с легкой асимметрией. В верхней части насада имеется крылообразное расширение с отверстием.

3. Наконечники с крестообразным приспособлением для крепления линя.

4. Орудие, у которого насад отделен от острия кольцевым врезом, а ниже с одной стороны имеется два небольших выступа[12].

5. Тщательно отделанный гарпун с крупными массивными зубцами на одной стороне и двумя боковыми выступами с выемками на насаде[13].

6. Крупные гарпуны с массивными зубцами по одной стороне. Насад орудия имеет боковой выступ, снабженный выемкой[14].

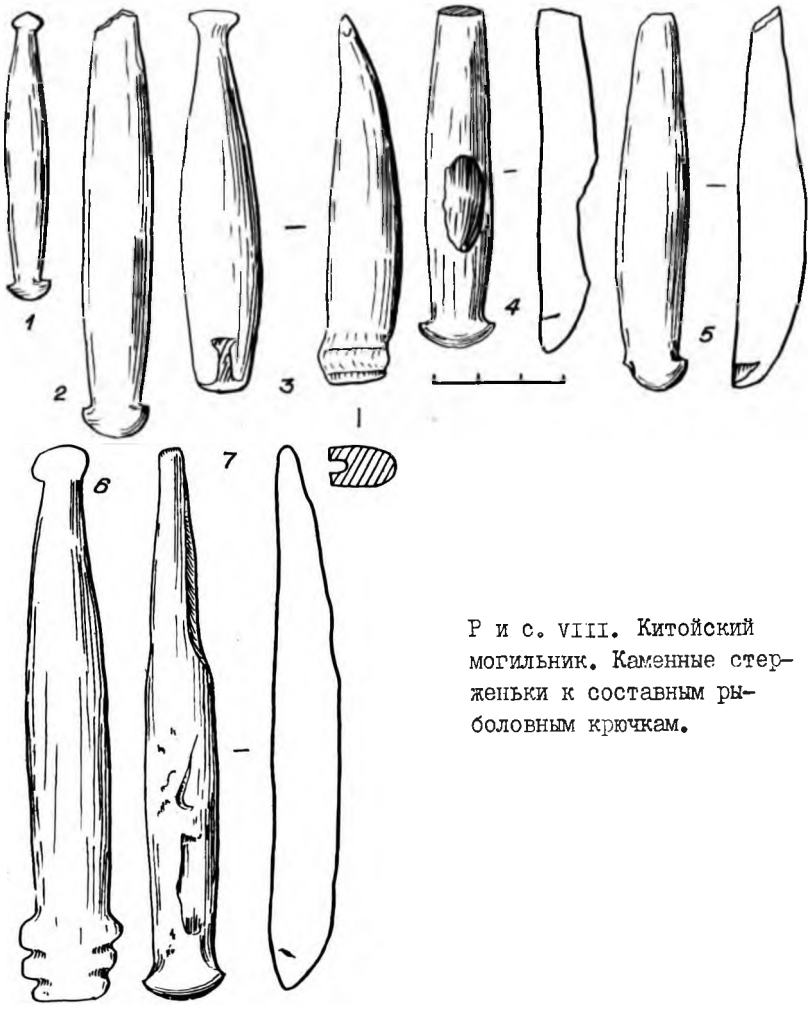


Р и с. VII. Китойский могильник. Изделия из камня.

I-3 - кремневые наконечники стрел; 4-5 - бруски из песчаника; 6-7 - заготовки орудий из сланца; 8 - скребло из скола гальки.

У всех орудий насад имеет округлое поперечное сечение. Изделия, имеющие отверстия для крепления линя, известны как гарпуны китойского типа.

Абразивный инструмент для пиления камня и кости и шлифования орудий представлен плоскими пилами из мелкозернистого песчаника с симметрично скошенным с обеих сторон рабочим краем, плоскими брусками из того же материала (около I0 экз.) и брусками полуцилиндрической формы с продольным желобком посредине плоской стороны. Последние изготовлены из крупнозернистого песчаника и известны как "выпрямители древков" китойского типа - 6 экз. (см. рис. VII, 4,5). О применении абразивов свидетельствуют находки Н.И. Витковского. В погребениях № I, 6 и I8 были обнаружены куски агальматолита со следами пиления, в погребении № 6 - кусок

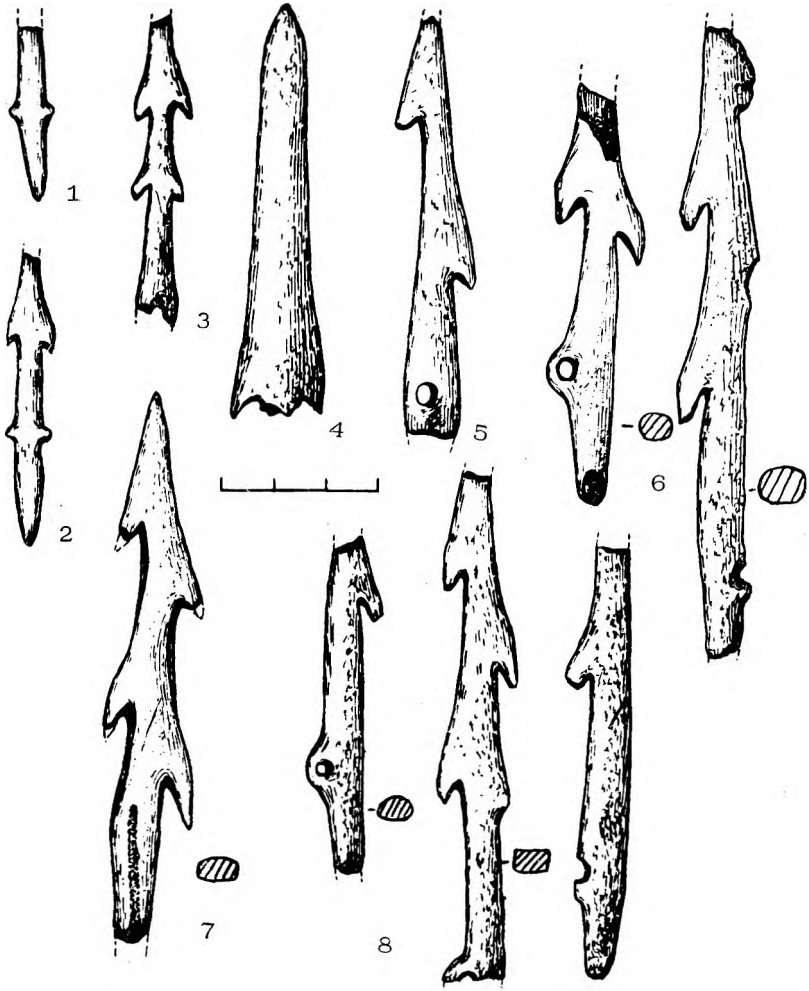


Р и с. VIII. Китойский могильник. Каменные стерженьки к составным рыболовным крючкам.

камня с желобками распила с обеих сторон, в погребениях № 3 и I7 – куски рога изюбра и трубчатая кость со следами распила. Кроме того, Н.И. Витковский отмечал, что на некоторых топорах и теслах из нефрита сохранились следы распила[I5].

В материалах могильника зафиксировано пять вкладышевых орудий.

I. Костяной вкладышевый нож из трубчатой кости с кривым лезвием. По одной стороне его имеется паз для вкладного лезвия, спинка орудия по всей длине оформлена насечками. Здесь же найдено пять кремневых вкладышей. Верхняя часть орудия заканчивается острым слегка скошенным срезом, рукоять же имеет прямой срез (рис. X).



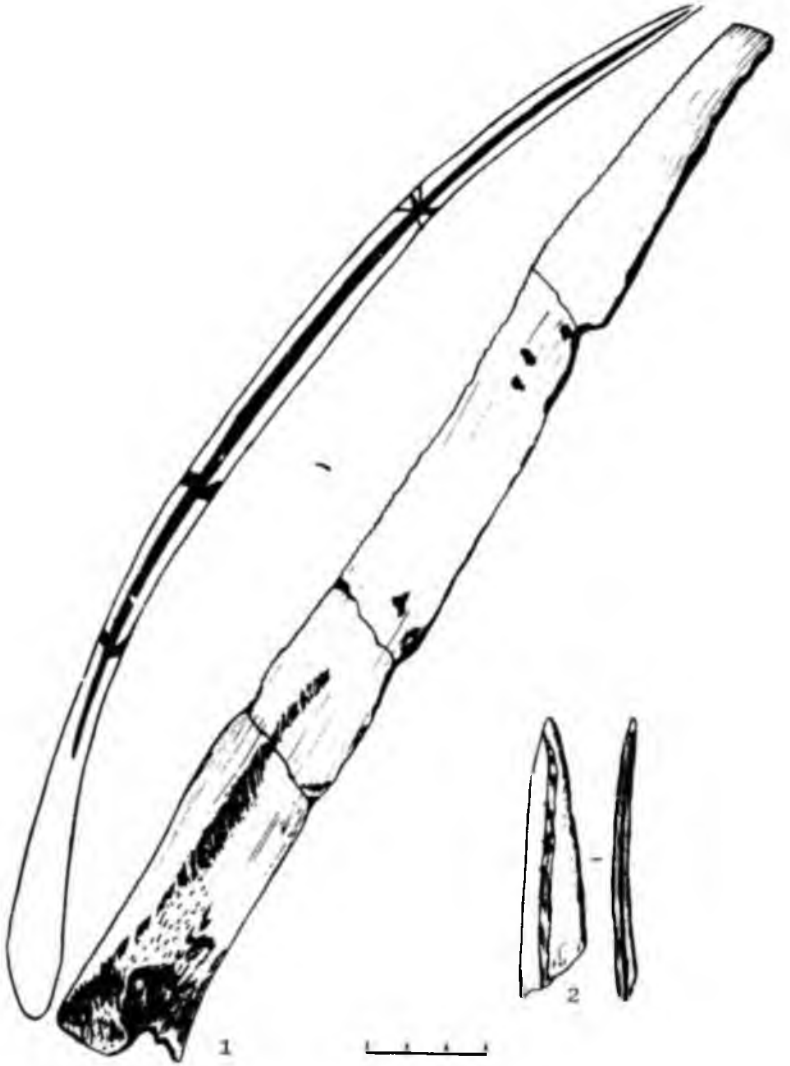
Р и с. IX. Китойский могильник. Наконечники гарпунов.

2. Длинное вкладышевое орудие с двумя лезвиями заканчивается острием. Рукоять оформлена овальным поперечным срезом. Вместе с этим орудием обнаружено несколько пластин - вкладышей.

3. Широкий, плоский вкладышевый кинжал с двумя вкладными каменными лезвиями, на усеченной рукояти имеется отверстие.

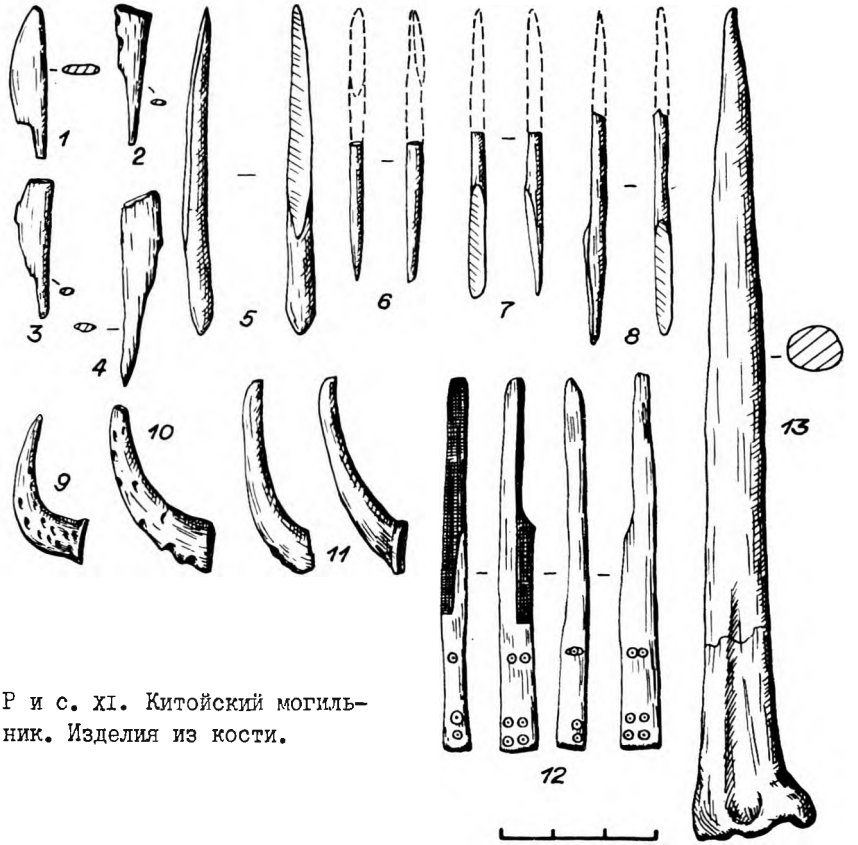
4. Плоский костяной вкладыш с двумя пластинами вкладного лезвия.

5. Обломок костяного вкладышевого орудия с односторонним, хорошо отретушированным лезвием из широких прямоугольных пластин[16].



Р и с. X. Китойский могильник. Вкладышевые орудия.

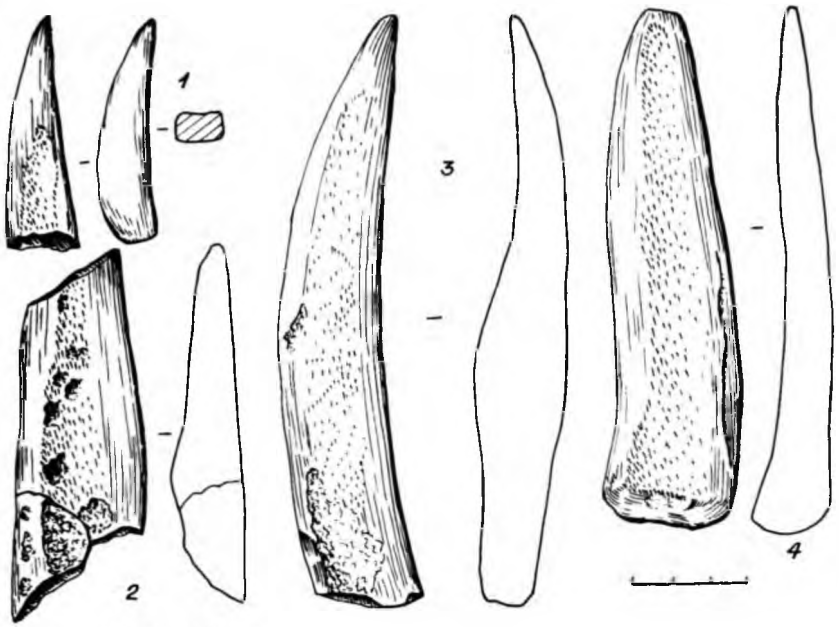
Кремневый инвентарь представлен немногочисленными изделиями: 4 проколки, 5 скребков, 2 ретушированных вкладыша и 2 пластины с крутой ретушью. Два скребка, изготовленные из массивных галечных сколов, почти круглой формы. Крутая грубая ретушь нанесена почти по всей окружности (см. рис. VII, VIII). Скребок на сколе с нуклеуса имеет продолговатую форму. Ретушь нанесена по овальному лез-



Р и с. XI. Китойский могильник. Изделия из кости.

вию и по одной из длинных сторон. Два плоских скребка на плитке аргиллита, лезвие овальное.

Описывая инвентарь погребений, Н.И. Витковский многократно указывал на наличие костяных шильев, колющих орудий из рога изюбра, колющих орудий из кости и костяных наконечников для дротиков. При разборе коллекций с Китойского могильника было выявлено 34 орудия шилообразной формы, которые подразделяются на несколько типов: а) шилообразные острия с насадом, оформленным боковым срезом. Некоторые из них в нижней части слегка изогнуты – 17 экз. (рис. XI, 6–8); б) орудия с уполщенным телом, посередине которого проходит округлое ребро, переходящее вверху в плоское острие. В нижней части это ребро образует черешок с острым концом – 18 экз. (рис. XI, 1–4); в) шилья, изготовленные из расколотых трубчатых костей, от которых сохранился естественный желобок. Рукоятью служит сохранившаяся часть эпифиза – 3 экз. (рис. XI, 13); г) орудия из шилообразного острия, тупой конец является рукоятью, острие

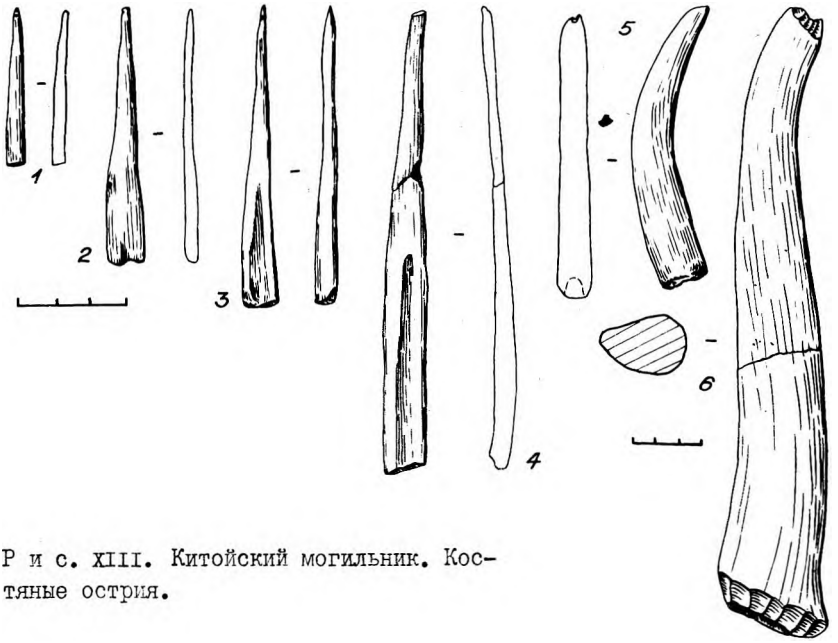


Р и с. XII. Китойский могильник. Острия из рога.

оформлено боковым срезом (рис. XI, 5). В погребении № 6 было найдено костяное шило, ручка орудия четырехгранная. Орнамент состоит из кружков с точкой в центре и располагается двумя линиями вдоль ручки (рис. XI, XII).

Колющие орудия из рога изюбра представлены семью экземплярами. До настоящего времени сохранилось одно орудие, остальные представлены только отдельными фрагментами (рис. XII, 3). Это массивное кривое острие с желобком посредине. Нижняя часть орудия заканчивается неровным поперечным срезом. Это острие, скорее всего, использовалось как рогатина для охоты на крупного зверя. Автор раскопок указывает, что у одного орудия было плоское острие, а у другого - четырехгранное[17].

Колющие орудия из трубчатой кости повторяют форму шильев, но отличаются своими размерами, в длину они достигают 18–20 см. Из четырех орудий, известных по описанию Н.И. Витковского, сохранилось только два (рис. XIII). Длинные округлые в сечении костяные острия с уплощенным насадом, оформленным двумя боковыми срезами. Длина орудий от 20 до 25 см. Видимо, эти орудия использовались как наконечники для дротиков. Из шести изделий сохранилось только три (рис. XIV).



Р и с. XIII. Китойский могильник. Костяные острия.

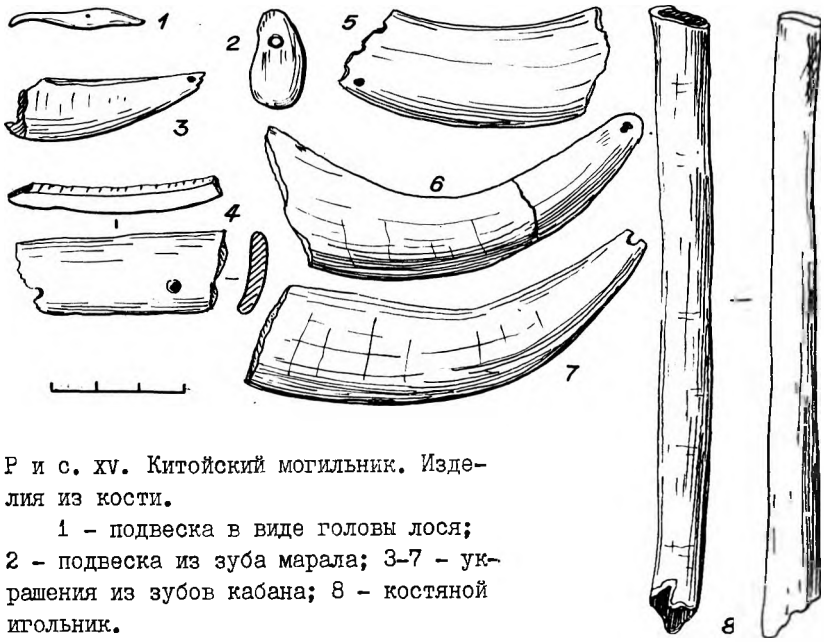
В описи Н.И. Витковского встречаются сведения о трех изделиях, имеющих форму лопаточки-совка. Длинное широкое орудие с параболоидным острием. На его выпуклой спинке нанесен орнамент, состоящий из длинных треугольников, заштрихованных наискось. Треугольники расположены плотно друг к другу по обоим краям изделия, в середине спинки они сходятся своими вершинами. Резная рукоять от стержня отделена красиво изогнутыми выемками, которые, соприкасаясь, образуют выступ. От этого выступа к треугольникам протянуты две врезные слегка изогнутые ленты. Такие же ленты нанесены и на обратной стороне изделия[18]. Сведениями об остальных орудиях мы не располагаем. В инвентаре могильника имеется четыре ступки-палетки из плоских галек с углублением в центре. В трех случаях вместе с палетками обнаружены песты, изготовленные из галек продолговатой формы. Рабочий край пестиков прямой и гладкий от длительного использования. Всего найдено четыре пестика[19]. Заступы обнаружены в пяти погребениях. Орудия сделаны из лопатки лося, у которой тщательно срезаны все гребни и выступы, рабочий край с двусторонней заточкой.

В материалах могильника есть три игольника из трубчатых костей птиц, девять костяных игл, причем в нескольких случаях игольники были обнаружены со вставленным в них иглами[20].

Украшения в могильнике пред ставлены орнаментированными костяными браслетами, бусинками из зубов животных и подвесками в виде стилизованных изображений голов лося. Костяные браслеты обнаружены в трех погребениях в количестве пяти экземпляров. В погребении № 1 на "обеих плечевых костях, посредине, находились фрагменты костяных браслетов со сверленными отверстиями на концах и орнаментом из высверленных кружков с точечным углублением в центре. Кружки располагались поперек пластины полосами по два–три ряда[21]. В парном погребении № 7 на плече мужского костяка сохранились остатки костяного браслета, а на запястье – целый браслет, который состоял "из пластинки с отверстиями по краям для стягивания и изящным орнаментом в виде кружков с точечными ямками в центре"[22].

Р и с. XIV. Китойский могильник. Наконечники для дротиков.

В погребении № 3 была найдена дугообразно изогнутая костяная пластина с семью дырочками с одной стороны без орнамента, которую видимо, следует также считать браслетом[23]. Украшения из зубов животных известны пяти видов. Подвесок из зубов марала было найдено свыше 70 шт. В отдельных случаях был зафиксирован порядок расположения этих украшений в могильной яме. В парном погребении № 7 подвески в количестве 37 шт. были обнаружены в верхней части груди женского костяка лежащими полукругом. В погребении № I6 пять зубов марала и пять зубов лося (?) найдены на черепе в виде диадемы. В погребении № 1 (раскопки А.П. Окладникова) бусины из зубов марала лежали на тазовых костях в четыре ряда[24]. Подвески из клыков были зафиксированы в 11 погребениях на черепе или на шее умершего. В погребении № 7 была найдена узкая пластина из клыка кабана, "пилообразно зазубренная". Подвески имеют отверстия на каждом из концов, в большинстве случаев в широкой части клыка – три отверстия, а в узкой – одно. В погребении № I6 два клыка лежали на груди широкими концами в стороны. Подвески из резцов бобра в количестве 40 шт. были найдены в погребении № 5. Они располагались от правой плечевой кости скелета по костям таза до левой кисти через незначительные промежутки. Несколько этих



Р и с. XV. Китойский могильник. Изделия из кости.

1 – подвеска в виде головы лося; 2 – подвеска из зуба марала; 3–7 – украшения из зубов кабана; 8 – костяной игольник.

изделий было найдено и в погребении № 1 (раскопки П.П. Хороших). Кроме вышеуказанного случая, три подвески из зубов лося (?) были зафиксированы в погребении № 10. Украшения из клыков кабарги (2 шт.) отмечены только в погребении № 1 (раскопки П.П. Хороших), а две круглые плоские бусины из кости – в погребении № 1 (раскопки А.П. Окладникова). Особый интерес представляют две цилиндрические бусины из белого нефрита из погребения № 1, раскопанного П.П. Хороших. С обоих концов изделия имеют углубления в виде правильного круга со сквозным отверстием в центре. Длина изделий 2,5 см, диаметр 11 мм[25].

В инвентаре могильника имеются четыре подвески в виде стилизованного изображения головы лося. У одного изделия на месте предполагаемой шеи животного сохранилось сквозное отверстие. Три подвески происходят из погребения № 2, раскопанного П.П. Хороших, и одна – из погребения № 5 (раскопки Н.И. Витковского) (рис. XV, 1)[26].

Из бытового инвентаря отмечено пять костяных ложек. Ложка из погребения № 1, раскопанного А.П. Окладниковым, представляет собой уплощенную лопаточку в форме полуовала с низкими крутозагнутыми бортами. Лопаточка почти под прямым углом переходит в широкую ручку, которая постепенно сужается и заканчивается широким раструбом в виде хвоста рыбы. По краям ручки идут рельефные бортики с орнаментом, состоящим из косых насечек, расположенных попарно. В нижней части ручки по обоим краям имеются небольшие уш-

ки[27]. Вторая ложка найдена в погребении № 1 (раскопки П.П. Хороших). У изделия узкая прямая ручка. По сохранившейся части можно судить, что резервуар имел овальную форму и был достаточно глубоким[28].

В единственном экземпляре в инвентаре могильника находится керамический сосуд, который найден рядом с погребением № I3. У сосуда полушаровидное тулово, суживающееся к прямому слегка отогнутому наружу венчику. Вся поверхность сосуда покрыта оттисками сетки-плетенки[29].

В погребальном инвентаре могильника есть два скульптурных изображения. Изображение головы лося имеет удлиненные пропорции, но выполнено реалистично. Рот нанесен глубоким овальным пропилом, ноздри изображены продолговатыми углублениями на незначительно рельефном возвышении. Четко выступает лобный бугорок. Глаза животного обозначены точечной ямкой на круглом рельефе. Уши отмечены двумя глубокими поперечными насечками, на некотором расстоянии от них имеется еще одна насечка. Изделие заканчивается клиновидным срезом[30]. Интересно схематичное изображение двуголовой рыбки из плоской гальки. Жаберные крышки обозначены полуовальной линией, у одной головки на месте рта имеется неглубокий пропил[31].

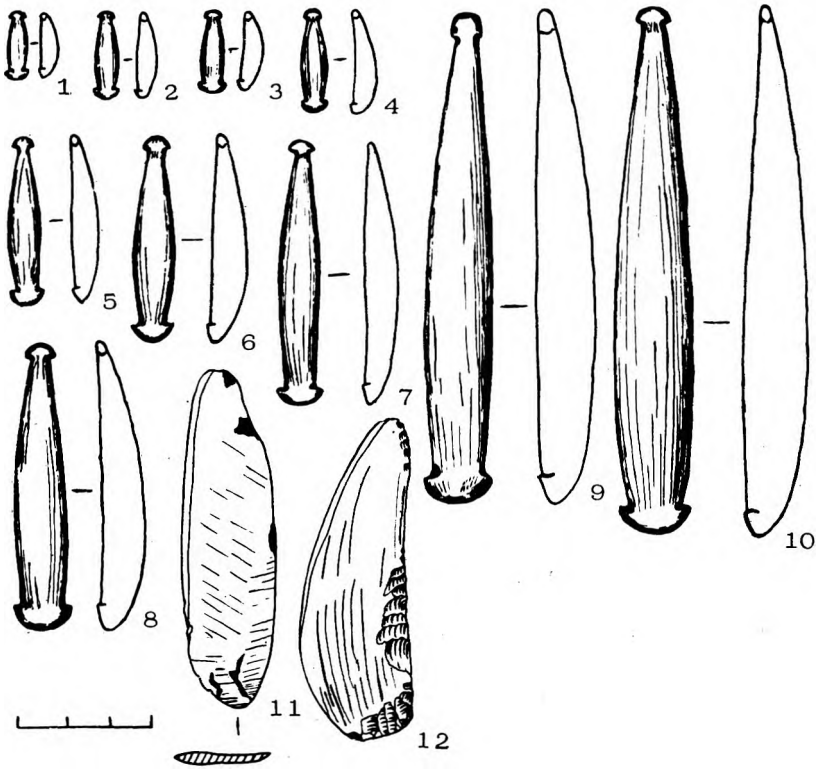
Наряду с вышеописанным погребальным инвентарем в шести погребениях встречены кости различных животных: кости от крыла птицы (№ 18 и I9), кости зайца (№ 1, I9 и 20), трубчатые кости птицы (№ 1 – раскопки А.П. Окладникова) и кости лисицы (№ 6).

Описание погребального инвентаря и его количественный учет не являются абсолютно точными. Это прежде всего касается изделий, которые не нашли отражение в статьях Н.И. Витковского. За столетний период хранения коллекции с Китойского могильника большое количество изделий утрачено.

Характер погребального обряда, а также целый ряд орудий производства, бытовых изделий, украшений и предметов искусства с Китойского могильника впоследствии стали основным указателем для установления культурной принадлежности памятников, содержащих в своем инвентаре эти категории изделий.

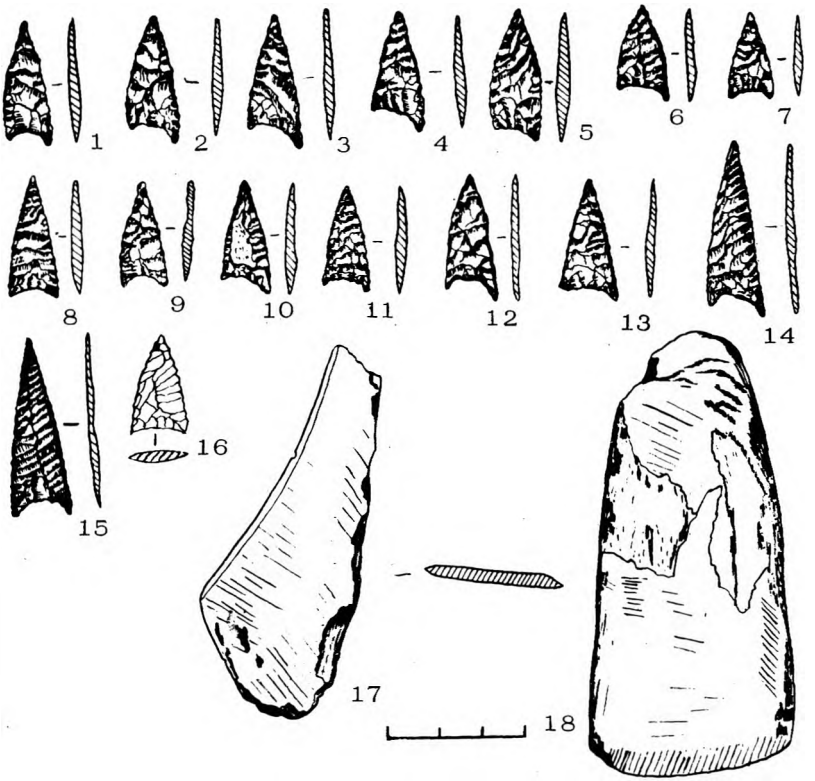
Группа разрушенных погребений у ст. Суховской. В апреле I964 г. при строительстве промышленного объекта был обнаружен многочисленный каменный инвентарь. По сообщению прораба строительства В.И. Белецкого, на место находки выехала группа иркутских археологов в составе М.П. Аксенова, Г.М. Зайцевой и Г.И. Медведева.

На южном склоне песчаной дюны было обнаружено I27 изделий из камня (рис. XVI, XVII). Инвентарь содержал 27 стерженьков для составных рыболовных крючков китойского типа. Наконечники стрел



Р и с. XVI. Погребения у ст. Суховской. Изделия из камня.
1-10 - стерженьки к рыболовным крючкам; 11 - нож из нефрита; 12 - нож из сланца.

(20 экз.) треугольной формы, насад их оформлен овальной выемкой, с симметричными и асимметричными жальцами. У некоторых наконечников длинные стороны немного выпуклы. Ретушированные вкладные лезвия имеют прямоугольную форму и обработаны с двух краев. У двух предметов с одного края нанесена крутая ретушь. Четыре шлифованных ножа изготовлены из нефрита и сланца светлой окраски. Один нож из нефрита имеет треугольное лезвие, другой в плане подтреугольной формы с вогнутым лезвием по одному краю, третий овальной формы с одним слегка выпуклым лезвием. Нож из сланца, по форме близкий к полумесяцу, с сильно выпуклым лезвием. Все изделия тщательно зашлифованы по всей поверхности. У двух на обушке сохранились следы предварительной обработки, а у ножа из сланца - местами следы отжимной ретуши. Две палетки изготовлены из плоских речных галек, края одного изделия по всей окружности оббиты. Песты



Р и с. XVII. Погребения у ст. Суховской. Изделия из камня.

1-I6 - наконечники стрел; I7 - нож из нефрита; I8 - нефритовое тесло.

из продолговатых галек имеют с двух концов сильные следы сработанности. Абразивы представлены четырьмя плоскими брусками. Один имеет округлый край со следами сработанности; видимо, он использовался для распиловки камня и кости. У второго на широкой поверхности несколько углублений в виде желобков, которые располагаются вдоль и поперек пластин.

Скребки (3 экз.) изготовлены на пластинах и отщепах. Концевой скребок сделан на широкой призматической пластине, скребок с широким овальным краем - на плитке аргиллита. Два следующих выполнены на кремневых отщепах небольшого размера, имеют овальное лезвие.

Тесла изготовлены из сланца и нефрита. Орудие из нефрита в плане имеет трапециевидную форму, округлый обушок немного заужен

и скошен, поперечное сечение линзовидное. Лезвие асимметрично выпуклое с двусторонней заточкой. Тесло из сланца полностью копирует форму желобчатых тесел с серовских памятников. Кроме перечисленного инвентаря здесь же было найдено большое количество заготовок для орудий, призматических пластин, отщепов, кусок агальматолита с желобками, оставленными пилением, и кусок кровавика со следами потертости.

Принадлежность этого комплекса к памятникам китойской культуры не вызывает сомнения. Достаточно отметить, что в инвентаре содержится 20 составных рыболовных крючков китойского типа, треугольный нож из нефрита также китойского типа, две палетки и песты для растирания кровавика и кусок самого кровавика. Мы склонны рассматривать это скопление как остатки разрушенных погребений. Это подтверждается следующими показателями: весь инвентарь состоит из готовых орудий труда, сосредоточенных на незначительной площади, здесь же были обнаружены обломки костей человека и кусок кровавика, что также является немаловажным основанием для подобного заключения.

Погребения у с. Распутино на Ангаре. В 1903 г. близ с. Распутино, расположенного на левом берегу Ангары, примерно в 4 км от устья Егирмы, на расстоянии свыше 500 км от ее истока, местными жителями обнаружено погребение древнего человека. Спустя несколько лет рядом с первым было найдено второе захоронение. Местонахождение погребений в различное время посетили В.Б. Шостакович, Г.П. Сосновский, Г.М. Константинов, В.И. Иохельсон и А.П. Окладников[32]. Описание коллекции инвентаря из погребения № 1, датированного 1904 г., было составлено консерватором музея В.Б. Шостаковичем. Оно сохранилось в архиве библиотеки музея и полностью опубликовано А.П. Окладниковым[33]. В работах Г.П. Сосновского и Г.М. Константинова также приводятся сведения о характере этих захоронений и погребального инвентаря[34]. История находки, судьба коллекций, их описание и критический анализ сведений авторов подробно рассмотрены в работе А.П. Окладникова[35]. Сделать полный типологический анализ материалов в настоящее время не представляется возможным, так как из этой богатой коллекции сохранилось всего несколько предметов.

Характерный состав инвентаря и погребальный ритуал древних захоронений у с. Распутино обнаруживают полное сходство с материалами Китойского могильника, что позволяет говорить об их общем культурно-этническом происхождении. Этот вывод разделяется всеми исследователями, занимающимися изучением этого памятника[36]. Мы также присоединяемся к их мнению.

Глазковский могильник. Памятник расположен на левом берегу Ангары, немного выше устья Иркута, на Кайс-

кой горе. Могильник обнаружен случайно при проведении земляных работ в 1887 г.[37] В последующее время, почти на протяжении целого века, рядом исследователей было открыто большое количество захоронений. К настоящему моменту здесь известно свыше 40 древних погребений. Из них 10 – эпохи энеолита и 30 – китойского времени. Кроме этого, М.П. Овчинниковым даны сведения о том, что при проведении железнодорожного полотна рабочими было выпито и уничтожено около 100 черепов и множество различных поделок из нефрита[38]. Места находок располагались по высокой части этой местности и вдоль всего ее восточного склона, начиная от Иркута до устья небольшой рч. Кучумихи.

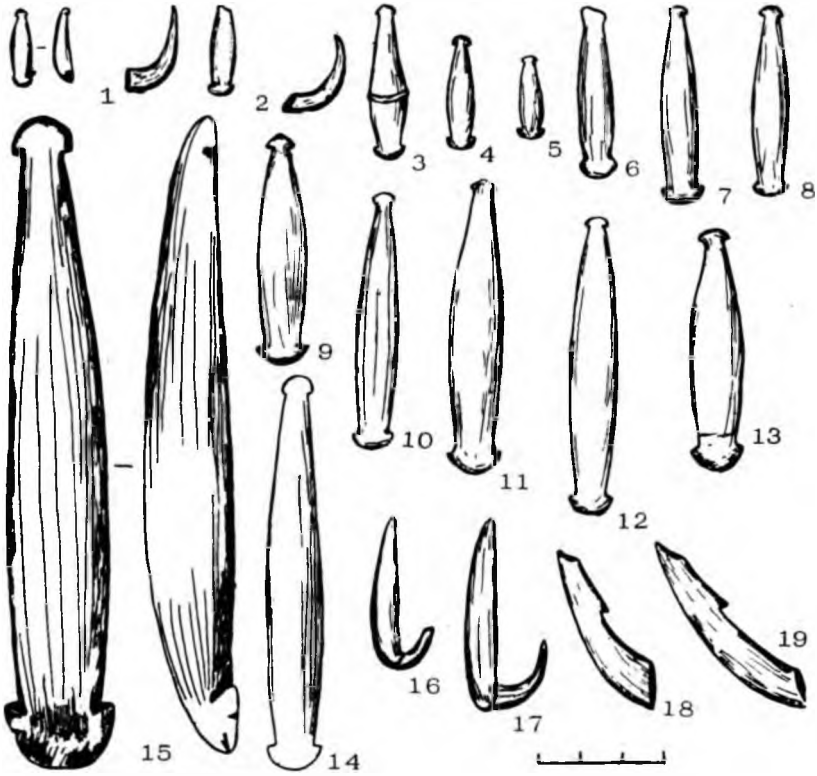
История исследования этого памятника известна тем, что здесь никогда не велись систематические раскопки. Начиная с его открытия все местонахождения были обнаружены при строительных работах в различное время и изучались целым рядом исследователей[39].

Последняя находка на этом памятнике относится к лету 1980 г. Строителями при рытье траншеи была обнаружена большая группа погребений китойского и глазковского периодов. Примечательно то, что это произошло спустя ровно 100 лет с момента раскопок первого могильника в устье Китоя. Раскопки на памятнике сейчас проводятся археологическим отделом ИГУ. Новые материалы в данной работе не учтены.

Сложная история изучения этого памятника, в основе которой лежат случайные находки, отразилась на сохранности научной документации и инвентаря. По ряду погребений документация отсутствует. Из-за небрежного хранения из значительного по объему материала сохранилось около 200 предметов. А.П. Окладниковым были опубликованы некоторые сохранившиеся отчеты, описи инвентаря погребений этого памятника, составленные в свое время Б.Э. Петри, М.М. Герасимовым и П.П. Хороших. Эти документы значительно дополняют наши сведения по данной проблеме.

Особую ценность в сложившейся ситуации приобретают таблицы рисунков, которые помещены в работе А.П. Окладникова[40]. Естественно, что при таком состоянии основных источников невозможно дать полную характеристику китойской группе погребений Глазковского могильника. В связи с этим мы вынуждены проводить описание материала в выборочном плане, широко используя данные, опубликованные А.П. Окладниковым. Из общего числа китойских погребений Глазковского могильника мы располагаем сведениями о составе инвентаря только по 21 погребению.

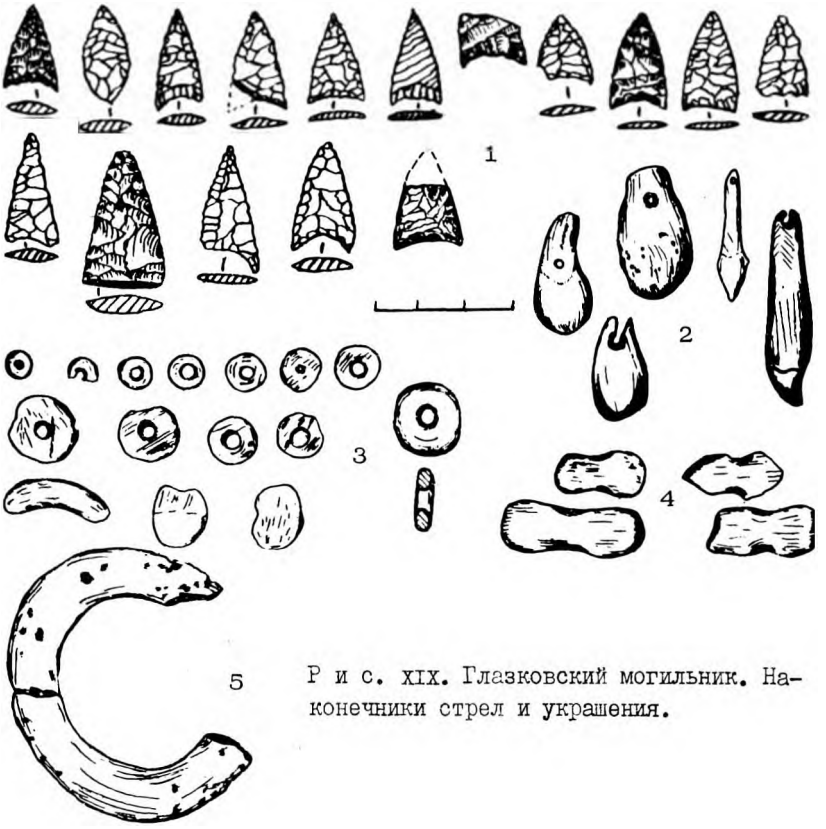
Из 26 погребений, где сохранились скелеты, 16 содержали по одному костяку, восемь погребений были парными и два – тройными, остальные сохранились частично. Всего здесь зафиксировано 41 костяк. Ориентировка костяков различная: 12 ориентированы на севе-



Р и с. XVIII. Глазковский могильник. Стерженьки, острия и целые составные рыболовные крючки.

ро-восток, пять - на северо-запад, восемь - на север, шесть - на восток, пять - на юг, четыре - на юго-запад и один - на запад[41]. В ориентировке костяков преобладает северное направление.

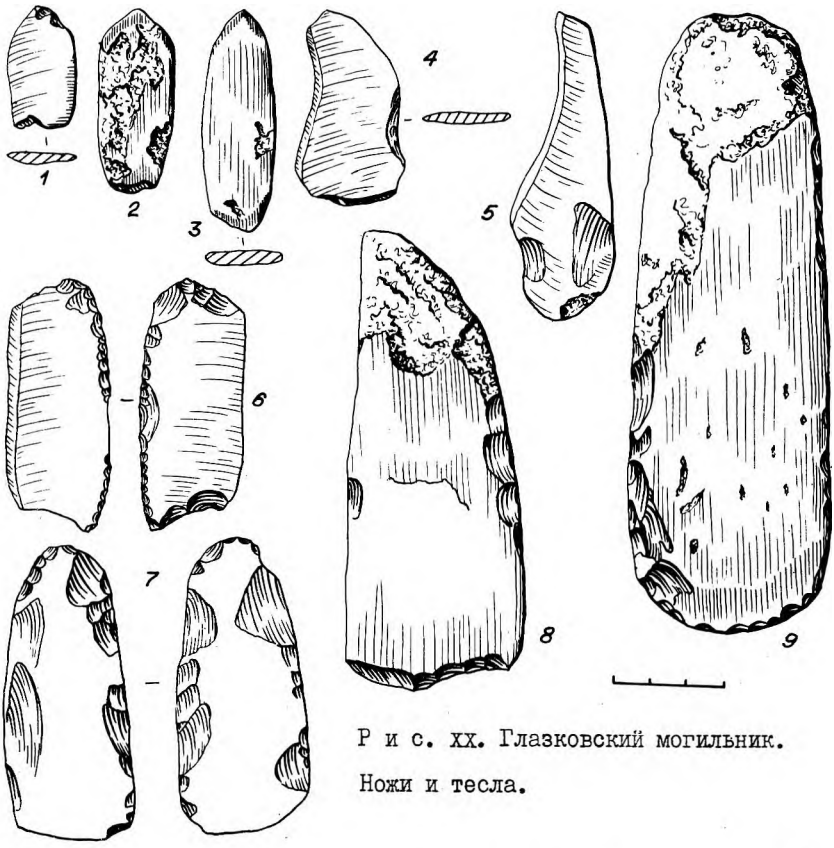
Описание инвентаря погребений китойского времени. Стерженьки к составным рыболовным крючкам китойского типа из 21 погребения этого могильника содержатся в инвентаре 14 погребений. Общее количество этих изделий с учетом подъемного материала составляет 264 экз. Стерженьки различные по величине, изготовлены из шифера, сланца, агальматолита и 2 экз. - из мрамора[42]. Форма стерженьков чрезвычайно выдержана (рис. XVIII). Исключение составляют всего несколько предметов. В погребении № 4 (1928 г.) обнаружены два изделия, у которых отсутствуют нижние головки, а вместо них по боковым ребрам нанесены глубокие поперечные насечки[43]. Интересен стерженек, в верхней части которого имеется двойная головка, а



Р и с. XIX. Глазковский могильник. Наконечники стрел и украшения.

нижняя совсем отсутствует[44]. Другой стерженек из шиферного сланца китойского типа, с круглой высверлиной в центре нижней головки, чуть выше ее врезной поясок (рис. XVIII, I3). Посередине следующего изделия нанесен рельефный поясок (рис. XVIII, 3). Два предмета в нижней части имеют почти прямую головку с поперечным пропилом[45]. В погребении № 4 (I928 г.) найден шестигранный стержень из шифера, который представляет собой заготовку стерженька - грузика для крючка.

Наконечники стрел из кремня и кремнистого сланца различной формы (33 экз.) содержатся в I0 погребениях (рис. XIX, 1). Наконечники треугольной формы с вогнутой базой, имеющие симметричные или асимметричные жальца, и с прямой базой[46], наконечник с черешком[47] и наконечник листовидной формы. У наконечника широкое вогнутое основание, тело наконечника в верхней своей трети резко суживается и образует особое копьевидное острие в виде ромба[48]. Другой наконечник с вогнутым основанием, чуть выше тело его сужи-

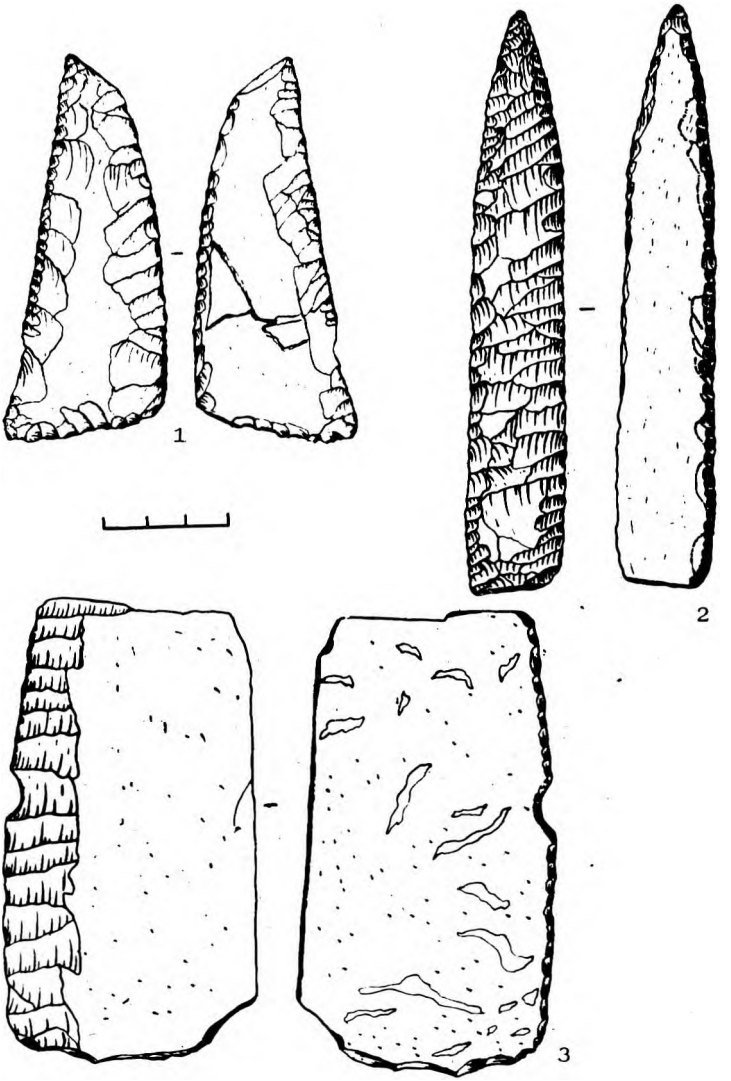


Р и с. XX. Глазковский могильник. Ножи и тесла.

вается и образует подтреугольное острие с выпуклыми сторонами[49].

Рубящие орудия (9 экз.) представлены теслами, топорами, изготовленными из сланца и нефрита (рис. XX, 7-9). Тесло из погребения № 1 (1928 г.) серого сланца с зауженным обушком, сечение линзовидное. Начиная с середины орудия к лезвию сечение становится односторонне выпуклым. На шлифованной поверхности орудия сохранились следы сколов и ретуши. Шлифованное тесло из серого сланца, обушок обломан. Сохранившаяся часть имеет прямоугольную форму, сечение односторонне выпуклое. С выпуклой стороны боковые грани изделия круто скошены[50]. "Тесловидное орудие из темно-зеленого нефрита, трапециевидной формы, с округленной вершиной и прямым лезвием. Лезвие круто заточено с брюшка широкой гранью, с противоположной стороны - плавная выпуклость спинки. Длина 7 см, ширина 4,7 см"[51]. Топор из зеленого нефрита с зауженным скошенным обушком[52]. Форма остальных орудий нам не известна.

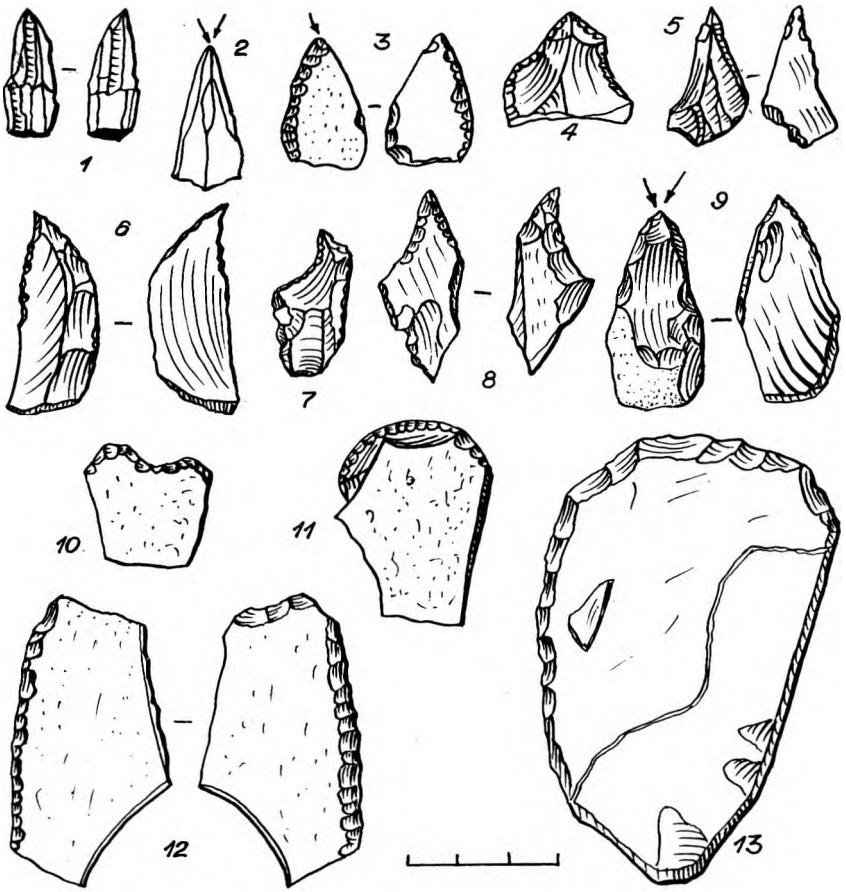
Ножи из нефрита (9 экз.). Три ножа имеют вогнутое лезвие, а



Р и с. XXI. Глазковский могильник. Ножи из аргиллита.

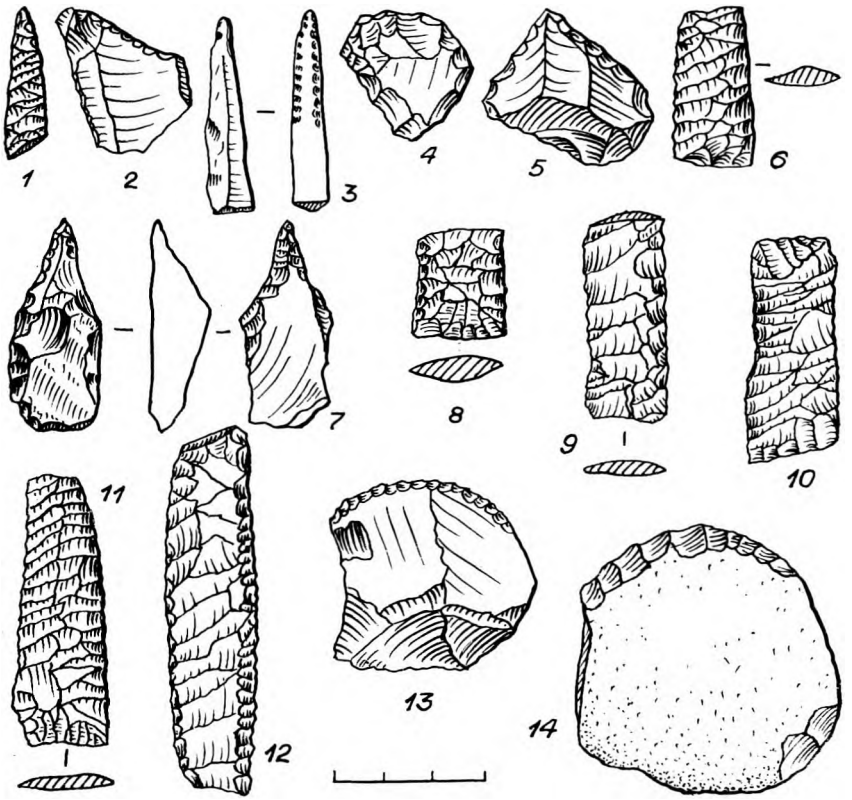
остальные - треугольное (рис. XX, 1-5). Нож из погребения № 10 имеет треугольные лезвия на обоих концах. Все изделия изготовлены из тонких пластин нефрита, хорошо зашлифованы по всей поверхности[53].

Нож из плитки аргиллита удлиненно-треугольной формы с прямой базой. Одна сторона изделия обработана узкими длинными фасетками



Р и с. XXII. Глазковский могильник. Резцы, скребки, проколки, ножи.

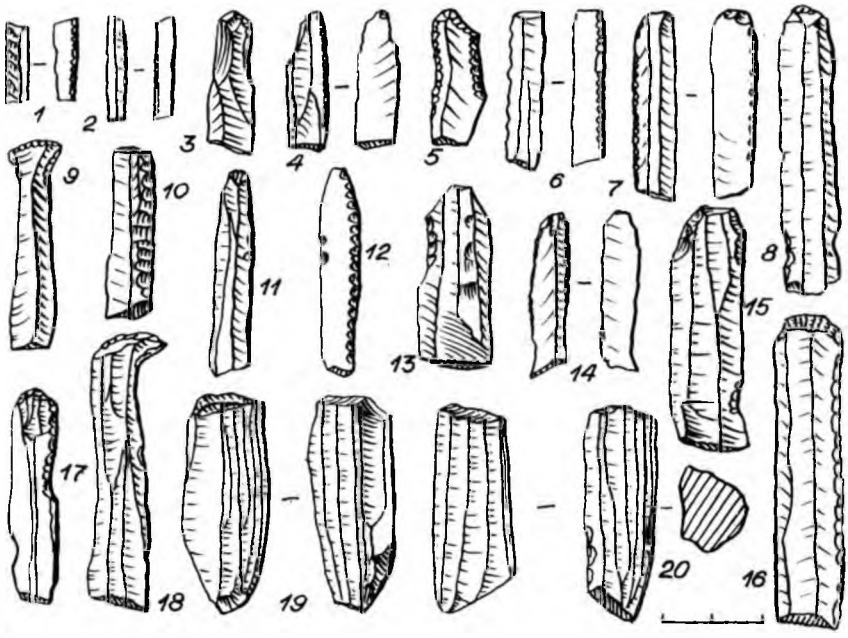
уплощающей ретуши, пересекающими наискось всю поверхность орудия. Вдоль всего края нанесена мелкая крутая ретушь. В сечении один край орудия более массивен и оформлен с обратной стороны такой же крутой ретушью, которая проходит и по острию. Остальная часть сохраняет естественную плиточную поверхность. Длина орудия свыше 14 см, ширина 2 см (рис. XXI, 2). Нож из сланца с вогнутым односторонне зашлифованным лезвием. Обушок орудия обработан крутой ретушью (см. рис. XX, 6). Нож из плитки аргиллита с двусторонней ретушью. Лезвие с одной стороны обработано широкими длинными фасетками уплощающей ретуши, которые пересекают все изделие, с другой - нанесена крутая мелкая ретушь. Широкие стороны сохранили



Р и с. XXIII. Глазковский могильник. Ножи, провертки, скребки.

естественную плиточную поверхность (рис. XXI, 3). Асимметрично-треугольный нож из плитки аргиллита с двусторонней ретушью. С одной стороны ретушь широкая уплощающая, а с другой - короткая крутая. На обеих сторонах сохранилась плиточная поверхность (рис. XXI, 1). Нож-вкладыш асимметрично-треугольной формы с обеих сторон обработан ретушью. Обломок такого же орудия (рис. XXIII, 8-10). "Нож из желтоватого кремнистого сланца, спинка которого затуплена и зашлифована с двух сторон, а лезвие с одной стороны заточено"[54]. Нож из сланцевой плитки, лезвие оформлено двусторонней ретушью (рис. XXIII, 12).

Скребки. Крупное скребло из плитки аргиллита имеет овальное лезвие, обработанное односторонней ретушью. С обеих сторон орудия сохранилась плиточная поверхность (рис. XXII, 13). Массивное скребло из скола кварцитовой гальки. Лезвие орудия оббито, затем



Р и с. XXIV. Глазковский могильник. Призматические пластины, нуклеусы.

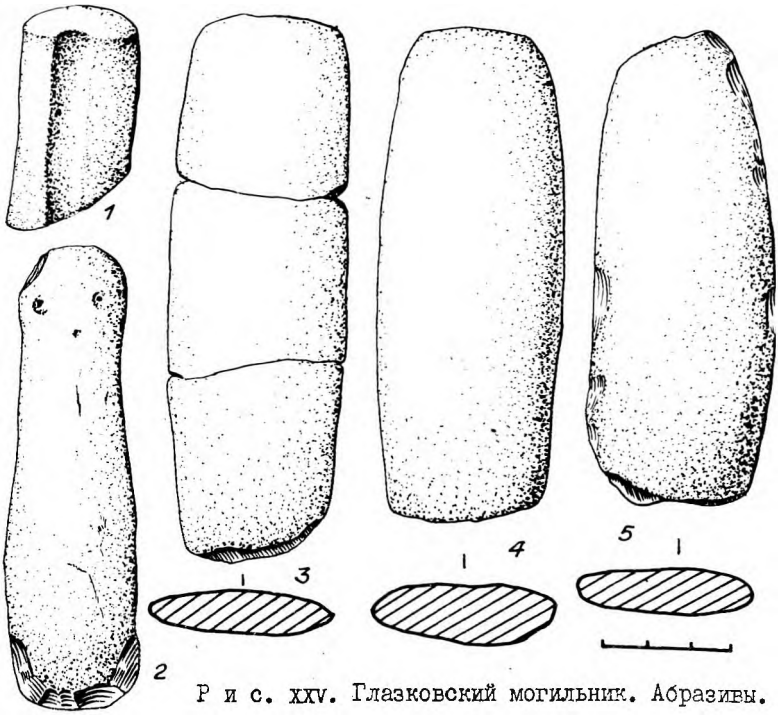
отретушировано (рис. XXIII, I4). Концевые скребки на призматических пластинах (рис. XXIV). Скребок из массивного отщепа с крутым ретушированным лезвием (см. рис. XXIII, I3).

Скребок из плитки аргиллита с овальным лезвием, разделенным посередине выемкой, обработан крупной односторонней ретушью (см. рис. XXII, 11). Скребок с овальным лезвием, обработанным крутой ретушью[55].

Проколки (6 экз.). Ретушированные острия из призматических пластин, обработаны крутой ретушью. Проколки в виде шилообразных ретушированных острий на массивных отщепах (см. рис. XXII).

Резцы (4 экз.). Орудие из сланцевой пластины – один край оформлен двусторонней крутой ретушью, по второму нанесен резцовый скол (см. рис. XXII, 3). Многофасеточный резец изготовлен из массивного скола с нуклеуса (см. рис. XXII, 2). Полиэдрический резец, так называемый нуклеус-дриль, из серой окремнелой породы (см. рис. XXII, 1). Резец из массивного кремневого скола (см. рис. XXII, 9).

Нуклеусы (2 экз.). Конический нуклеус из плитки аргиллита с прямой базой, на одной из боковых сторон сохранилась плиточная



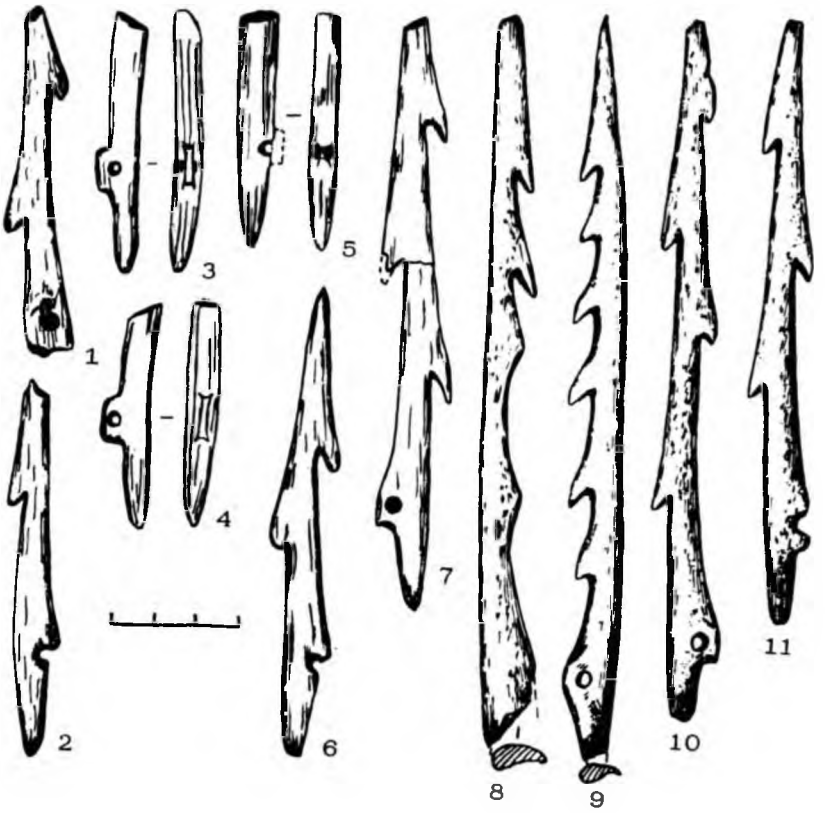
Р и с. XXV. Глазковский могильник. Абразивы.

поверхность (рис. XXIV, I9). Нуклеус призматической формы из плитки аргиллита, со слегка скошенной базой и с частично сохранившейся плиточной поверхностью (см. рис. XX, XXIV).

Абразивы (8 экз.). Три полуцилиндрических бруска с желобком на плоской стороне (рис. XXV, 1). Брусок из мелкозернистого песчаника подпрямоугольной формы, сечение овальное (рис. XXV, 4). Четырехгранный брусок из песчаника. Брусок прямоугольной формы слегка заужен по обоим концам, сечение овальное (рис. XXV, 5). Тонкий брусок из мелкозернистого песчаника, длина 8, ширина 1 см. Массивный брусок с плоскими широкими сторонами, сечение трапециевидное. По одной из плоских сторон наискось проходит желобок[56].

В инвентаре могильника имеется 33 призматических пластины с ретушью по обеим сторонам, по одной из сторон и без ретуши, со следами замятостей (см. рис. XXIV). Отщепы из кремня и сланца с ретушью и без нее. Провести количественный анализ этой части инвентаря в настоящее время не представляется возможным.

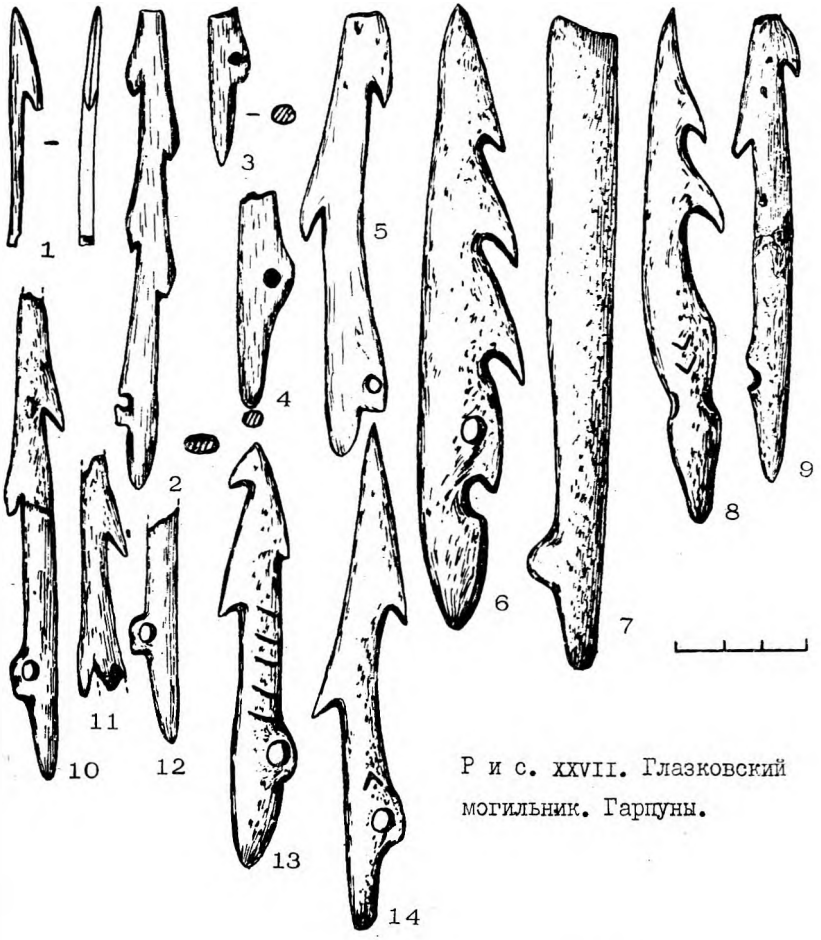
Жальца к составным рыболовным крючкам изготовлены из клыков, когтей животных и костяных острий (см. рис. XVIII). Некоторые экземпляры снабжены зубцами по острию и выступами в месте их креп-



Р и с. XXVI. Глазковский могильник. Гарпуны.

ления к стерженьку. Примечательно то, что три жальца с зубцами сделаны из клыка кабарги[57].

Гарпуны (35 экз.) (рис. XXVI, XXVII). Наконечники гарпунов снабжены односторонним упором с отверстием - 10 экз.[58] Наконечники гарпунов, имеющие в верхней части насада полукруглый выступ с отверстием, - 6 экз.[59] Наконечник гарпуна из трубчатой кости с одним рядом зубцов, насад уплощен и слегка расширен в виде плавного выступа с отверстием[60]. Наконечник гарпуна с одним врезом у насада, сечение овальное[61]. Наконечник гарпуна с насадом в виде двустороннего упора с отверстием[62]. Наконечник гарпуна с двумя зубцами по одной из сторон, в верхней части насада снабжен пологими выемками и орнаментом, состоящим из двух прямоугольных скобок[63]. Наконечник гарпуна с двумя узкими выемками в верхней части насада[64]. Зуб остроги с четырьмя зубцами, расположенными с обеих сторон, с прямым насадом[65]. Наконечник гарпуна с округлым в сече-

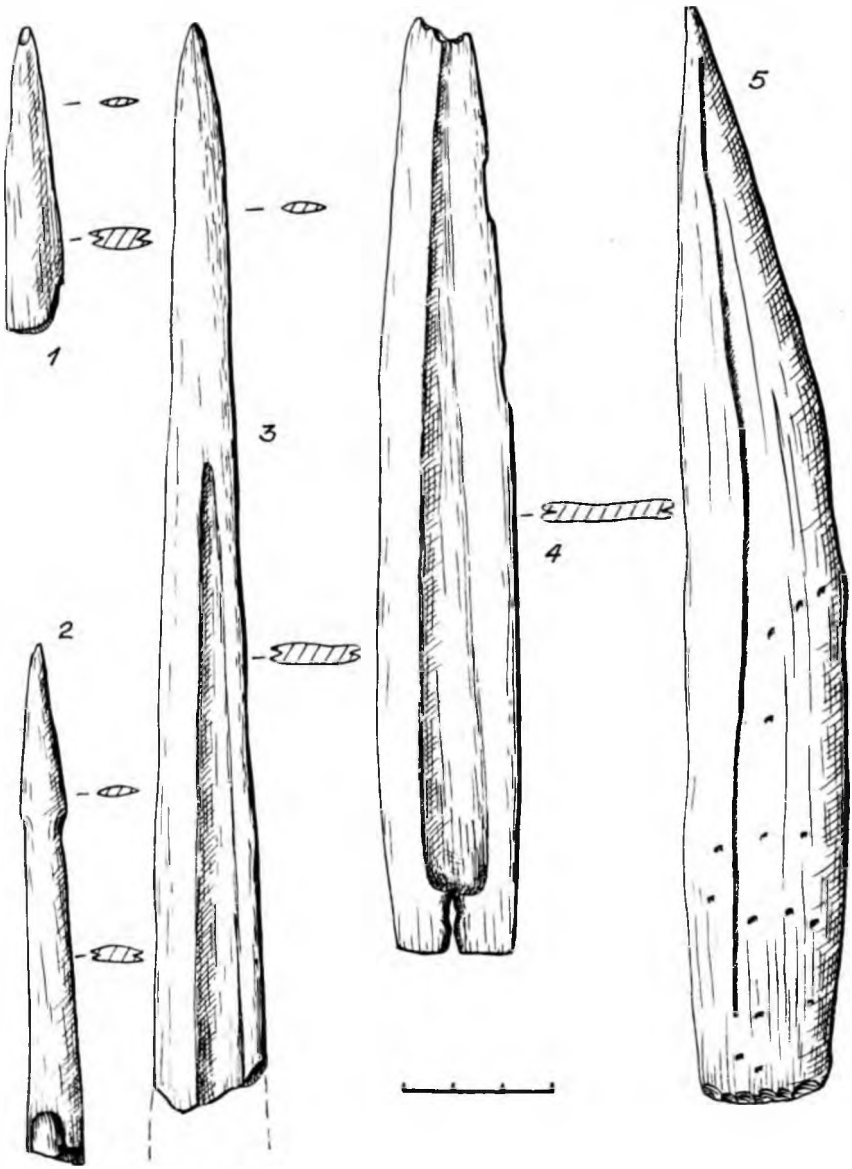


Р и с. XXVII. Глазковский могильник. Гарпуны.

нии насадом и небольшим односторонним упором[66]. Остальные изделия сохранились в виде мелких фрагментов.

Цельнорезный рыболовный крючок с жальцем, расположенным под острым углом к прямому стержню (рис. XXVII, 1).

Вкладышевые орудия (8 экз.) (рис. XXVIII). В погребении, открытом Савицким, был найден большой вкладышевый кинжал из расколотой продольно трубчатой кости крупного животного (естественное отверстие на верхнем конце у рукояти). Общие очертания удлиненно-треугольные с выпуклыми (особенно у базы) длинными сторонами. База срезана прямо и уплощена для закрепления в древке. Кинжал плоский с широкими, хорошо отшлифованными параллельными сторонами, на узких ребрах с обеих сторон глубокие пазы для вставки каменных пластинок лезвий[67]. Фрагмент крупного кинжала-вкладыша с пропиленным

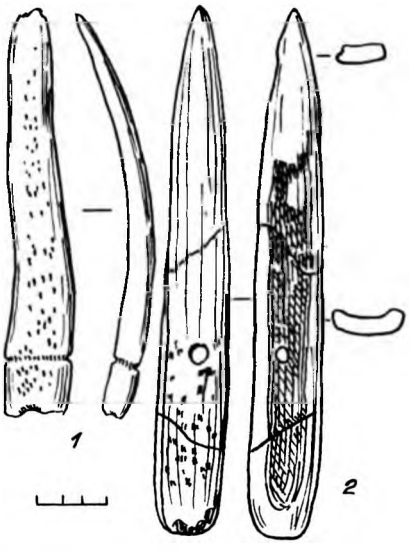


Р и с. XXVIII. Глазковский могильник. Орудия из кости и рога.
1-4 - вкладышевые острия; 5 - острие из рога.

на одном длинном ребре узким желобком. Рукоять орудия ложковидная и округленная[68].

Вкладышевый кинжал из расколотой трубчатой кости с естествен-

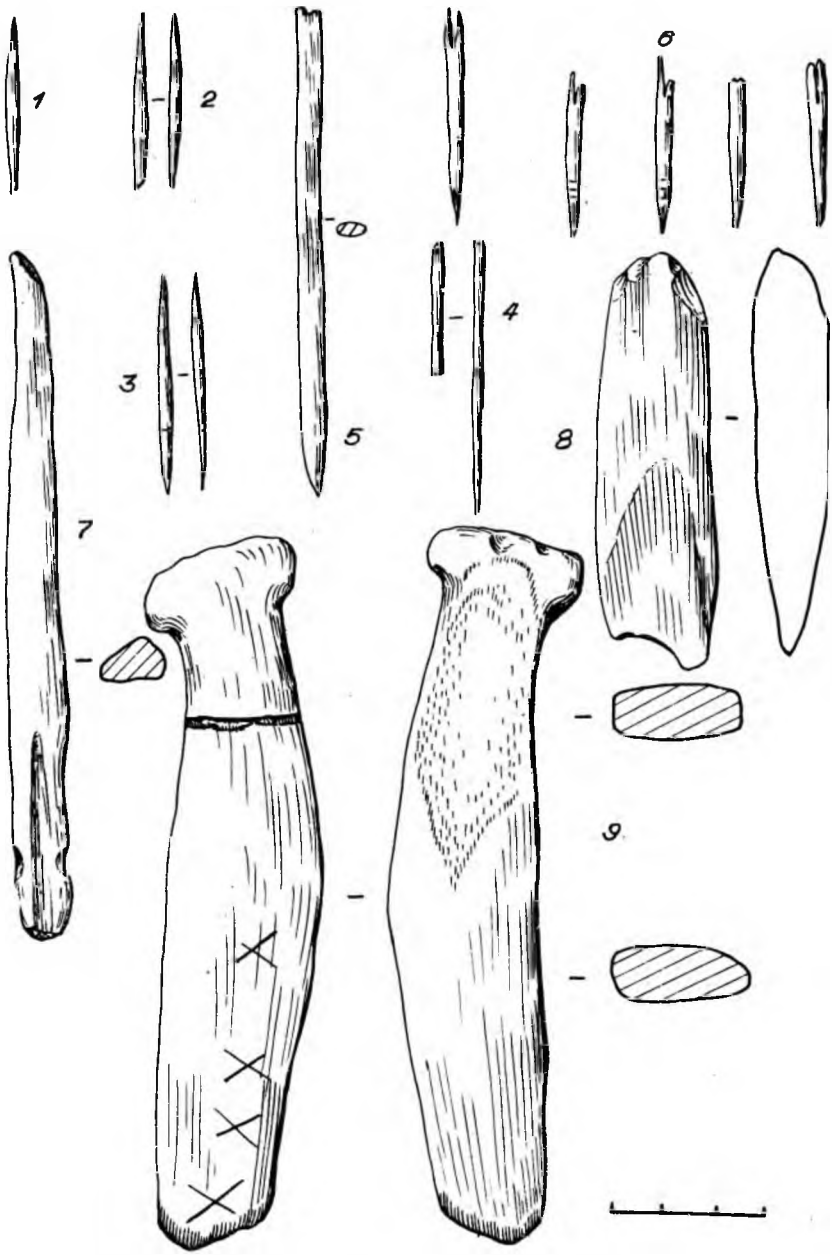
ным желобком и отверстием в нижней части орудия. Рукоять заканчивается овальным срезом. На узких ребрах обеих сторон прорезаны пазы для вкладного лезвия. На рукояти нанесен орнамент в виде двух прямоугольных скобок[69]. "Вкладышевый кинжал из кости без вставленных лезвий, длина 28 см, пазы с двух сторон"[70]. Вкладышевые орудия из кости в виде острого стержня имеют овальное сечение, которое к острию заметно уплощается. На расстоянии 3 см от острия с одной стороны прорезан паз, сюда вставлен ретушированный вкладыш полулунной формы. Рукоятью служит естественная головка эпифиза, по которой нанесены две параллельные линии[71]. Вкладышевое кинжаловидное орудие, на одном из узких ребер имеется короткий паз со вставленным в него ретушированным лезвием[72]. Костяной вкладышевый кинжал с двусторонним вкладным лезвием. У рукояти орудия овальный срез[73]. Форма одного орудия не установлена.



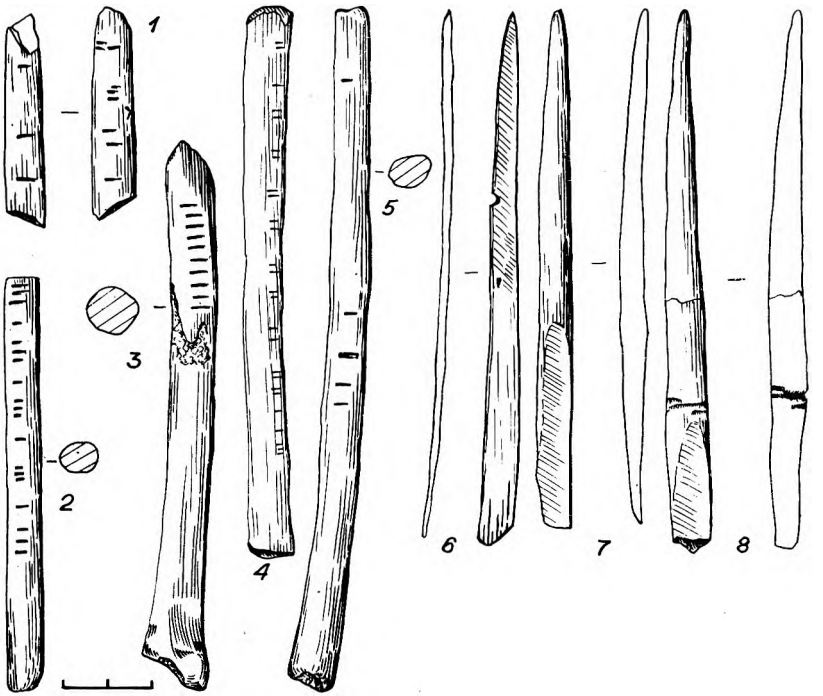
Р и с. XXIX. Глазковский могильник. Орудия из рога.

Острия из рога и кости (6 экз.) (рис. XXVIII, XXIX). "Длинное колющее острие из кости, симметрично суживающееся к острию, правильной круглой формы в сечении, с массивной округлой головкой"[74]. Колющее острие из рога с прямой базой, длинные стороны орудия имеют неровные очертания[75]. Колющее орудие из рога с кривым острием, база подготовлена неровным срезом[76]. Два колющих орудия из рога с кривым острием и массивной рукоятью, оформленной прямым срезом[77]. Орудие из рога с кривым острием. Рукоять его слегка заужена и оформлена прямым срезом[78].

В инвентаре Глазковского могильника содержится группа орудий с долотовидным рабочим краем (рис. XXX, 8–9). У изделия узкое плоское тело заканчивается клиновидным острием овальной формы. Рукоять орудия от остальной части отделена поперечной нарезкой. Второе изделие имеет широкое плоское тело и клиновидное острие в форме овала. Прямая рукоять выделена поперечной нарезкой, вдоль которой нанесено еще пять нарезных линий[79]. Орудие из рога имеет плавно изогнутое тело, которое заканчивается клиновидным острием со следами заточки. Рукоятью служит сохранившаяся часть венчика рога в виде шляпки гвоздя. Вдоль одной из широких сторон нанесе-



Р и с.- XXX. Глазковский могильник. Изделия из кости.



Р и с. XXXI. Глазковский могильник. Изделия из кости.
1-5 - игольники; 6-8 - наконечники дротиков.

ны штрихи в виде крестиков, прямых и пересекающихся линий[80]. У орудия из рога зауженная рукоять с прямым срезом, широкое плоское тело заканчивается клиновидным острием со следами заточки, здесь же нанесен орнамент в виде остроугольной скобки[81]. Обломок орудия с удлиненным плоским телом изогнутой формы и клиновидным острием[82]. "Долотовидное орудие из рога с массивным прямым обухом и симметрично заточенным с двух сторон широким лезвием. Длина 8, ширина 2,3 см"[83]. "Длинное и плоское долото из рога лося. Искривлено, по бокам орудия видны продольные надрезы - следы распила. Лезвие выпуклое, односторонне скошенное. Длина 22 см, ширина 5, толщина 2 см"[84]. "Орудие из кости, кривое, заканчивается плоским овальным лезвием (затуплено). Длина 9 см"[85].

В материалах Глазковского могильника только в одном случае (раскопки М.М. Герасимова, погребение № 3) отмечено присутствие заступа из лопатки крупного животного со следами срезов[86].

Наконечниками для дротиков (рис. XXXI, 6-8) следует считать "продолговатые (веретенообразные) костяные стерженьки с уплощенным с одной стороны насадом и симметрично суживающимся коническим ост-

рием. Длина 13, 16 см"[87]. Костяные наконечники стрел шилообразной формы с уплощенным насадом[88].

Шилья (4 экз.). "Шило из кости лося, плоский край шила заложен, поверхность зашлифована"[89]. Острие из тонкой кости животного со срезами на черенке[90]. Шило из грифельной кости животного. Рукоятью служит естественная головка[91]. Форма остальных орудий нам не известна.

Орудие шилообразной формы, утолщенный конец снабжен раструбом, а по острию нанесены насечки (см. рис. XXX, 6). Видимо, изделие применялось как стерженек для составного крючка из кости. В раструбе закреплялось жальце, а насечки служили для привязки лесы[92].

Иглы (4 экз.). Орудия различные по величине, снабжены ушками овальной формы[93].

Игольники (13 экз.). Футляры для хранения костяных игл изготовлены из трубчатой кости птиц, имеют различные размеры (рис. XXXI, 1-5). Большинство изделий украшены орнаментом. "Игольник из длинной, полой внутри, трубчатой кости (птицы). Эпифизы срезаны, поверхность изделия сплошь отшлифована. На одном конце игольника нанесен изящный орнамент в виде трех полосок глубоко врезанных кружков с круглыми ямками в центре. На самом краю игольника врезаны косые крестики. На расстоянии 4 см к середине игольника расположена вторая полоска из двух параллельных рядов таких же кружков. Около первого пояска сбоку нанесены три глубоко врезанные и короткие линии, такие же четыре линии расположены у второго пояска. Другой конец игольника орнаментирован точно так же. В середине игольника нанесена пятая орнаментальная полоска из трех параллельных рядов кружков, сопровождающаяся сбоку четырьмя короткими линиями. Орнамент игольника ритмичен и отличается строго симметричным расположением элементов. Цилиндрическое тело игольника расчленено поперечными поясками орнамента на равные отрезки, что подчеркивает композиционное единство в оформлении предмета (мастер распределил по концам и в середине пояски из 3 рядов кружочков, пространство между ними заполнил еще двумя поясками - по два ряда кружков в каждом). Столь же рассчитаны и с чувством меры брошены древним резчиком на ребро игольника короткие насечки, своей скошенностью оживляющие единую композиционную схему узора и уравновешенные по концам косыми крестиками. Длина игольника 21,8, диаметр 1,4 см"[94]. Пять игольников с орнаментом, состоящим из поперечных линий, сгруппированных по две, три и четыре линии, ритмически расположенных вдоль длинной оси изделия[95]. Фрагмент костяного игольника с орнаментом в форме круглых скобок[96]. Фрагменты костяных игольников с орнаментом в виде продольного ряда поперечных насечек[97]. Игольник из трубчатой кости без орнамента[98]. Футляр из кости, в котором было помещено шило, обна-

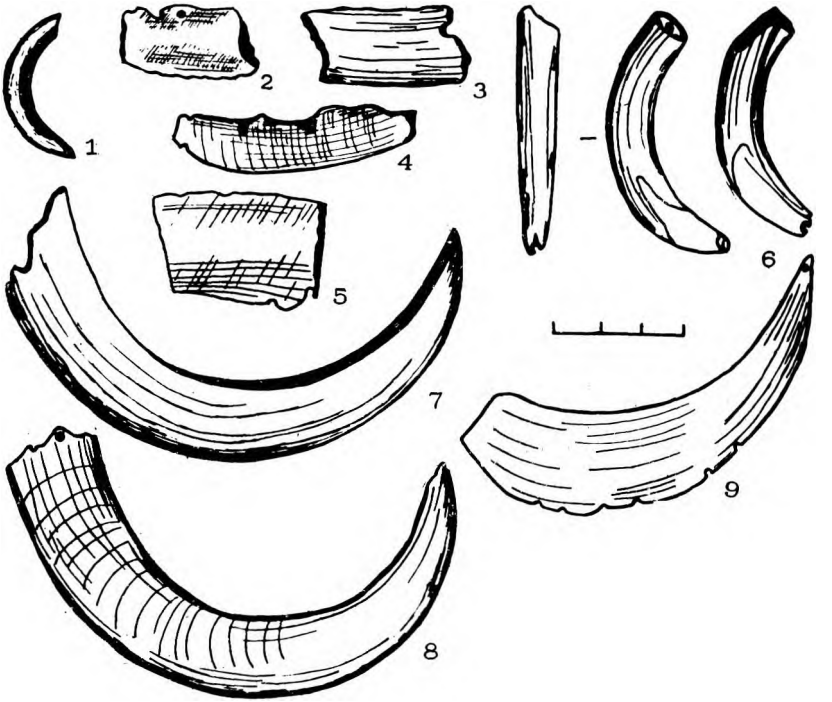
ружен в погребении № 3 (раскопки П.П. Хороших). Форма изделия не известна. Здесь же был найден игольник с тремя иглами. К этой же категории орудий следует отнести "трубку из птичьей кости с разрезом вдоль одной стороны: диаметр трубки 1,5, длина 11 см; на поверхности есть слабые нарезки"[99].

Ручка костяной ложки с двусторонним орнаментом. С лицевой стороны елочный орнамент размещен ритмическими группами по два-три элемента. С обратной стороны орнамент состоит из ритмически расположенных групп прямых поперечных нарезок по две-три линии[100].

Кинжаловидное желобочное орудие имеет овальное острие, противоположный конец оформлен прямым срезом. На рукоять с обоих краев нанесен резной орнамент, состоящий из серии овальных выступов, дополнительно отделенных друг от друга короткими поперечными пропилами[101]. "Фрагменты костяной пластинки прямоугольного сечения, по одному узкому ребру которой нанесены четкие поперечные нарезки, расположенные параллельно друг другу и слегка наискось по отношению к длине пластинки"[102]. Фрагменты подобного изделия были обнаружены П.П. Хороших в погребении № 10. "Костяная пластинка . длиной 15, шириной 1 см; на широкой стороне ее имеется прорезной кружок и два кружка - у второго конца; по краю пластины сделаны параллельные мелкие насечки, расположенные пучками". "Полулунно-изогнутая роговая пластина длиной 9, шириной 1 см, орнаментированная семью кружочками: по краю ребра пластинки видны поперечные насечки"[103].

Украшения из клыков кабана (19 экз.) найдены в 10 погребениях; по одному - в 5 погребениях, по два - в 3 и по три - в 3 погребениях (рис. XXXII). Изделия изготовлены из расколотых вдоль клыков кабана и снабжены одним отверстием с острого конца и двумя-четырьмя отверстиями с противоположного. В погребении, обнаруженном Савицким, был найден "клык кабана, не расколотый как обычно. На внутренней выпуклой стороне клыка имеются глубокие поперечные нарезки в виде десяти миндалевидных выемок орнаментального характера. На широком конце клыка есть очень маленькие сверленые отверстия (3 шт.). Однако такое же отверстие имеется на узком конце изделия"[104].

Подвески из зубов марала в небольшом количестве обнаружены в 9 погребениях (см. рис. XIX, 2). В единственном погребении, раскопанном Л.Н. Иваньевым, было 29 подвесок. В погребении № 4 М.М. Герасимовым найдены "две грушевидные подвески из клыков марала, со сверленым отверстием и поперечным желобком". В четырех случаях было отмечено наличие украшений из клыков кабарги. Подвески из резцов бобра обнаружены в пяти погребениях. В парных погребениях, раскопанных М.М. Герасимовым, при всех костяках в области шеи находилось значительное скопление подвесок из резцов



Р и с. XXXII. Глазковский могильник. Украшения.

бобра (от 50 до 90 шт.), которые некогда составляли богатые ожерелья. В трех случаях отмечены подвески из зубов лося.

Бусы из перламутра найдены П.П. Хороших в погребении № 3 (5 шт.) и № 10 (7 шт.), а также в погребении, исследованном Л.Н. Иваньевым. Последние были изготовлены в виде кружков (диаметр 1,5 см, толщина 2 мм), а один из них имел насечки по внешнему краю (см. рис. XIX, 3). В погребении № 10 была обнаружена "пластина из светло-зеленого нефрита, овальная в плане, в центре ее - овальное отверстие, поверхность отшлифована"[105].

Кольца (2 экз.). В погребении № 1 (раскопки М.М. Герасимова) находилось кольцо из мрамора с насечками по всей окружности. В погребении № 1 П.П. Хороших нашел кольцо из кальцита. Кольцо из нефрита было найдено Л.Н. Иваньевым.

Пуговицы (8 шт.) (см. рис. XIX, 4). Костяные пуговицы обнаружены в погребении № 12, 14 и 15. Они представляли собой небольшие плоские пластины овальной формы с плавными перехватами посередине[106].

Скульптурные изображения рыб (17 экз.). Среди них известны

5 каменных и 11 костяных[107]. Изображение рыбы из серого сланца, длина 3, ширина 1 см. Глаза обозначены круглыми высверлинами, жабры - двумя тупоугольными скобками. "Изображение рыбы из полупрозрачного белого мрамора, тщательно отшлифовано, прорезано отверстие глаз в виде точки с кольцом, по краям просверлено по одному отверстию, у хвоста имеются насечки. Изображение рыбы из белого мрамора, с двумя косыми желобками и двумя сверленными отверстиями. Поверхность изделия слегка отшлифована"[108]. Каплевидные изображения рыб из камня с двумя отверстиями. Глаза оформлены круглыми высверлинами. У одного изображения жабры обозначены двумя косыми нарезками, рот - неглубокими пропилами, на хвосте одна поперечная нарезка[109].

Особого внимания заслуживают три костяных изображения из погребения № 3, вырезанные из лопатки лося (раскопки П.П. Хороших). "Первое изображение, длиною 24,2 см при ширине до 6,7 см, очерченное плавными широкими контурами, по форме головы с характерным горбатым ее изгибом в виде клюва, больше напоминает хищных лососевых рыб: кету, ленка или тайменя... Глаза рыбы изображены характерным китойским приемом - в виде врезанных кружочков с точкой внутри. Хвостовая часть изображения срезана прямо. В ней имеется два сверленых отверстия. Третье такое отверстие помещается несколько далее на верхнем краю (спинки) изображения, а еще два отверстия симметрично размещены снизу, по бокам выпуклого брюшка рыбы. Второе изображение сохранилось не полностью, задняя часть его обломана. Первоначально оно было, очевидно, почти таких же размеров, как и первое (длина уцелевшей части изображения 19,5 см, ширина 6,6 см). Общие очертания его, трактовка рта и глаз совершенно такие же, как у первого изображения. Оно отличается лишь тем, что выпуклый верхний край головы рыбы покрыт мелкими, но отчетливыми вырезками-зарубками. По краям изображения есть три отверстия: одно - на спине, у хвоста, два - на брюшке. Третье изображение рыбы тоже обломлено в задней части (длина 18,2 см, ширина 5,6 см). По очертаниям оно аналогично первым двум и тоже, очевидно, изображает тайменя или ленка. Отверстие имеется только одно, на брюшке, в самой его середине"[110]. Остальные изображения рыб из кости почти повторяют манеру исполнения каменных. Мелкие же изображения отличаются крайней схематичностью. Среди последних имеется одно янусовидное[111].

В погребениях № 4 и 10 (раскопки П.П. Хороших) найдены два скульптурных изображения головы лося из кости, поверхность которых тщательно заполирована. Длина изделий 7 и 11 см. Общими чертами обоих изображений являются вытянутые пропорции. Широкий лоб с намеченным бугорком переходит в ребро, плавно очерчивающее фор-

му лосиной морды с нависшей верхней губой. Ноздри отмечены продолговатыми углублениями. Рот оформлен длинным пропилом. Изображения имеют некоторые отличия. У одной головки глаза показаны на рельефе кружком с точкой внутри. Уши вообще никак не отмечены. Изделие заканчивается уплощенным слегка изогнутым выступом, на котором нанесено шесть глубоких поперечных пропилов. Межчелюстное пространство отмечено треугольной выемкой. У второго изображения глаза обозначены небольшими круглыми ямками. На месте ушей имеются круглые выемки. Под нижней челюстью проходят два глубоких пропила. Тупой конец изделия имеет глубокий треугольный врез[112].

Антропоморфные изображения (5 экз.). Одно изображение выполнено на трехгранном стержне (нижний конец обломлен). Вверху имеется слегка заостренная головка, отдаленная от стержня боковыми выемками. По плоской ее стороне нанесено схематичное изображение лица человека. Глаза и рот обозначены круглыми ямочками. Ниже по стержню нанесено семь орнаментальных групп, состоящих из четырех линий елочного орнамента со встречным расположением, которые образуют фоновый рисунок в виде ромбов. На тыльной стороне изделия такой же орнамент. От второго изображения сохранилась только верхняя часть. Головка его несколько больше предыдущей. Глаза отмечены двумя круглыми ямками. Рот обозначен угловой линией острием вниз. Нос передан прямой линией, пересекающей все лицо. Ниже нанесен елочный орнамент (сборы М.П. Овчинникова)[113]. Антропоморфные изображения выполнены из ребра и рога животного длиной 2 и 8 см. "Глаза и нос на этих фигурах обозначены небольшими овальными углублениями, рот показан черточкой..."[114]. Одна из фигурок орнаментирована вдоль обоих краев сериями наклонных насечек из трех линий. Еще одно изображение сделано на уплощенном стержне из красноватого песчаника (см. рис. XXУ). Глаза и рот нанесены едва заметными овальными углублениями. П.П. Хороших увидел в этом изделии изображение нерпы[115]. Мы же разделяем мнение С.В. Студзицкой и считаем это изображение антропоморфным[116]. Скорее всего изображением нерпы следует считать зооморфную фигуру, обнаруженную в погребении № 17. Округлая тупая голова со слегка удлиненной носовой частью морды на месте рта имеет небольшой пропил. Глаза обозначены овальными углублениями. Складки и шерсть на теле переданы длинными продольными и короткими слегка изогнутыми поперечными линиями. Туловище зверя в области живота утолщено, хвостовая часть обломлена[117]. Скульптурное изображение медведя из агальматолита с поднятой кверху мордой (верхняя часть оббита), сидящего как бы на задних лапах. Глаза обозначены ямками неправильной формы. С нижней стороны морды имеются прочерченные линии,

которые сходятся под подбородком. Такими же разными линиями отделяется шея от остальной части туловища. Передние лапы трактованы выступами, очень обобщенно[118].

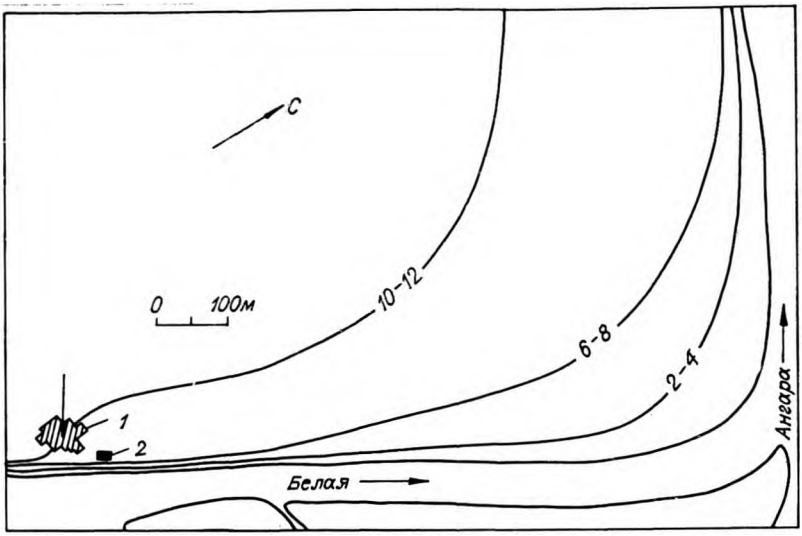
Кроме вышеописанного инвентаря в материалах могильника имеется значительное количество костяных поделок с орнаментом и без него, сохранившихся в виде отдельных фрагментов, назначение которых установить не представляется возможным.

В материалах Глазковского могильника только в двух случаях отмечены куски кровавика: в погребении № 10 один кусочек и в погребении, обнаруженном Кульчицким, 10 кусков.

В пяти погребениях Глазковского могильника найдены отдельные кости и зубы животных. В погребении № 1, раскопанном М.М. Герасимовым, обнаружены кости пястья косули, а в погребении № 3 - позвонок лося и тазовые кости косули. П.П. Хороших в погребении № 3 нашел кости медведя, а в погребении № 5 - зуб волка. В погребении, открытом Л.Н. Иваньевым, сохранилась нижняя челюсть бобра[119].

Ритуальные особенности захоронений и характер погребального инвентаря дают полное основание включить эту группу погребений Глазковского могильника в китойский "классический" комплекс.

М о г и л ь н и к У с т ь - Б е л а я. Исследование древних захоронений в устье Белой началось в 1953 г., когда А.П. Окладниковым на ангарском берегу в северной части поселения Усть-Белая было открыто первое погребение глазковского времени[120]. В 1957 г. недалеко от этого местонахождения Н.Н. Гуриной были раскопаны еще два погребения[121]. В последнее время в связи с поднятием уровня воды в Ангаре и с разработкой песчаного карьера от рабочих и местных жителей поступали сообщения о находках костей человека. Участниками археологической экспедиции ИГПИ была обследована часть разрушенных погребений и собран сохранившийся материал. Всего таким образом было учтено четыре погребения. В трех случаях в составе инвентаря содержались кольца и диски из белого нефрита, что ориентировочно позволяет датировать эти погребения глазковским временем. В четвертом погребении было найдено свыше десяти каменных стерженьков к составным рыболовным крючкам китойского типа. Вся группа обнаруженных здесь погребений, видимо, являлась частью могильника, который находился на северной окраине поселения. Второй могильник расположен в противоположном конце поселения, в его южной части, исследование которого началось в 1957 г. отрядом Л.Я. Крижевской. Здесь, у бровки 8-метровой террасы, было вскрыто два погребения[122]. В 1962 г. изучение памятника проводилось экспедициями Иркутского областного музея краеведения и ИГУ под руководством Г.И. Медведева и при непосредственном участии автора. В результате этих раскопок несколько выше указанных погребений, на склоне 15-метровой террасы, было обнаружено еще во-



Р и с. XXXIII. Усть-Белая. План-схема.
1 - раскоп I0. Могильник; 2 - раскоп Л.Я. Крижевской.

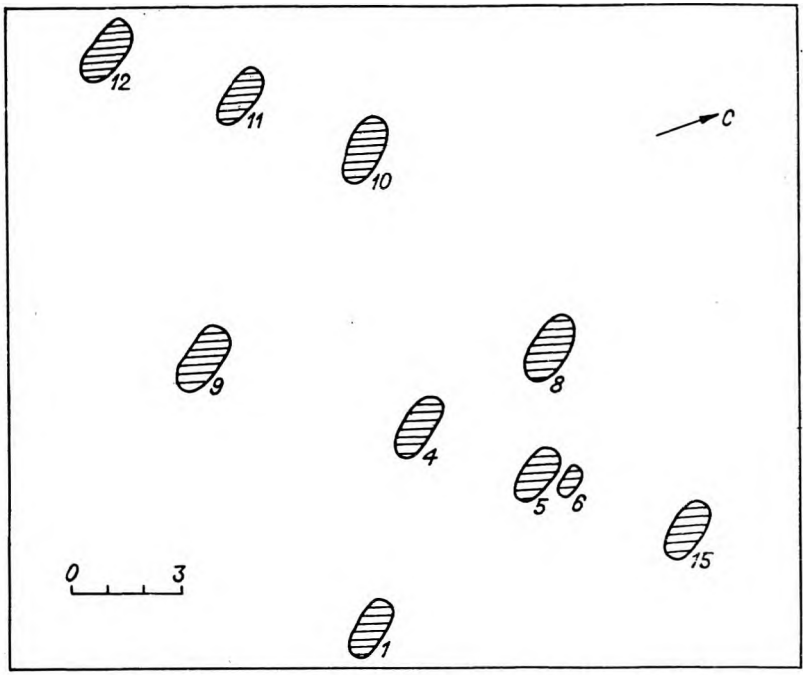
семь захоронений. Начиная с 1969 г. исследование памятника продолжила экспедиция ИГПИ под руководством автора данной работы.

За весь период раскопок на площади могильника, расположенного в южной части поселения, обнаружено 17 захоронений. При исследовании памятника особое внимание было уделено вопросу соотношения культурных горизонтов поселения с уровнем закладки могильных ям (рис. XXXII, XXXIV, LIX).

Стратиграфические наблюдения в этом плане выявили следующую картину.

1. Слой гумусированной супеси (I0-30 см) содержит незначительные остатки курыканской культуры, которые залегают непосредственно под дерном. Нижний горизонт этого слоя дал своеобразный комплекс культурных остатков: литейные формы из керамики и агальматолита, керамические сопла и бронзовые поделки. Керамический материал представлен сосудами с плоским дном, налепными ушками и орнаментом в виде налепных валиков с защипами. На уровне этого горизонта более темным заполнением проявились могильные ямы трех погребений (№ 2, 3, 7). Погребения разграблены, из инвентаря здесь найдено бронзовое четырехгранное шило, бронзовая поковка неопределенного назначения, кольцо из белого нефрита с пропилом, каменные наконечники стрел и украшения из зубов кабарги.

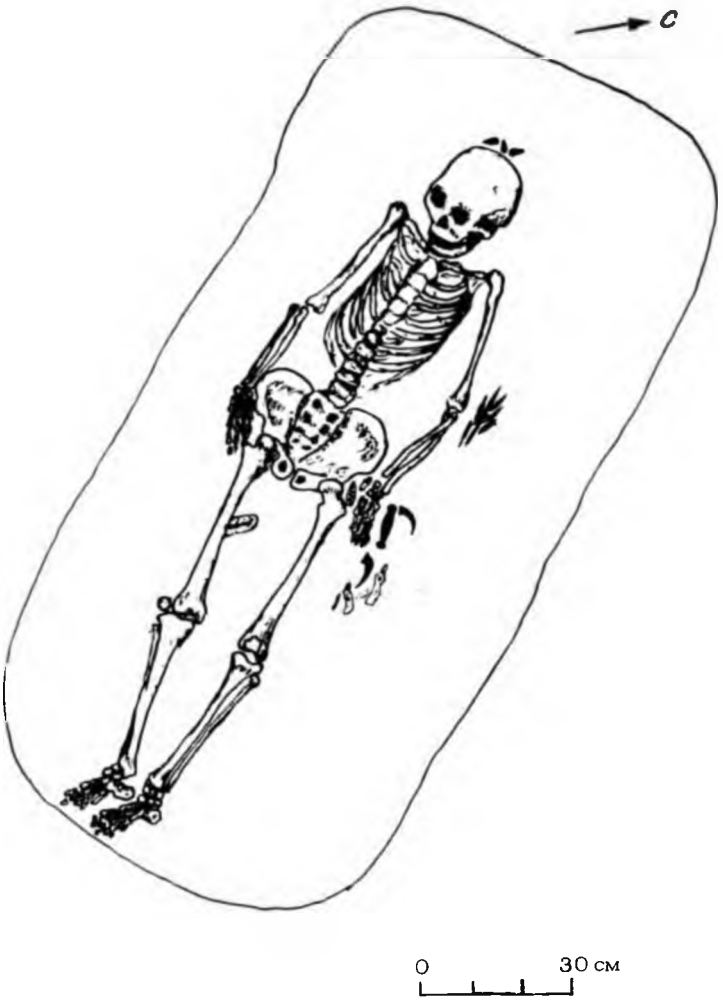
Состав инвентаря этого горизонта и группы погребений позволяет датировать весь комплекс эпохой развитой бронзы.



Р и с. XXXIV. План могильника Усть-Белая.

2. Слой бурой супеси мощностью 20–30 см содержит культурные остатки эпохи энеолита и неолитического времени. В силу незначительной мощности культурного слоя материал не поддается четкому стратиграфическому расчленению. Учитывая особенности инвентаря на различных уровнях, ориентировочно его можно разделить на верхний и нижний горизонты. Верхний горизонт содержит многочисленный керамический материал в виде отдельных фрагментов, общую характеристику которого из-за разнообразия орнаментальных мотивов дать трудно. Из каменного инвентаря здесь найдены топор с ушками, грузила-бруски из галек с отверстиями, наконечники стрел различной формы, скребки и призматические пластины. С этим культурным горизонтом стратиграфически установлена связь погребений № I3 и I4.

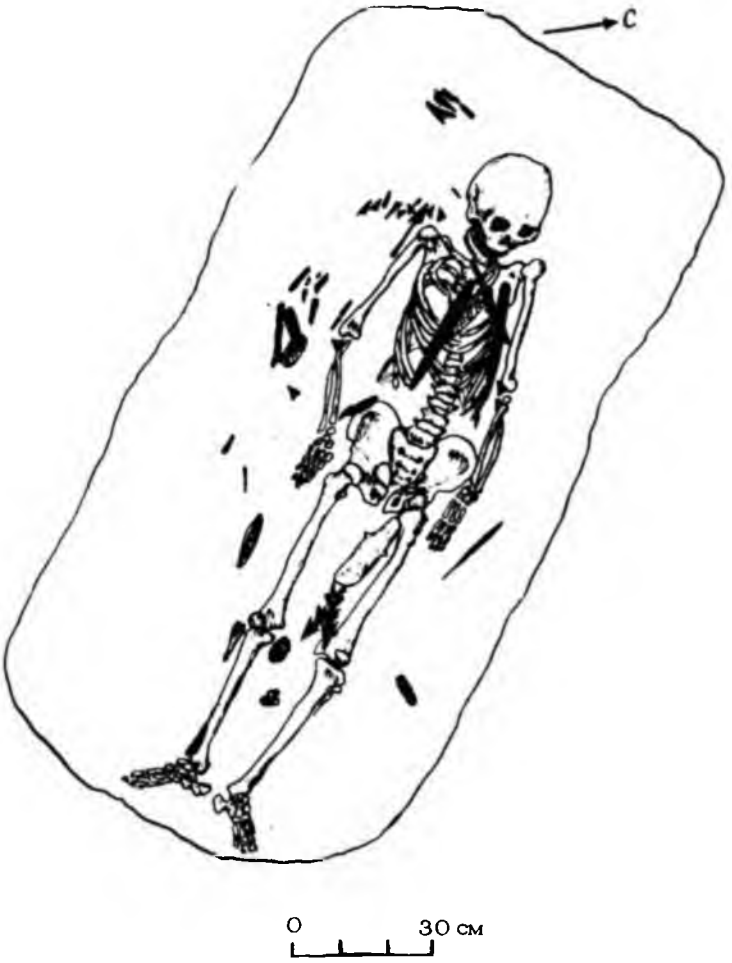
Горизонт с остатками материальной культуры эпохи неолита заключен в нижней части бурой супеси. Могильные ямы погребений № I, 4–6, 8–I2 и I5 прослеживаются с уровня второго слоя. Следовательно, между культурным горизонтом поселения, содержащим неолитический материал, и группой погребений также имеется четкая стратиграфическая связь, которая дает основание считать их неолитическими. Таким образом, на Усть-Белой впервые удалось установить об-



Р и с. XXXV. Усть-Белая. Погребение № I.

щую культурную принадлежность и стратиграфическую связь горизонтов поселения с группами однотипных погребений[123].

Погребение № I (рис. XXXV). Могильное пятно прослеживается с нижнего уровня второго слоя. Яма прямоугольных очертаний. Костяк покоился в вытянутом положении на спине и ориентирован на северо-запад. Сохранность костяка удовлетворительна. Кости скелета и дно могилы густо засыпаны кровавиком. На теменной части черепа лежали три подвески из зубов марала; по всей вероятности, это остаток



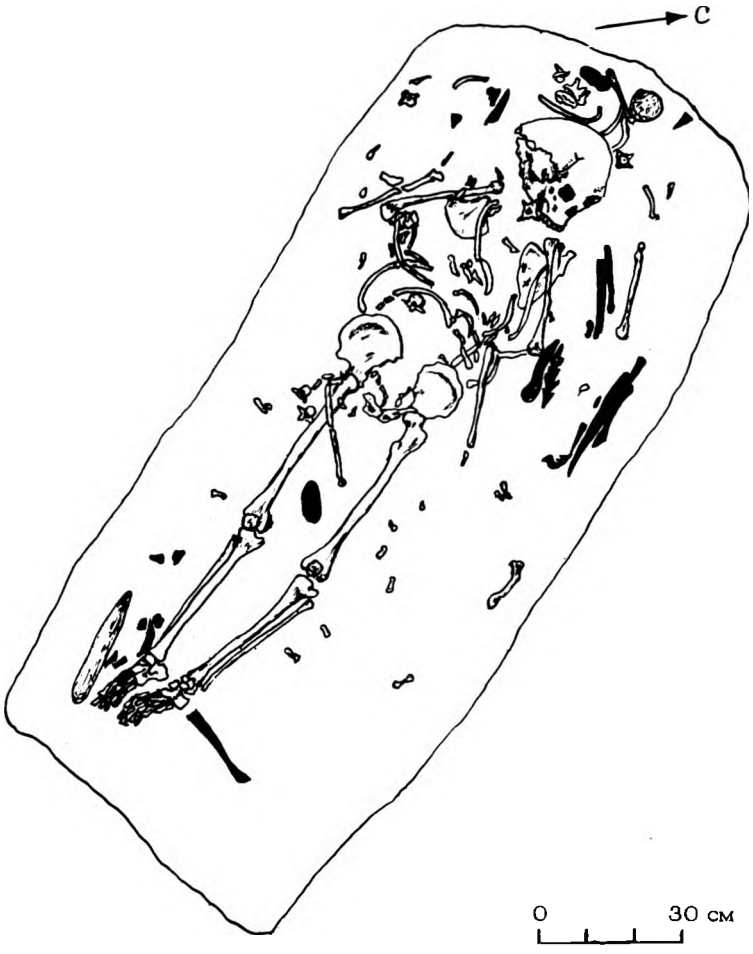
Р и с. XXXVI. Усть-Белая. Погребение № 4.

украшения головного убора погребенного. Остальной инвентарь в основном находился с левой стороны костяка. У локтевого сустава руки кучкой лежали костяные острия (9 экз.). Ниже, у тазовой кости, были обнаружены нефритовый нож с треугольным лезвием, брусок из мелкозернистого песчаника и костяной наконечник стрелы с обломленной базой. У кисти руки лежали стерженек к составному рыболовному крючку из сланца с двумя костяными жальцами и три обработанные тазовые кости птицы. С правой стороны под бедром находился брусок крупнозернистого песчаника с желобком. Погребение принадлежало мужчине с выраженными монголоидными чертами[124].

Погребение № 4 (рис. XXXVI). Могильная яма четырехугольной формы прослеживается с глубины второго слоя. На краю могильного пятна найден заступ из лопатки лося. Костяк хорошей сохранности лежал на спине. Руки вытянуты вдоль тела. Погребенный был ориентирован на северо-запад. Кости и дно могилы окрашены кровавиком. Костяк принадлежал мужчине средних лет. Погребальный инвентарь чрезвычайно богат. В области грудной клетки находилось пять орудий: два костяных вкладышевых кинжаловидных острия из метоподий крупных животных, два гарпуна с овальным выступом и отверстием для привязки линя, нефритовое тесло из гальки. Поверхность последнего орудия тщательно зашлифована. Внутри грудной клетки обнаружено три кости крыла птицы - остаток амулета. В области правой руки сосредоточена основная масса погребального инвентаря: заготовка рубящего орудия из нефрита, костяные острия (12 экз.) и семь кремневых наконечников стрел, различных по форме. Два наконечника располагались на обоих локтевых суставах. Выше кисти руки были помещены наконечник дротика с двумя зубцами и вкладышами, стрела с шиловидным острием и вкладышевый нож с одним лезвием. У бедра находились тесло из рога с ушками, плоская галька, два гарпуна и три куска кровавика со следами потертости. Ниже колена правой ноги было помещено изделие неизвестного назначения. С левой стороны у кисти руки лежал костяной наконечник дротика.

Погребение № 5 (рис. XXXVII). Могильная яма заложена с уровня второго слоя. Скелет ориентирован на северо-запад. Череп сильно деформирован. В анатомическом порядке располагались только кости ног и таза. Грудная клетка и кости рук смещены. Кости и дно могилы посыпаны кровавиком. При погребенном находились ретушированный нож из сланцевой плитки, полуцилиндрический брусок с желобком, наконечник стрелы ромбовидной формы, топор из рога, гарпун, крупное массивное орудие из рога с заостренным четырехгранным концом, плоский скребок из шифера, острие для составного крючка, костяной наконечник стрелы, украшение из перламутра и большое количество заготовок из камня и кости. Погребение принадлежало женщине.

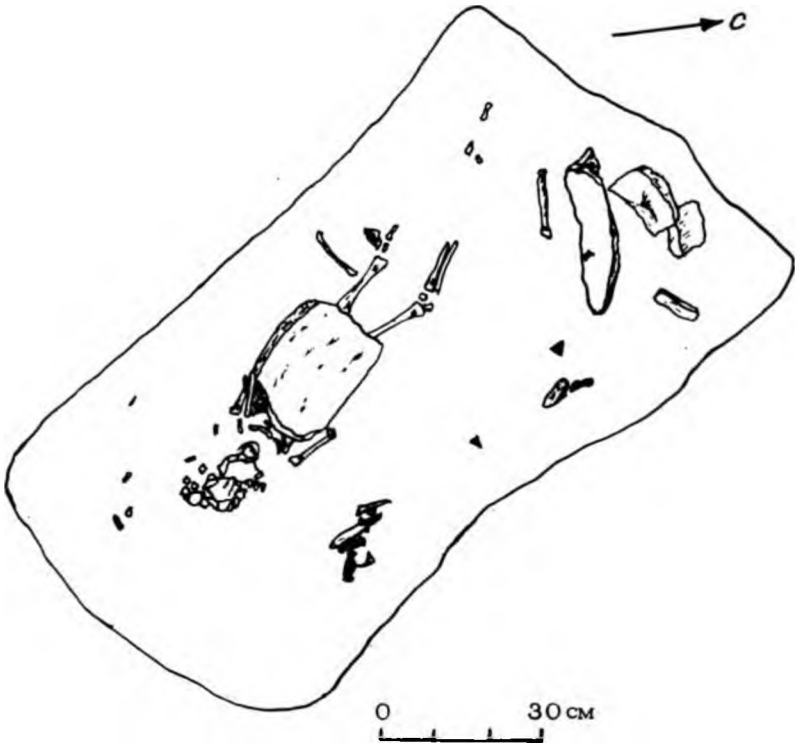
Погребение № 6 (рис. XXXVIII). Захоронение детское, расположено с левой стороны от женского погребения. Костяк покоился под массивной плитой известняка, которая перекрывала почти все погребение. Скелет помещен в вытянутом положении на спине и густо окрашен кровавиком. Ориентировка костяка противоположная остальным - юго-восточная. Погребальный инвентарь в детской могиле содержал костяную орнаментированную ложку, три стерженька к рыболовным крючкам, шесть острий к ним, клиновидное роговое орудие и кремневый нож из массивной пластины. Погребение принадлежало ребенку в возрасте 4-5 лет.



Р и с. XXXVII. Усть-Белая. Погребение № 5.

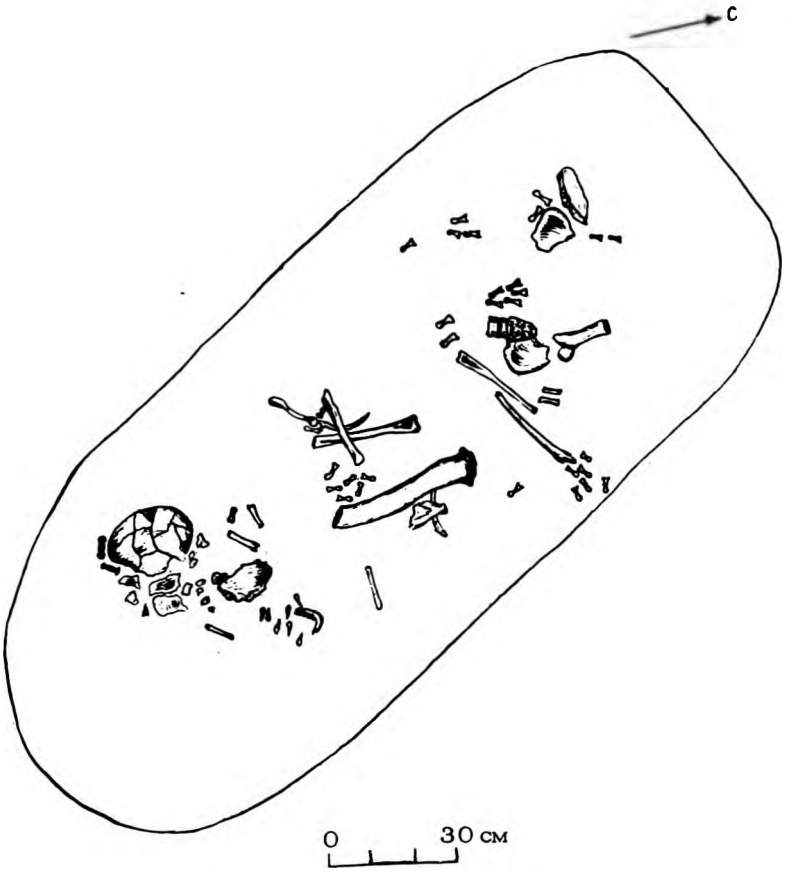
Погребение № 8 (рис. XXXIX) разрушенное. Могильное пятно почти не прослеживается. Кости скелета находились на различном уровне и в беспорядочном положении. Обломки черепа располагались внизу справа предполагаемой могильной ямы, вверху слева – кости таза и рук. В средней части обнаружены фаланги, ключица, лопатки. Из погребального инвентаря здесь найдено два стерженька к составным рыболовным крючкам, обломок рога благородного оленя, скребловидное орудие из грубого кремневого скола. Кости окрашены в красный цвет.

Погребение № 9 (рис. XL) групповое. Черепа отсутствуют. Пол-



Р и с. XXXVIII. Усть-Белая. Погребение № 6.

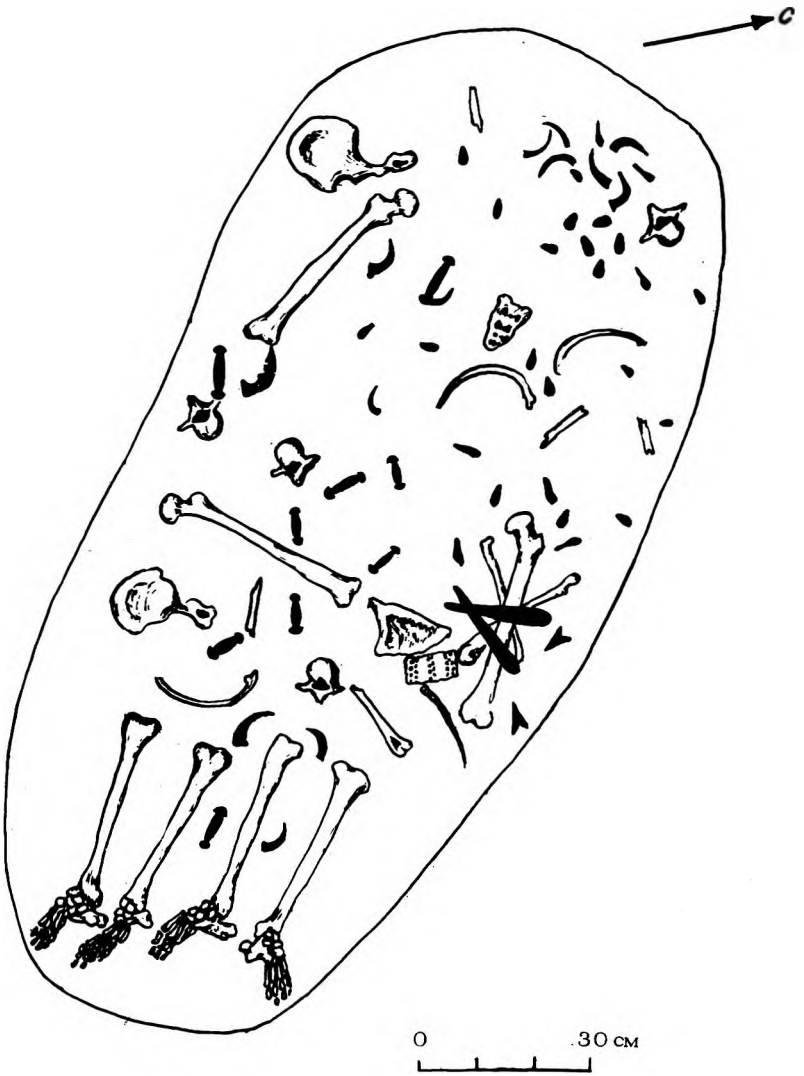
ностью нарушен анатомический порядок скелетов, за исключением костей ног, принадлежащих двум субъектам. Судя по расположению сохранившихся частей костяков, умершие были ориентированы на северо-запад. Могильное пятно прослеживается с верхнего уровня второго слоя. Погребение отмечено своеобразной "кладкой", которая образовалась в результате выброса подстилающих коренных отложений. Могила прорезала их почти на 70 см. Общая глубина могильной ямы 130 см от дневной поверхности. Засыпка состоит из различных по величине плит известняка. Грунт имеет темную окраску с мелкими примазками кровавика. Низ могилы и кости окрашены кровавиком. При разборке костей удалось установить, что в могильной яме шесть бедренных костей, пять коленных чашечек и шесть пяточных. На этом основании можно заключить, что кости принадлежали, по крайней мере, трем субъектам[125]. Инвентарь погребения богатый. Из орудий здесь найдено два кремневых наконечника стрелы, острие с антропоморфным изображением, игольник, клинообразное орудие из рога



Р и с. XXXIX. Усть-Белая. Погребение № 8.

с резной ручкой. Из рыболовных принадлежностей обнаружено восемь стерженьков, изготовленных из шифера, кремнистого сланца, мрамора, агальматолита, и пять острий к ним. Два "лощила" из трубчатых костей животных с заостренными концами, которые скорее всего следует считать орудиями для собирательства. В погребальном инвентаре содержится и большое количество украшений из резцов бобра, клыков кабарги, зубов марала и лося. Украшение из обломленного клыка кабана с тремя отверстиями и орнаментированный браслет из кости.

Погребение № IO (рис. XLI) групповое. Черепа отсутствуют. Могильное пятно и отдельные находки обнаружены в верхней части второго слоя. Здесь же отмечены примазки кровавика. На уровне 45 см от дневной поверхности появились разрозненные кости человека. В

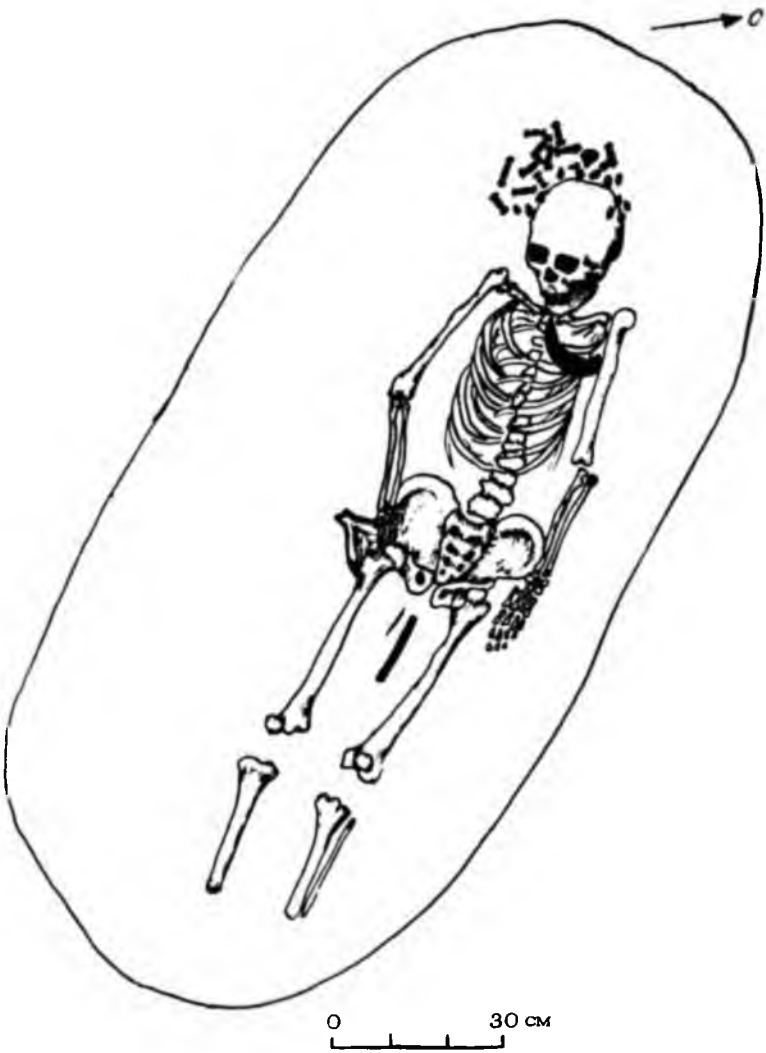


Р и с. XL. Усть-Белая. Погребение № 9.

анатомическом порядке обнаружены кости левой руки. Рядом лежали стерженек рыболовного крючка из шиферного сланца и двусторонний гарпун. В размещении остальных костей и погребального инвентаря невозможно выявить какую-то систему. Кости и инвентарь находились по всей площади ямы в различном положении и на разном уровне. Погребальный инвентарь достаточно богат. В могиле обнаружено

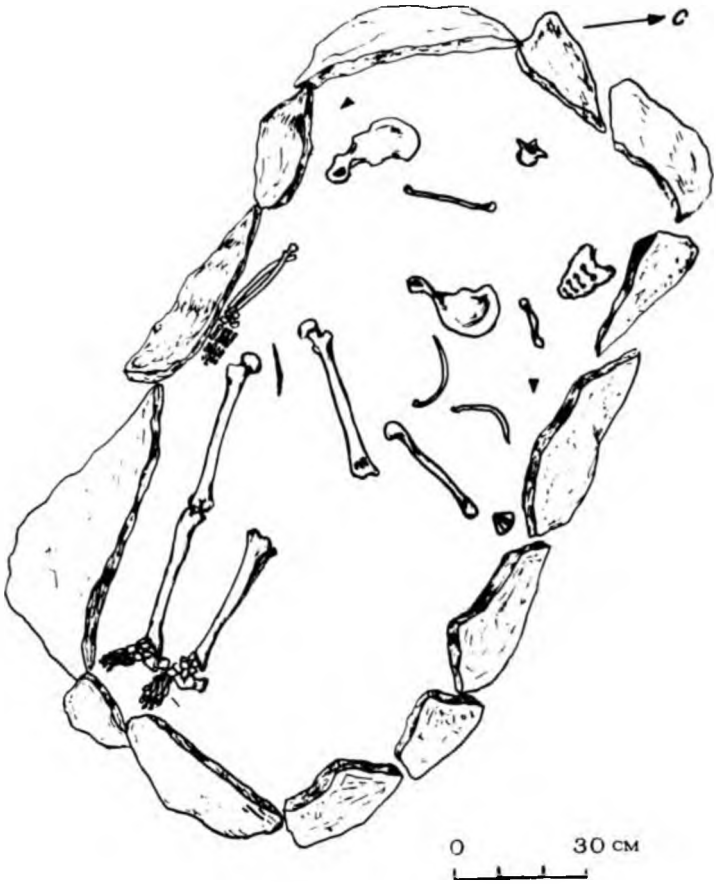
Р и с. XLI. Усть-Белая. Погребение № IO.

I4 мелких рыболовных крючков из агальматолита и сланца. Два наконечника стрелы лавролистной формы. Кроме того, здесь находились шлифованный сланцевый нож ланцетовидной формы, желобчатое орудие из рога, два игольника с иглами и шило. Массивное орудие из рога типа рогатины с четырехгранным заостренным концом, нефритовый нож треугольной формы. Вся поверхность ножа тщательно зашлифована. Из украшений найдены подвеска из клыка кабана с насечками по внешнему краю, подвески из зубов лося и в верхнем углу ямы три скульптурные изображения головы лося. По предварительному подсчету, кости принадлежали пяти субъектам (восемь коленных чашечек и девять пяточных).



Р и с. XLII. Усть-Белая. Погребение № II.

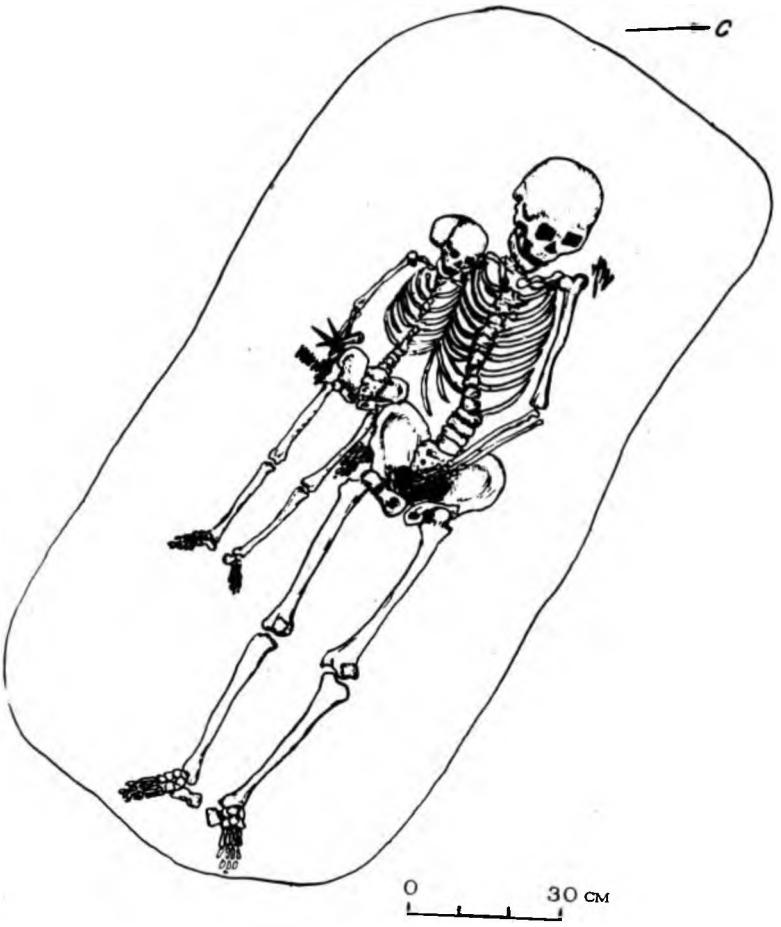
Погребение № II (рис. XLII) одиночное. Костяк находился в вытянутом положении на спине и почти сохранил анатомический порядок. Отмечено незначительное смещение костей ног. Погребенный ориентирован на северо-запад. Могильное пятно прослеживается с нижней границы второго слоя. Засыпь состоит из однородного песка бурого цвета. Кровавиком окрашена только нижняя часть ямы и костяк. При выборе грунта из могильной ямы на глубине 70 см от дневной поверх-



Р и с. XLIII. Усть-Белая. Погребение № I2.

ности обнаружен заступ из лопатки лося, которым скорее всего и была вырыта могила. Погребальный инвентарь в основном сосредоточен вокруг черепа. Здесь найдено II стерженьков для рыболовных крючков, три скребка и I5 подвесок из зубов марала. Стерженьки мелкие, изготовлены из агальматолита и сланца. На левом плече лежала подвеска из клыка кабана с отверстиями. В области тазобедренных костей находился шлифованный нож из нефрита со слегка выпуклым лезвием и односторонней заточкой. Здесь же был найден игольник из птичьей кости, обломок иглы и костяное острие. По предварительному определению М.М. Герасимовой, костяк принадлежал женщине.

Погребение № I2 (рис. XLIII). Могильное пятно прослеживается с



Р и с. XLIV. Усть-Белая. Погребение № I5.

верхнего уровня второго слоя и имеет темную окраску. Низ могильной ямы прорезают коренные породы, создается впечатление, что костяк обложен крупными плитами известняка. Погребение одиночное. Череп отсутствует. Костяк нарушен, за исключением правой руки и ноги. Кости и дно могилы окрашены в красный цвет. Судя по сохранившимся частям скелета, умерший был ориентирован на северо-запад. Из инвентаря здесь найдено небольшое костяное острие, нуклеус клиновидной формы из темного кремня и две костяные накладки с угловой прорезкой. По размеру могильной ямы и величине костей ног можно заключить, что погребение принадлежало крупному мужчине.

Погребение № I5 (рис. XLIV) парное. В одной могильной яме по-

мещены костяк взрослой женщины и костяк ребенка в возрасте до 7 лет[126]. Могильная яма небольшая (80 х 180 см). Положение костяков вытянутое на спине, сохранность хорошая. Общая ориентировка костяков северо-западная. Череп взрослого человека повернут глазницами на восток и лежит на левой стороне. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, а ее кисть помещена на лобковую кость. Кости ног лежат в правильном анатомическом порядке, обе стопы плотно сдвинуты. С правой стороны этого скелета расположен костяк ребенка. Череп его сильно деформирован и покоится на правом плече взрослого человека. Детский костяк тесно прижат к взрослому. Левая рука ребенка находится под костями грудной клетки взрослого. Правая слегка согнута в локте, лежит вдоль тела. Кости ног вытянуты. Детский костяк густо засыпан кровавиком, тогда как у взрослого интенсивная окраска наблюдается только в области головы и таза, на остальной части костяка слегка прослеживаются следы засыпки.

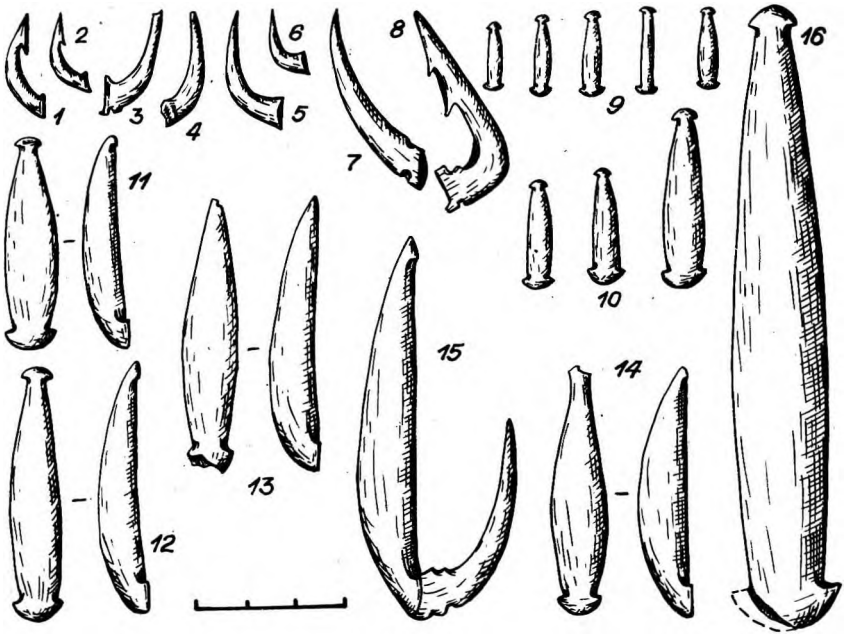
Погребальный инвентарь в могиле расположен тремя группами. С левой стороны взрослого костяка находилась самая многочисленная группа вещей: шлифованный нож треугольной формы из нефрита, плоский брусок из мелкозернистого песчаника, четыре наконечника стрел из светлого кремня и сланца с вогнутой базой, костяная игла, пять костяных острий, аналогичных изделиям из погребения № I и 4, и большое количество заготовок для орудий из нефрита, камня и кости. У поясничных позвонков обнаружено два куска кровавика со следами стертости и прекрасно обработанный нефритовый нож с вогнутым лезвием.

Около детского костяка с правой стороны чуть выше тазовых костей обнаружен следующий инвентарь: три костяные ложки из рога и лопатки лося, рыбья кость со следами обработки. Ниже их в правильном порядке параллельно друг другу были расположены I2 подвесок из резцов бобра, которые, видимо, были закреплены на сумке в виде бахромы. В области черепа было найдено девять подвесок из зубов марала.

В эту же группу мы включаем и погребения, раскопанные Л.Я. Крижевской в 1957 г.[127].

Описание инвентаря неолитических погребений. Самую многочисленную группу инвентаря представляют составные рыболовные крючки китойского типа. Они обнаружены в семи погребениях. Найдено также 39 стерженьков и 28 острий к ним (рис. XIV).

Гарпуны обнаружены в трех погребениях. Их общее количество составляет 6 экз. Два гарпуна имеют одностороннее расположение зубцов, круглый в сечении насад, который в верхней части снабжен полулунным выступом с отверстиями для крепления к линю. Остальные 4 экз. двусторонние, с попарным асимметричным расположением зуб-

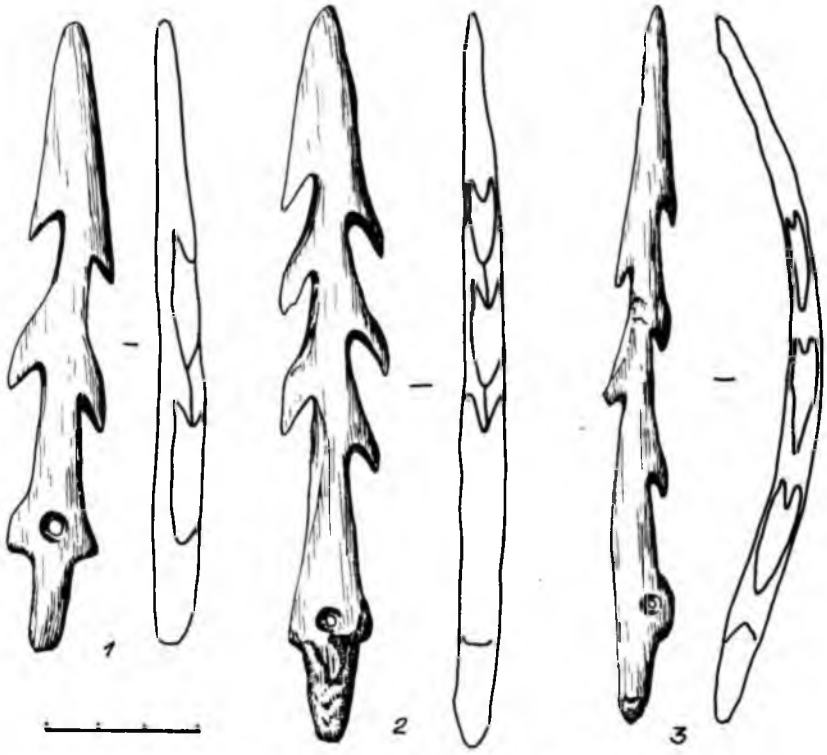


Р и с. XLV. Могильник Усть-Белая. Составные части крючка.
1–8 – острия; 9–15 – стерженьки; 16 – рыболовный крючок.

цов. Насад округлый с прямоугольным двусторонним упором и отверстием в крылообразном расширении. По характеру насада и способу крепления эти орудия составляют особую группу в неолите Прибайкалья и известны под названием гарпуны "китойского типа" (рис. XLVI, XLVII).

К орудиям рыбного промысла условно можно отнести и группу шилообразных острий. В нижней части они слегка изогнуты, конец оформлен прямым срезом для бокового крепления. Скорее всего эти орудия могли использоваться в качестве зубьев для остроги. Размеры их довольно внушительные, отдельные экземпляры достигают 8–10 см в длину (рис. XLVIII, 4). Эти орудия обнаружены только в могильниках Китойском (16 экз.) и Усть-Белая (2 экз.). Факт применения китойцами остроги как орудия рыбного промысла подтверждается материалами Глазковского могильника.

Наиболее представительной группой охотничьего снаряжения являются каменные наконечники стрел. Всего на могильнике обнаружено 17 экз. По форме орудия можно разделить на несколько групп: 1) треугольные с вогнутой базой и асимметричными жальцами (рис. XLIX); 2) ромбовидные с прямой базой (рис. XLIX, 1, 2); 3) минда-

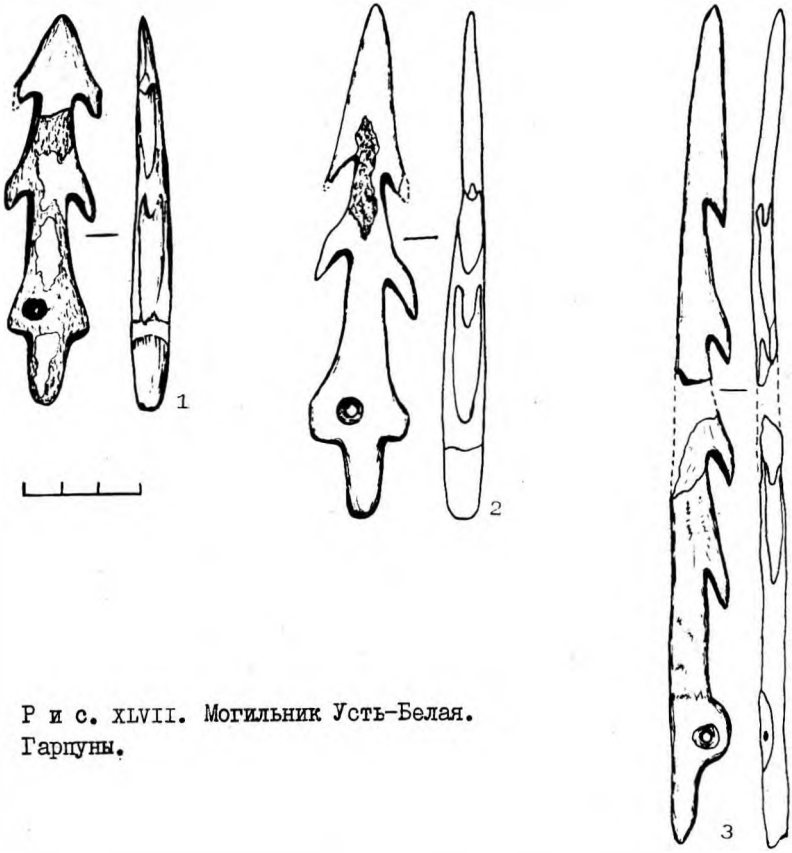


Р и с. XLVI. Могильник Усть-Белая. Гарпуны.

левидные со слегка усеченной базой (рис. XLIX, 3, 4); 4) подтреугольные с выпуклыми сторонами и асимметричными жальцами (рис. XLIX, 10-12); 5) треугольные с прямой базой (рис. XLIX, 7).

Вкладышевые орудия представлены 4 экз. Три из них изготовлены из трубчатых костей, имеют двустороннее вкладное лезвие, составленное из ретушированных пластин. Насад орудия уплощен. По функциональному назначению их можно определить как охотничьи ножи, также они могли использоваться в качестве наконечников для копий. Четвертое орудие имеет однолезвийное острие. Рабочий край слегка выпуклый, обушок вогнутый. Верхний конец заострен, со следами залощенности в процессе употребления. Рукоять расширена и обломлена. Назначение орудия определить трудно (рис. L, LI).

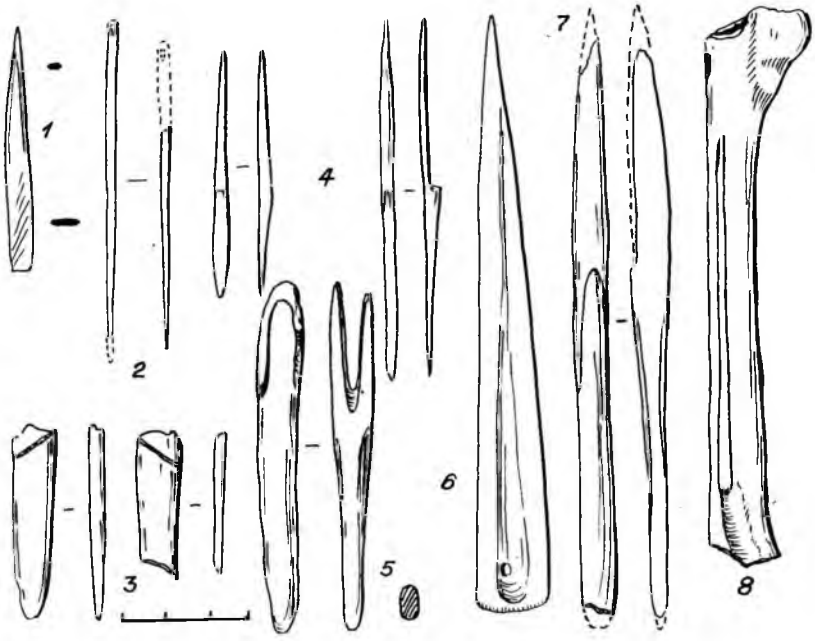
Два наконечника для дротиков имеют шиловидное острие, круглое в сечении, заканчиваются насадом, уплощенным широкими боковыми срезами. Форма насада скорее всего указывает на то, что они крепились в древке. Общая длина орудий 15 см (см. рис. XLVIII, 7).



Р и с. XLVII. Могильник Усть-Белая. Гарпуны.

Третий наконечник также имеет шиловидную форму, сечение круглое, верх острия длиной 5 см от остальной части орудия отделен шипообразными выступами. Насад обломлен, в его верхней части имеются следы уплощающих срезов. Длина сохранившейся части орудия 14 см. Небольшой костяной наконечник полностью повторяет форму дротиков, но уступает им в размерах. Это скорее всего костяной наконечник стрелы, который крепился в древке посредством уплощенного насада (см. рис. XLVIII, 1).

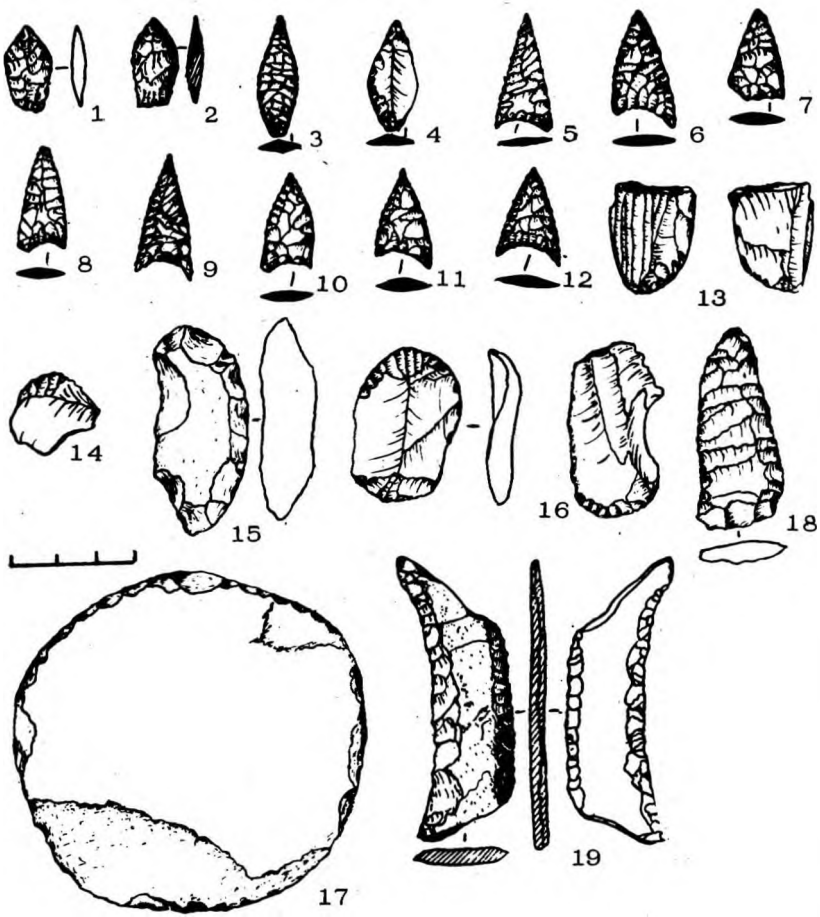
Условно к группе охотничьего инвентаря можно отнести довольно многочисленную группу костяных орудий. Размеры их в длину достигают от 4,5 до 6,5 см. Уплощенное тело с одной стороны имеет достаточно четко выраженное ребро, вверху изделие заканчивается плоским острием, противоположный конец имеет небольшой округлый черешок с острым концом. Функциональное назначение этого орудия пока определить не представляется возможным. Количество этих изделий в инвентаре могильника достигает 26 экз. Аналогичные изделия обнаружены в Китойском могильнике (14 экз.)



Р и с. XLVIII. Могильник Усть-Белая. Изделия из кости.
1 – наконечник стрелы; 2 – игла; 3 – рукоять; 4, 5 – острия; 6 – шило; 7 – наконечник дротика; 8 – игольник.

В материалах могильника имеются два крупных массивных орудия из рога в виде длинных клинков со слегка изогнутым сильно заостренным концом. Размер орудия 22–26 см. Обработке подвергалась только верхняя часть, остальная имеет вид четырехгранного стержня. Эти орудия могли применяться как рогатины для охоты на крупного зверя (рис. LII, LIII).

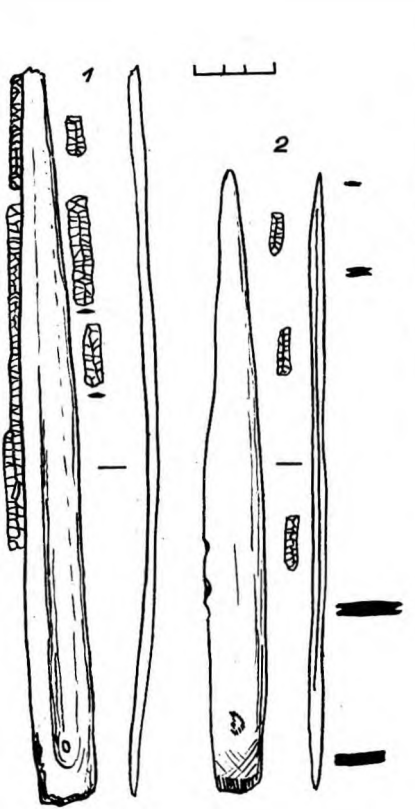
Группа рубящих орудий содержит изделия из нефрита и рога. Нефритовое тесло имеет приостренный слегка скошенный обушок, сечение линзовидное, профиль лезвия односторонне выпуклый. Орудие изготовлено из гальки, следы галечной корки сохранились на его обушке. Вся поверхность тесла тщательно заполирована. Предварительное оформление заготовки производилось посредством оббивки, о чем свидетельствует наличие глубоких сколов, которые не подвергались шлифовке. Рабочий край слегка скошен и имеет одностороннюю заточку. Длина орудия 13, ширина 5 см (рис. LIV, 7). Заготовка нефритового орудия в общем повторяет форму готового тесла. Поверхность его слегка подшлифована, в результате чего следы предварительной оббивки хорошо сохранились. Рабочий край орудия окончательно не оформлен (рис. LIV, 8).



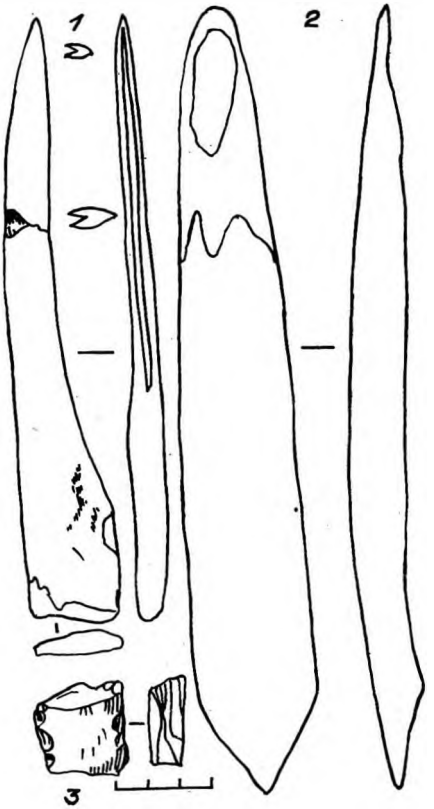
Р и с. XLIX. Могильник Усть-Белая. Орудия из камня.
1-12 - наконечники стрел; 13 - нуклеус; 14-17 - скребки; 18-19 - ножи.

Рубящее орудие из рога длиной 20 см имеет массивное тело. Верхний конец оформлен скошенным поперечным срезом, снабженным глубокой муфтой для закрепления рукояти. Нижний конец заострен несколькими крупными срезами. Рабочий край имеет овальную форму и залощен от длительного употребления (рис. LV).

В единственном экземпляре в инвентаре могильника Усть-Белая было найдено тесло с ушками. Изделие имеет массивное тело с плоскими боковыми гранями. Одна из широких сторон выпуклая и в профиль напоминает известные сланцевые тесла серовского времени. Ра-



Р и с. L. Могильник Усть-Белая. Вкладышевые орудия.

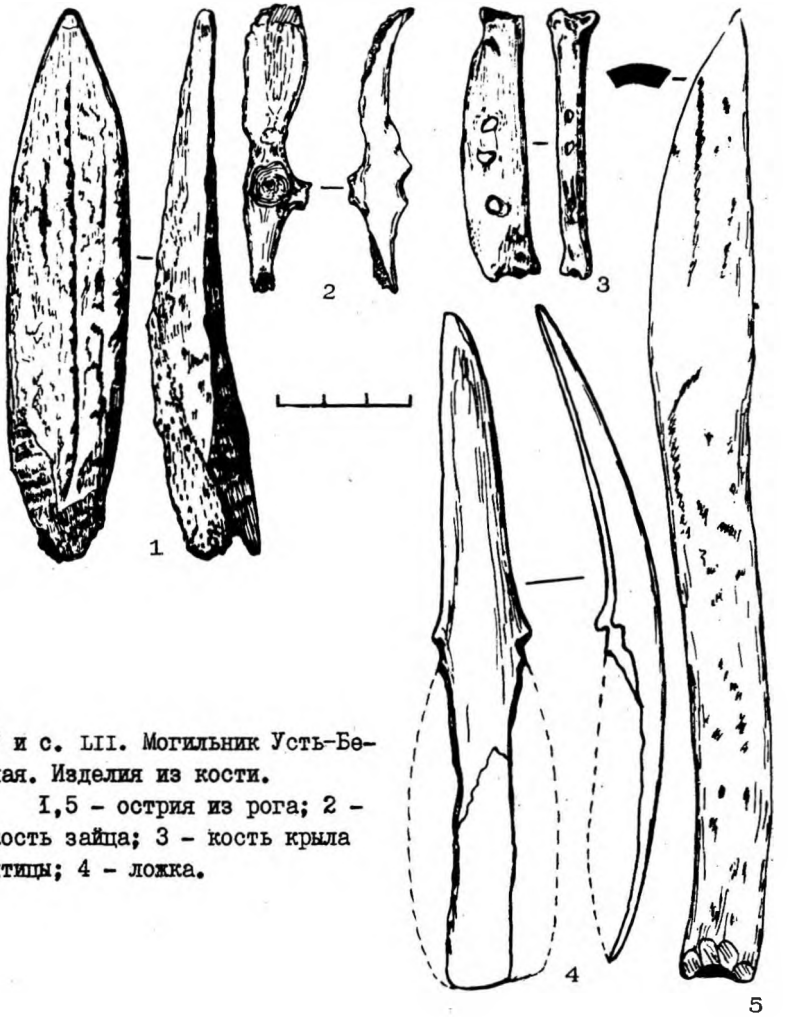


Р и с. LI. Могильник Усть-Белая. Инвентарь.

I – вкладышевый нож; 2 – совкообразное острие; 3 – нуклеус.

бочий край овальной формы с односторонней заточкой. Обушок плоский и прямой. В верхней трети орудия симметрично по обеим сторонам расположены два небольших ушка, которые скорее всего служили для крепления рукояти. В форме этого орудия как бы нашли свое отражение характерные черты как китойских, так и серовских изделий (рис. LVI).

В погребальном инвентаре могильника обнаружено семь ножей (см. рис. LIV, 1-4). Пять из них изготовлены из нефрита и два из кремнистого сланца и аргиллита. Три нефритовых ножа имеют треугольное лезвие. Орудия тщательно заполированы по всей поверхности. Другие два ножа имеют одностороннее лезвие, у одного оно



Р и с. LII. Могильник Усть-Белая. Изделия из кости.

1,5 – острия из рога; 2 – кость зайца; 3 – кость крыла птицы; 4 – ложка.

слегка выпукло, у другого – вогнуто. Шлифованный сланцевый нож ланцетовидной формы имеет прямое лезвие, спинка орудия обработана притупляющей ретушью. Поверхность орудия тщательно отшлифована (см. рис. LIV, 1). Нож, изготовленный из плитки аргиллита, имеет вогнутое ретушированное лезвие, по спинке орудия нанесена притупляющая крутая ретушь (см. рис. XLIX, 19).

Скребки составляют незначительную группу инвентаря, всего найдено пять орудий (см. рис. XLIX). В единственном экземпляре обнаружен крупный плоский скребок круглой формы из шиферного сланца. По всей окружности он обработан широкими мелкими фасетками от-

жимной ретуши. Один скребок на массивной плитке аргиллита с овальным рабочим краем, оформленным крупной ретушью. Два концевых скребка изготовлены на пластинчатых отщепах, овальное лезвие обработано мелкой ретушью. Скребок на чешуйчатом отщепе имеет небольшой рабочий край.

Из кремневого инвентаря найдены призматические пластины-вкладыши прямоугольной формы с мелкой ретушью по рабочему краю и притупляющей по спинке, а также один нуклеус-скребок (см. рис. XLIX, 13). Нуклеус имеет клиновидную форму. С одной из сторон снимались микропластины правильной формы. К противоположному концу тело нуклеуса суживается и переходит в овальное ребро, обработанное мелкой ретушью, оно напоминает рабочий край скребка.

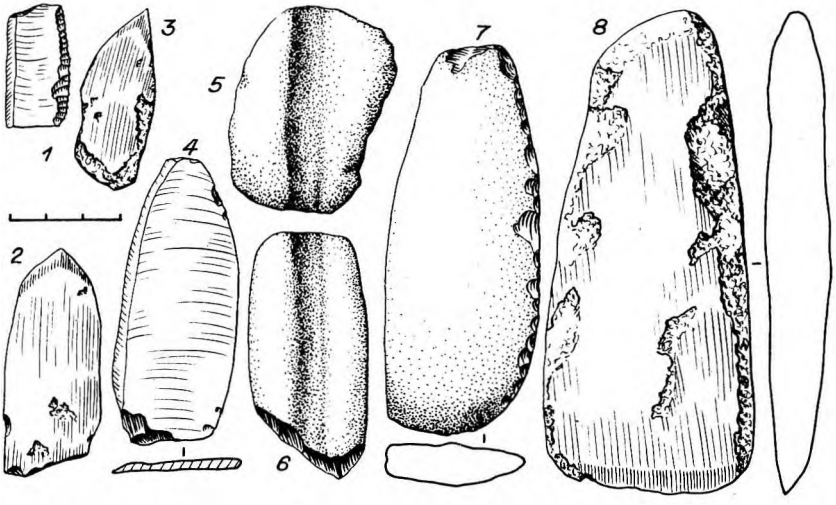
Р и с. LIII. Могильник Усть-Белая. Острие из кости.

Абразивные инструменты насчитывают два полуцилиндрических бруска с продольным желобком, так называемые выпрямители древков, и два плоских бруска с одним-двумя желобками (см. рис. LIV, 5, 6).

Орудия для шитья представлены двумя шильями и шестью иглами. Одно шило, изготовленное из расколотой метакарпальной кости, сохранило естественный желобок, рукоятью служит часть эпифиза (см. рис. XLVIII, 6). Второе сделано из грифельной кости мелкого животного, в качестве рукояти использовалась естественная головка.

Иглы изготовлялись из кости. В длину изделия достигали до 7 см. Ушко иглы имело круглую или овальную форму. Иглы хранились в футлярах-игольниках, изготовленных из полой птичьей кости. Размеры их от 10 до 20 см (см. рис. XLVIII). В двух случаях иглы обнаружены внутри футляров.

Для характеристики быта интересны находки пяти костяных ложек. Изделия имеют желобчато-вогнутую удлиненную форму с высокими стенками. Ближе к середине они уменьшаются и плавно переходят в ручку, которая отделяется двумя небольшими ушками (см. рис. LII, 4). Одна ложка изготовлена из лопатки лося в виде плоской лопаточки с прямой ручкой.



Р и с. LIV. Могильник Усть-Белая. Орудия из камня.

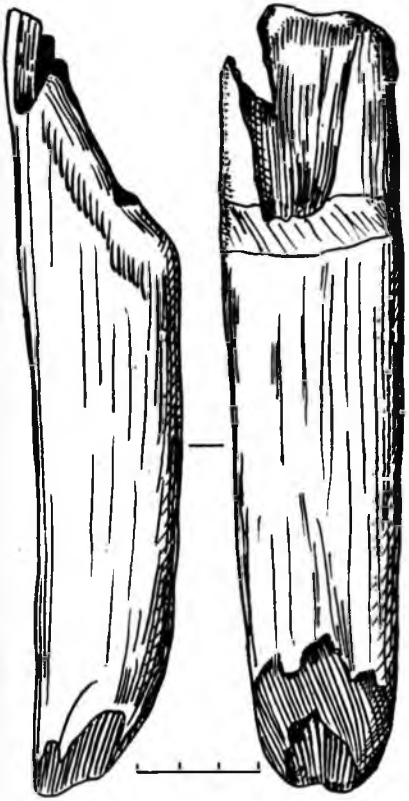
1–4 – ножи; 5–6 – бруски с желобком; 7–8 – рубящие орудия из нефрита.

В неолитических погребениях обнаружено большое количество украшений, орнаментированных предметов и мелкая костяная скульптура.

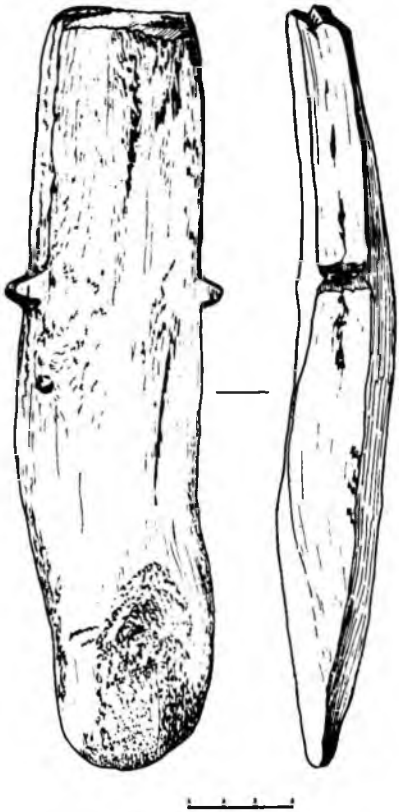
Самым распространенным украшением древних обитателей устья Белой были подвески из зубов животных. Найдены подвески из зубов марала (32 экз.), лося (13 экз.), бобра (23 экз.), а также клыки кабана (3 экз.), кабарги (19 экз.) (рис. LVII). В корневой части зубы предварительно стачивались, а затем просверливались отверстия для подвески. Украшения из клыков кабана снабжались несколькими отверстиями в корневой части и одним на конце, которые скорее всего предназначались для нашивки на одежду.

По материалам могильника, к сожалению, невозможно установить назначение клыков кабарги. Они могли использоваться как украшения, а возможно, являлись составной частью рыболовного крючка, в глазковское время широко применялись именно в этом качестве. 2 экз. имеют насечки по всей вогнутой стороне, что скорее всего указывает на использование их как украшений. Плохая сохранность предметов не позволяет выяснить характер их крепления.

Интересные сведения дали некоторые наблюдения за местонахождением украшений в могильной яме. Почти во всех погребениях подвески из зубов марала были обнаружены в области черепа, а некоторые из них лежали на лобных частях. Вероятно, их нашивали на го-



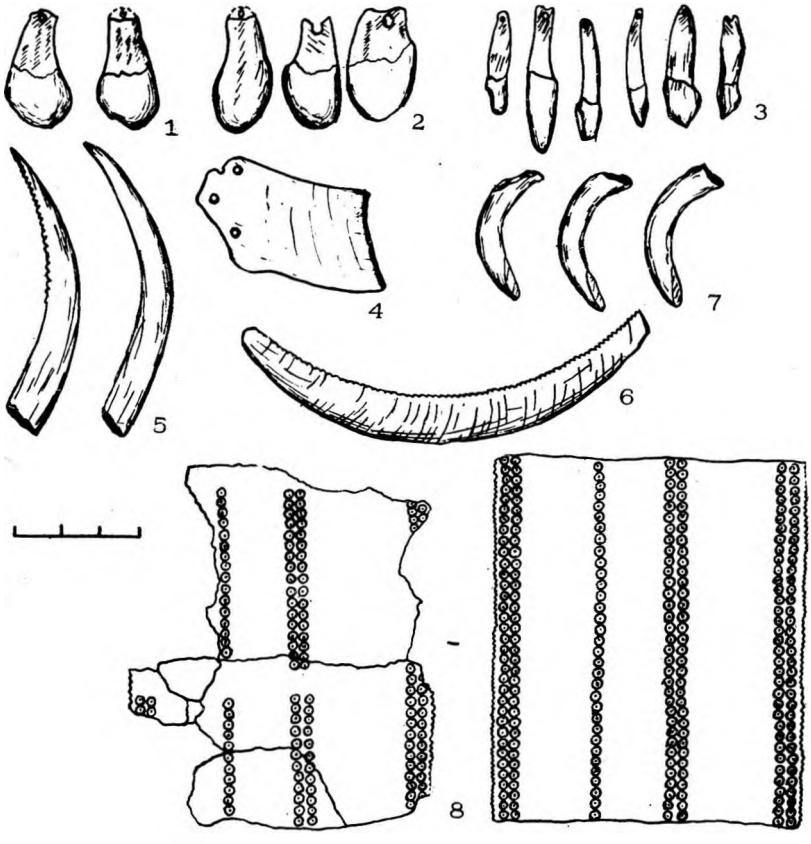
Р и с. LV. Могильник Усть-Белая. Кирка из рога.



Р и с. LVI. Могильник Усть-Белая. Рубящее орудие из рога.

ловной убор. В другом случае отмечен весьма любопытный порядок расположения подвесок из резцов бобра. В парном погребении № I5 при детском костяке с правой стороны находилось несколько предметов, а ниже их в ряд располагались I2 подвесок. Все они были обращены отверстиями вверх, как бы образуя бахрому хозяйственной сумочки.

По количеству украшений обращает на себя внимание женское погребение № 2, раскопанное Л.Я. Крижевской в 1957 г. В могильной яме было обнаружено огромное скопление (5,5 тыс.) мелких стеатитовых и перламутровых бусин, которые некогда составляли богатое украшение головного убора. При раскопках исследователю удалось частично зафиксировать узор, составленный из рядов стеатитовых бус в комбинации с лежащими вокруг них бусинками из перла-



Р и с. LVII. Могильник Усть-Белая. Украшения.

1-2 – подвески из зубов марала; 3 – подвески из зубов мелких животных; 4, 6 – украшения из клыка кабана; 5 – украшение (?) из зубов кабарги; 7 – подвески из зубов бобра; 8 – браслет с орнаментом.

мутра[128]. Заготовка и целые украшения из перламутра также были найдены в женском погребении № 5.

Из всей массы украшений особенно выделяются два предмета – это орнаментированный костяной браслет и изделие из клыка кабана. Браслет представляет собой широкую тонкую костяную пластину, покрытую орнаментом. Ширина браслета 7 см. Длину определить не представилось возможным. Он был обнаружен в разрушенном погребении № 9. Края оформлены мелкими насечками и сдвоенными рядами кружков с точкой в центре. На расстоянии 2 см от окаймляющих ор-

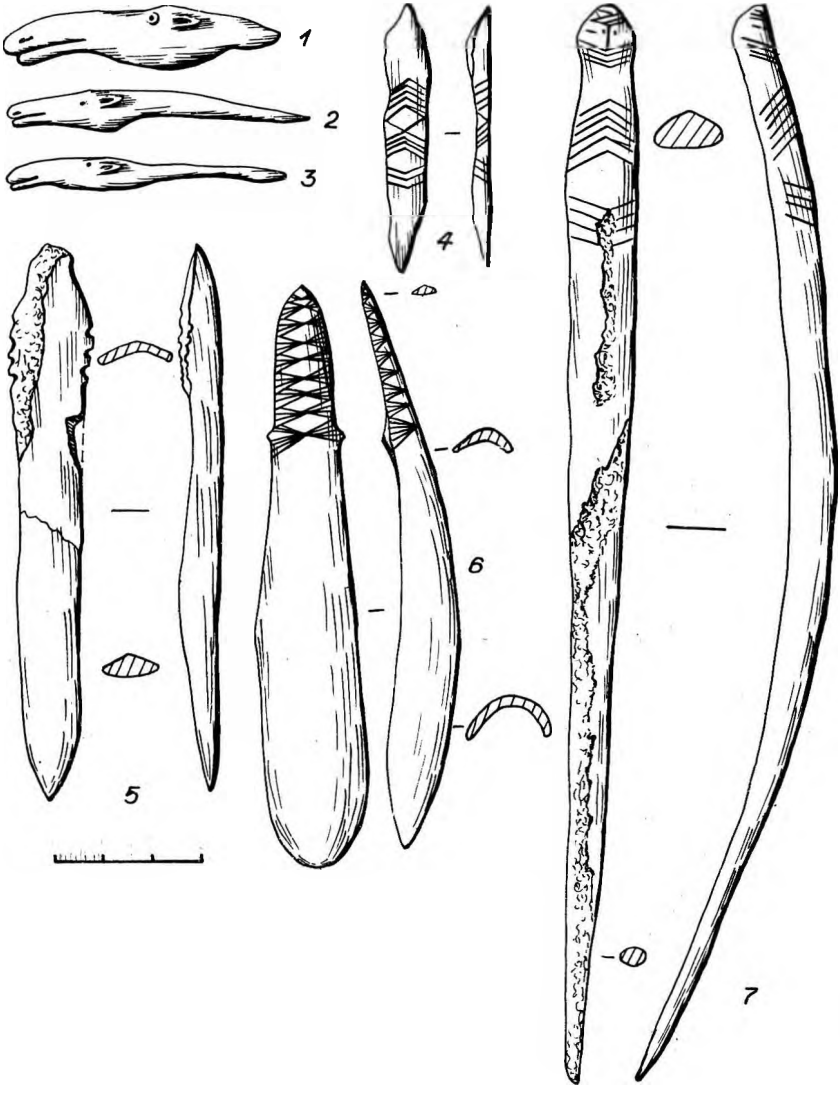
ментальных рядов параллельно им нанесены еще сдвоенные и одинарный ряды кружков (рис. LVII, 8). Композиция орнамента на браслете предельно проста, единственным мотивом является циркульный узор. Орнамент на браслете как бы имитирует наручное украшение, составленное из бус в семь ниток. Аналогичные украшения из перламутровых бус были отмечены в погребении № 2 1957 г. на Усть-Белой. В Ленховке же (погребение № 1) найдено целое наручное украшение, составленное из бус в несколько ниток[129].

Второй предмет из погребения № 10 изготовлен из расщепленного клыка кабана в виде украшения правильной симметричной формы. Перламутровый блеск эмали и многочисленные насечки по выпуклой стороне придают изделию особенно нарядный вид (рис. LVII, 6). Подвеска из клыка кабана обнаружена в погребении № 9. Подвеска представляет собой всего лишь обломок корневой части клыка. Она снабжена двумя обломленными и двумя целыми отверстиями для крепления. Причем вторая пара отверстий была скорее всего сделана после поломки первых (рис. LVII, 4).

В детском погребении № 6 обнаружены костяная ложка с орнаментированной ручкой, отделенной от резервуара симметрично расположенными ушками. По краям ручки нанесен ряд заштрихованных треугольников, которые соприкасаются своими вершинами, тем самым образуя фоновый рисунок в виде ромбов (рис. LVIII, 6). Тщательность обработки изделия, совершенство геометрического орнамента и изящность формы позволяют считать его одной из лучших костяных поделок китойского времени.

Изобразительный материал могильника состоит из одного антропоморфного изображения и трех скульптур лося.

Антропоморфное изображение выполнено из кости. Изделие представляет собой массивное острие, трехгранное в сечении, длиной 22 см. Верхняя часть его имеет небольшую слегка заостренную головку, отделенную от стержня плавными боковыми выемками. По выпуклой стороне головка оформлена в виде схематического изображения лица человека. Овал лица заключен между двумя параллельными рядами елочного орнамента. Нос передан прямой линией, пересекающей все лицо сверху донизу. Глаза изображены точками, и на некотором расстоянии от них проведены короткие линии. Рот не обозначен вообще. Несмотря на крайнюю условность изображения, древнему мастеру удалось передать скуластое лицо с раскосыми глазами. Ниже по стержню нанесены еще два ряда елочного орнамента со встречным расположением, образующим фоновый рисунок неправильного ромба (рис. LVIII, 7). В этом же погребении был найден обломок костяного предмета с аналогичным рисунком. По характеру орнамента и степени стилизации изображения входят в одну группу с предметами из Глазковского могильника.



Р и с. LVIII. Могильник Усть-Белая. Изделия искусства.

1–3 – скульптурные изображения головы лося; 4–7 – орнаментированные предметы.

В материалах могильника имеется три скульптуры голов лося. Они были обнаружены в групповом разрушенном погребении № 10 в верхнем правом углу могильной ямы, в глубине стенки, располага-

лись в следующем порядке: две головки с остриями лежали вдоль могильной ямы по антитезе, обращенные друг к другу нижними челюстями. Выше на незначительном расстоянии находилось более крупное изображение головы лося, оно лежало поперек могильной ямы. Все предметы находились на одном уровне от дневной поверхности.

Крупная головка лося с обломленным шейным выступом, по которому нанесено четыре поперечных насечки, в длину достигает 5,5 см. Изделие выполнено из кости и тщательно заполировано по всей поверхности. Оно отличается точной передачей формы головы лося и ее важнейших деталей. Крупный широкий лосиный лоб постепенно сужается и переходит в ребро, образующее верхнюю линию горбатой морды. Глубоким треугольным врезом оформлено межчелюстное пространство. Глаза животного рельефно выделены на плоскости щек и даны в виде концентрических окружностей. Уши плотно прижаты к голове и значительно уменьшены, но переданы реалистично. Раздутые ноздри изображены в рельефе и обозначены четкими продолговатыми прорезями. Рот дан глубоким сплошным пропилом. На голове четко выделяется лобный бугорок (рис. LVIII, 1).

Две другие фигурки, на первый взгляд, кажутся совершенно одинаковыми не только по размеру, но и по манере исполнения (рис. LVIII, 2-3). Они представляют собой скульптурные изображения головок лося на костяных стержнях, которые заканчиваются трехгранным острием. Конец одного изделия обломлен. Целый экземпляр в длину достигает 6 см, головка - 3 см. Пропорции головы слегка вытянуты и уплощены. Две боковые грани резко сходятся в верхней и нижней части и образуют острые ребра. Верхняя линия обрисовывает контур лосиной морды и заканчивается прямым срезом. Нижняя линия подчеркивает развитую челюсть животного и круто переходит в отвисшую губу. Глаза даны в рельефе, который резко выделяется на плоскости боковых граней, и обозначены кружками. Уши выполнены реалистично. На широком лосином лбу имеется характерный бугорок. Рот оформлен глубокими боковыми прорезами. Ноздри животного показаны рельефно. Межчелюстное пространство выделено угловой выемкой. В целом эта фигурка отличается четкостью линий и резкими переходами плоскости в рельефы. Второе изделие имеет несколько другую трактовку. Прежде всего его отличает плавность линий, большая объемность, хотя вытянутость пропорций сохраняется. Плавность линий, мягкая моделировка объекта и отсутствие некоторых деталей позволяют видеть в последней скульптуре изображение самки.

Приведенные выше данные стилистического анализа скульптур свидетельствуют о их близком родстве со всеми известными изображениями из китойских памятников. Их объединяет выработанность изобразительных приемов и устойчивость формы.

Таким образом, на могильнике Усть-Белая обнаружено 12 погребений неолитического периода. Топографически они разделяются на две группы. Первая была расположена у бровки 8-метровой террасы и состояла из двух погребений, раскопанных Л.Я. Крижевской в 1957 г.

Эти погребения имеют общую южную ориентировку с западным и восточным отклонениями. Устройство могил характеризуется сооружением каменных подмогильных кладок, сравнительно небольшой глубиной ям и посыпкой умерших кровавиком. Решение вопроса о датировке погребений осложняется тем, что состав инвентаря и его характер известны только по краткому описанию автора раскопок. Л.Я. Крижевская, ссылаясь на форму топора из нефрита, погребение № 2 склонна датировать переходным периодом от серовского времени к глазковскому. Присутствие кровавика в могиле, а также наличие крупных глазковских перламутровых бус и плоских бус из пасты в инвентаре погребения дали основание А.П. Окладникову отнести это погребение к переходному времени от китойской культуры к глазковской. В погребении № 1 наблюдается интересное сочетание ритуальных признаков как китойских, так и глазковских захоронений: наличие охры и скорченность костяка. Это обстоятельство скорее всего свидетельствует о принадлежности к глазковскому периоду[130].

Южнее первой группы погребений на расстоянии около 80 м на склоне 15-метровой террасы компактно размещалась вторая группа, включающая 10 могил. Все они имеют общую ориентировку, кроме погребения ребенка, которое расположено по антитезе к остальным. Надмогильные кладки отсутствуют. Исключение составляют четыре погребения (№ 8-10 и 12), в которых могильные ямы прорезали подстилающие слои руслового аллювия, отмечен его выброс на поверхность в виде галечника и плит известняка. Эти погребения оказались разрушенными.

Датировка этой группы погребений китойским периодом не вызывает сомнения. Основанием послужило то, что в каждом из них обязательно присутствует охра, а также изделия, которые стали эталонными для погребений китойской культуры.

Таким образом, могильник в устье Белой входит в один ряд с известными могильниками китойской культуры, расположенными в верхней части долины Ангары, в устьях Иркута и Китоя.

ПОСЕЛЕНИЯ

П о с е л е н и е Н и к о л а. Стоянка открыта в 1956 г. П.П. Хороших. В том же году Э.Р. Рыгдылоном и В.В. Свининым были произведены первые раскопки[131]. В дальнейшем исследование памятника было продолжено В.В. Свининым в 1963-1964 гг.

Памятник расположен на правом берегу Ангары, немного ниже ее истока, на небольшом мысовидном участке крутой 5-метровой террасы. Раскопом 1956 г. была вскрыта площадь 20 м^2 и выявлен следующий характер отложений.

	Мощность, м
1. Почвенно-растительный горизонт	0,05-0,70
2. Слой А. Супесь почти черного цвета с большим содержанием гальки, в нижней части слоя встречаются линзы желто-бурой супеси. По характеру культурных остатков этот слой датируется эпохой раннего железа	0,20-0,25
3. Слой Б. Галечниковая супесь темно-бурого цвета	0,50

Слой Б отделен от слоя А небольшой прослойкой желтой супеси, которая местами исчезает, в этом случае слой Б смыкается со слоем А. В левой части раскопа слой Б выклинивается. Ниже культурные остатки не зафиксированы.

Слой Б условно расчленен на два культурных горизонта: верхняя часть образована слоем Б, а нижняя - слоем Б(1)

В слое Б содержится керамика со "штриховой поверхностью, богато орнаментированной нажимом штампа отступающей лопаточки, насечки по краям венчика или налепными валиками"[132]. Здесь же обнаружен многочисленный каменный инвентарь, в составе которого содержатся такие характерные вещи, как наконечник стрелы с прямой базой, китойский крючок, изображение рыбки на продолговатой гальке, скребок с овальным лезвием и нож подтреугольной формы из плиток аргиллита, а также большое количество нуклеусов конической и карандашевидной формы. Кроме того, здесь же обнаружена медная пластинка и ножичек. Все это позволило автору датировать этот комплекс китойско-глазковским временем.

В слое Б(1) найдены остатки трех сосудов с оттисками сетки-плетенки по внешней поверхности. Никакого другого инвентаря обнаружено не было. Подобная же керамика встречается в отдельных квадратах и вышележащего слоя. Это явление автор объясняет выклиниванием слоев на склоне террасы и их смыканием. Залегание основной массы керамики в самой нижней части культурного слоя позволило автору датировать его серовским временем[133].

В 1964 г. внизу того же слоя вместе с фрагментами сетчатой керамики впервые была обнаружена каменная индустрия, а именно:

обломки ножей на плитках аргиллита, наконечники стрел с асимметричными жальцами и вогнутой базой, шлифованные стерженьки-заготовки из шиферного сланца, плитки шифера со следами распила, заготовка стерженька из агальматолита. Автором раскопок данный культурный горизонт условно датировался раннесеровским временем[134].

При наличии такого маркирующего элемента, как китойские стерженьки, а также орудий, полностью укладывающихся в рамки китойского комплекса, мы склонны считать этот культурный слой китойским. На стоянках Никола I и II культурный горизонт китойского времени расчленяется на ранний и поздний комплексы. Кроме того, здесь в стратиграфическом и типологическом плане наблюдается переход от китоя к глазковскому времени.

П о с е л е н и е н а о. С о с н о в о м. Остров находится в 8 км от истока Ангары, высота его от 1,5 до 3 м. Памятник открыт А.П. Окладниковым в 1927 г. Первые раскопки проведены в 1951 г. Ангарской археологической экспедицией по правому берегу. Раскопками была вскрыта площадь 7417 м^2 и выявлена следующая картина напластований.

	Мощность, м
1. Дерн	0,10
2. Черный гумус	до 0,30
3. Бурый суглинок с большим содержанием гальки и песка	0,20-0,25
4. Нижний суглинок без культурных остатков	ниже

Культурные остатки размещались в следующем порядке: в слое дерна и под ним были заключены культурные остатки железного века, богатый материал бронзового века залегал внизу черного гумуса, бурый суглинок был расчленен на верхний и нижний горизонты - вверху содержались остатки эпохи энеолита и ниже - неолитического периода[135].

В интервале нижнего культурного горизонта имеются кремневые наконечники стрел с асимметричным основанием, стерженьки рыболовных крючков китойского типа из шифера и агальматолита, расколотые гальки нефрита, бруски, скребок из аргиллита и два топора с ушками. Типологическое определение инвентаря в общем-то не представляет особых затруднений, оно полностью укладывается в рамки китойского периода. Наличие топоров с ушками мы наблюдаем на поселении и в могильнике Усть-Белая. Керамический комплекс этого горизонта весьма разнообразен, встречаются фрагменты гладкостен-

ных сосудов, а также с отпечатками сетки-плетенки и шриховыми. Орнамент на сосудах нанесен штампом отступающей лопаточки в виде зигзага, заключенного между параллельными полосами, и зигзагообразными линиями елочки.

Исследователями было выявлено, что памятник на о. Сосновом является многослойным, где представлены материалы древнейшей истории Прибайкалья различных периодов: железного, бронзового, энеолитического и неолитического.

В 1952 и 1954 гг. исследование памятника было продолжено. За этот период была вскрыта площадь около 3900 м^2.

В нижнем культурном горизонте в слое буроватой супеси был обнаружен новый материал, который значительно дополнил уже имеющиеся сведения. Здесь были найдены разнообразные наконечники стрел и наконечник копья, стерженьки рыболовных крючков китойского типа, треугольные нефритовые ножи, грузила, топоры из нефрита, бруски с желобком и значительный керамический материал, состоящий из фрагментов сосудов с сеткой-плетенкой и орнаментом отступающей лопаточки. Следовательно, в этом слое также был заключен материал китойского периода.

В целом исследования этого памятника дали чрезвычайно богатый материал для характеристики китойского периода, по количеству материала и масштабам раскопок его можно считать опорным памятником[136].

П о с е л е н и е н а о. Л е с н о м. В 1953 г. на памятнике были произведены значительные раскопки. Внизу бурого слоя выделен своеобразный культурный комплекс. Ножи подтреугольной формы из кремня с ретушью по рабочему краю, стерженьки для составных рыболовных крючков, ретушированный наконечник стрелы с прямой базой, нуклеусы из аргиллита, топор с ушками, керамика с отпечатками грубой ткани и с орнаментом отступающей лопаточки[137].

П а т р о н ы. Стоянка расположена на 13- и 16-метровых террасах правого берега Ангары, на территории д. Патроны.

В 1951-1955 гг. силами Ангарской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР под руководством А.П. Окладникова на памятнике были произведены значительные по площади раскопки. Так, в 1955 г. исследование памятника производилось пятью раскопками общей площадью около 300 м^2.

Выявлена следующая стратиграфическая картина.

1. Слой дерна. Мощность его колеблется от 0,7 до 0,35 м, на участках со значительной мощностью и заключен материал эпохи раннего железа.

2. Слой черной гумусированной супеси мощностью от 0,2 до 0,45 м (в раскопах 1 и 2 содержит культурные остатки глазковского времени, в раскопах 3-5 перепахан и смешан с нижележащим сло-

ем бурой супеси) содержит культурные остатки глазковского и китойского периодов.

3. Бурая супесь мощностью от 0,1 до 0,35 м выделена в раскопах 1 и 2, содержит культурные остатки китойского времени: дисковидный скребок из аргиллита, наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием, бруски с желобком, изделия из нефрита. Здесь же обнаружены остродонные сосуды с отпечатками сетки-плетенки, украшенные мелким штампом угловой отступающей лопаточки.

4. Нижний слой речной гальки прорезан очагами и хозяйственными ямами вышележащих слоев, без культурных остатков.

О смешанном характере второго слоя в раскопах 3–5 свидетельствует и состав инвентаря, который легко разбивается на две группы: китойскую и глазковскую. Китойская группа инвентаря – это стерженьки рыболовных крючков из сланца, бруски с желобком, стрелы с вогнутым основанием и асимметричными жальцами, тесла из нефрита, изображение рыбки из агальматолита. Глазковская группа инвентаря – это кольцо из белого нефрита, наконечник копья из листовидной формы, наконечники стрел с прямым основанием удлиненной формы, изображение рыб из серого песчаника в виде бычка-широколобки.

Керамический материал представлен фрагментами сосудов двух типов: остродонных сосудов с отпечатками сетки-плетенки, орнаментированных штампом – лопаточкой, горошинами и насечками по венчику; толстостенных сосудов, покрытых сплошным штампом[138].

Следовательно, поселение у д. Патроны является многослойным памятником. Здесь представлены культурные горизонты трех эпох: в слое дерна культурные остатки раннего железа и, возможно, бронзы; в черном гумусированном слое остатки глазковского времени (раскопы 1 и 2); в слое бурой супеси заключены остатки китойского времени. В раскопах 3 и 5 культурные остатки энеолита и неолита в результате, видимо, перепашки залегают суммарно.

Материал смешанного культурного горизонта при наличии наиболее ярких элементов достаточно четко расчленяется типологически.

Результаты исследований этого памятника дают возможность уточнить стратиграфическое положение горизонта, содержащего культурные остатки китойского времени на поселениях.

Поселение в Кузьмихе открыто в 1892 г. М.П. Овчинниковым. Стоянка расположена на высоком берегу Ангары в устье небольшой рч. Кучумихи. Раскопки на памятнике произведены П.П. Хороших[139]. При исследовании памятника стратиграфические наблюдения не проводились. Описание инвентаря дано суммарно. Здесь же отмечено наличие двух погребений с костяками, окрашенными кровавиком и ориентированными на северо-запад, без вещей.

Г.Ф. Дебецем проведен анализ типологии инвентаря и выделен неолитический комплекс[140]. Наконечники стрел треугольной формы с вогнутым основанием, симметричными и асимметричными жальцами, овальной и прямой базой и с черешком. Концевые скребки на пластинах и плитке аргиллита, тесло из нефрита, обломок нефритового ножа, нуклеус-дриль и стерженьки к крючкам китойского типа и др.

Поселение у с. Суховского находится на второй береговой террасе. Памятник открыт Г.П. Сосновским в 1922 г. Раскопки не проводились. Исследователем собран значительный материал[141]. "Наконечник палицы из мыльного камня", шлифованный топор с ушками, клиновидные шлифованные топоры из нефрита, скульптурные изображения рыб, скребки языковидной формы, грузило из гальки, пестики и стерженьки к составным рыболовным крючкам - "рыбовидные амулеты". Здесь же была собрана разнообразная керамика, в том числе и сетчатая[142]. Состав инвентаря позволяет датировать этот памятник китойским временем.

Поселение Усть-Белая. История исследования многослойного поселения Усть-Белая насчитывает около 50 лет. В 1923 г. М.М. Герасимовым на площади памятника собрана коллекция каменного инвентаря, состоящая из отщепов, пластин и нуклеусов. Раскопочные работы на стоянке начались в 30-е гг., когда А.П. Окладниковым в 1934 г. был заложен первый шурф, а М.М. Герасимовым в 1937 г. - небольшой раскоп. В результате этих работ открыт один из интереснейших памятников Восточной Сибири[143].

После двадцатилетнего перерыва исследования на памятнике были возобновлены в 1957 г. Работы производились отрядами Л.Я. Крижевской (1957, 1959 гг.) и Н.Н. Гуриной (1957 г.) Братской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР под руководством А.П. Окладникова и отрядом М.М. Герасимова (1957-1959 гг.) Братской геолого-палеонтологической экспедиции ВСФ СО АН СССР под общим руководством Н.А. Логачева[144].

По окончании работ этих экспедиций на Усть-Белой с 1960 г. были продолжены раскопки отрядами Иркутского областного музея краеведения (комплексы неолита и раннего металла) и ИГУ (мезолитические культурные горизонты).

В 1966 г. на поселении начала работы экспедиция ИГПИ, которые продолжаются по настоящее время. Г.М. Георгиевская с 1958 г. как научный сотрудник принимает непосредственное участие в исследовании этого памятника, а с 1961 г. возглавляет отряд Иркутского областного музея краеведения. С 1967 г. она руководит работой экспедиции ИГПИ.

В 1969 г. Бельским отрядом Комплексной археологической экспе-

дипии ИГУ был заложен небольшой раскоп с целью уточнения условий залегания неолитического горизонта[145].

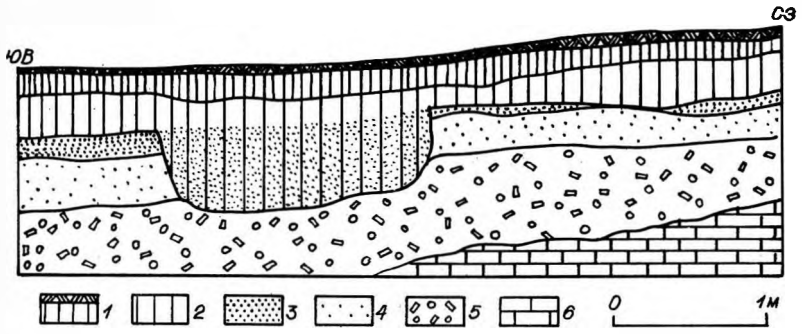
Основная масса многослойного поселения Усть-Белая расположена на 8-метровой левобережной террасе р. Белой при впадении ее в Ангару. Эта терраса прислонена к крутому склону 15-метровой скульптурно-аккумулятивной террасы и достигает местами в ширину 200 м. В верхнем участке террасы, где ее ширина 60-70 м, расположена древняя часть поселения. Стратиграфическая колонка памятника включает в себя культурные остатки от мезолита до эпохи металла[146].

Стратиграфическое расчленение пачки поздних культурных отложений в этой части поселения не представилось возможным, так как вдоль бровки II слой заключен в маломощной толще (20-30 см) и чрезвычайно насыщен материалом. Попытка типологического подразделения культурных остатков также не привела к желаемым результатам.

С 1960 г. раскопочные работы были перенесены в среднюю и прибровную части террасы. Здесь было замечено, что поверхность покрыта блюдцеобразными углублениями. Для выяснения характера этих понижений был заложен шурф, который дал интересные результаты. Углубления представляют собой естественные образования - реликты древней поймы. В результате более интенсивного накопления делювиальных отложений в этих понижениях впервые удалось расчленить II слой на два горизонта. Между горизонтами была обнаружена едва заметная стерильная прослойка. В следующем полевом сезоне на месте шурфа был разбит раскоп 3 общей площадью 30 м^2. Стратиграфическое наблюдение и точная фиксация находок позволили расчленить этот слой на всей площади раскопа. Верхнему горизонту было оставлено прежнее условное обозначение - II слой, а нижнему было дано наименование - IIа слой. Дальнейшие исследования подтвердили правильность наблюдений и выводов 1960-1961 гг. Наиболее показательным в этом плане является условие залегания культурных слоев в раскопе 8, участка 2, 1963 г. Стратиграфическая колонка здесь имеет следующий вид.

Сверху вниз	Мощность, м
1. Почвенно-растительный слой	0,1
2. Красно-бурая супесь	0,2-0,3
в понижениях	до 0,6
3. Желтовато-бурая пылеватая супесь	0,1-0,25
4. Мелкозернистый желтоватый неслоистый песок	0,1-0,2

(рис. LIX).



Р и с. LIX. Усть-Белая. Стратиграфический разрез стенки раскопа с погребением.

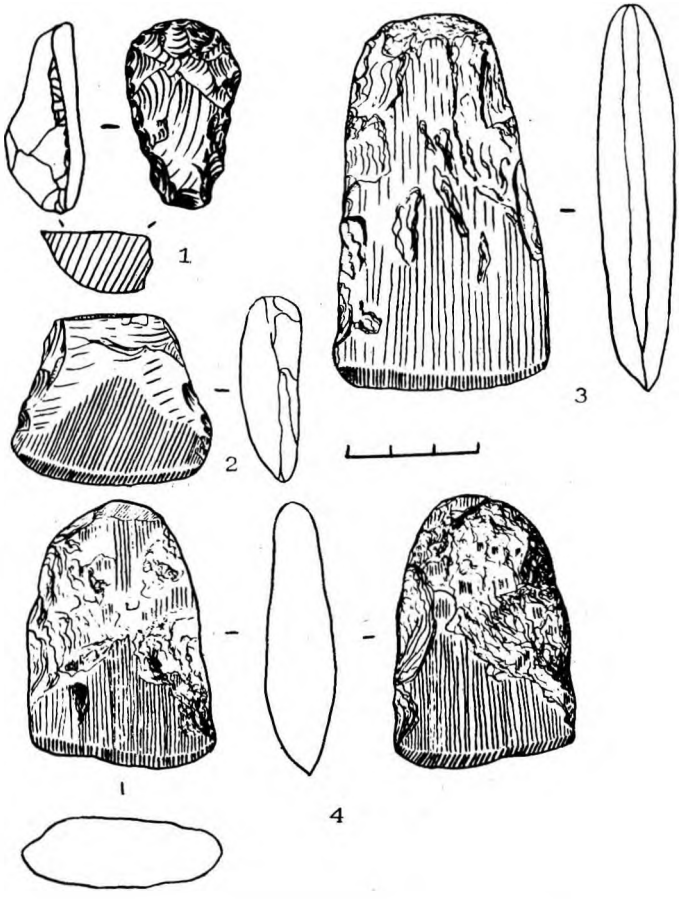
I – почвенно-растительный горизонт; 2 – красно-бурая супесь; 3 – желто-бурая супесь; 4 – пойменный аллювий; 5 – русловой галечник; 6 – юрский галечник.

Красно-бурая супесь залегает сразу под почвенно-растительным горизонтом. В верхней части она интенсивно окрашена гумусом, а внизу несколько оттягивается. Мощность ее даже в пределах одного раскопа не одинакова. На большей части она колеблется от 20 до 30 см, а в местах углублений достигает 60 см. Возможность расчленения этого слоя имеется только в местах вышеуказанных понижений, где толща красно-бурой супеси расчленяется на два слоя стерильной прослойкой 3–4 см.

Культурные остатки эпохи неолита сосредоточены в нижнем слое и располагаются в виде небольших пятен в местах углублений. Аналогичная ситуация была зафиксирована в раскопах 3, 8, 9, II, I3. Все вместе они образуют серию скоплений, разбросанных по всей площади поселения. Ниже неолитического слоя следует первый мезолитический горизонт. Границей между ними служит незначительная железистая прослойка, которая достаточно четко прослеживается на всей площади памятника.

Характеристика инвентаря из IIа слоя. Рубящие орудия (рис. LX). Два нефритовых тесла имеют линзовидное сечение, обушок заужен, лезвие выпуклое, чуть скошенное. Одно орудие частично зашлифовано по лезвию и средней части, второе – по всей поверхности. Третье тесло сохранилось частично, имеет прямоугольное сечение, лезвие выпуклое со следами замятостей. Вся сохранившаяся часть отшлифована.

Абразивные инструменты составляют 44 экз. – четыре полуцилиндрических бруска с желобком, остальные в виде целых плоских брусь-

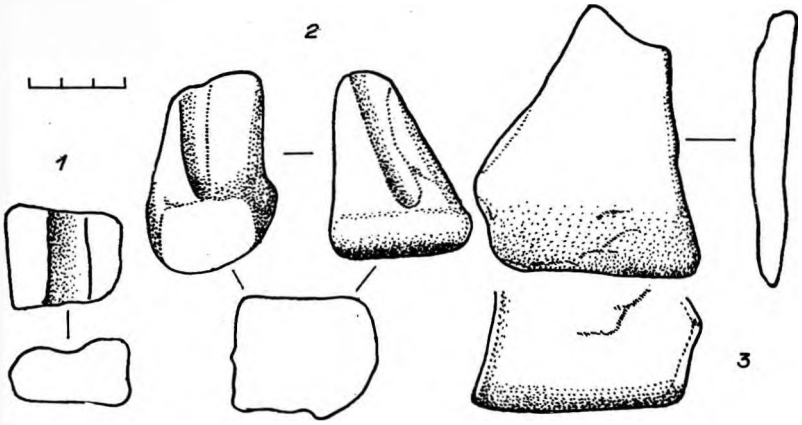


Р и с. LX. Поселение Усть-Белая. Орудия из камня.
1 – скребок; 2–4 – рубящие орудия из нефрита.

ев или их обломков из песчаника различной зернистости с приостренной рабочей частью (рис. LXI, LXII).

Скребки (рис. LXIII, LXIV). Концевые скребки изготовлены на концах пластин и отщепов продолговатой формы, а также из плит аргиллита. Скребки из аргиллита имеют подпрямоугольную и подтреугольную форму и отличаются от остальных значительными размерами. Дисковидное скребло оформлено из скола кварцитовой гальки (рис. LXIV, 3).

Наконечников стрел в инвентаре IIа слоя насчитывается 28 экз., они подразделяются на следующие типы: 1) треугольной формы с прямым основанием (6 экз.); 2) треугольной формы со скошенной базой

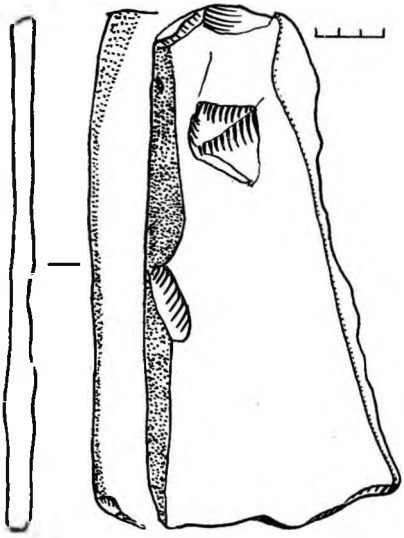


Р и с. LXI. Поселение Усть-Белая. Абразивы.
1-2 - бруски из песчаника с желобком; 3 - пила из песчаника.

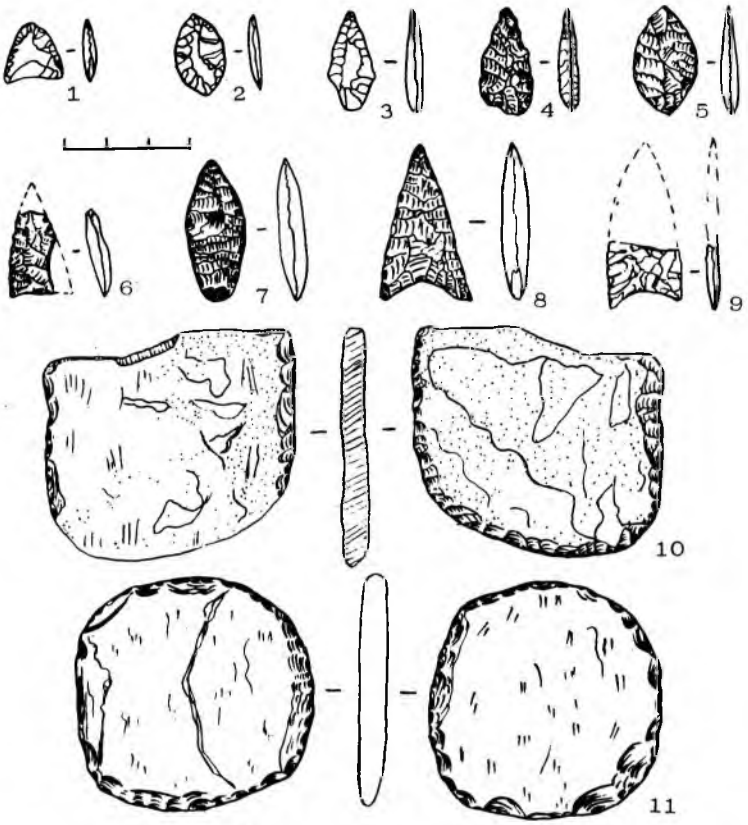
(4 экз.); 3) миндалевидные (2 экз.); 4) ромбовидные (2 экз.); 5) черешковые (3 экз.); 6) треугольной формы с вогнутой базой и асимметричными жальцами (3 экз.). Два наконечника стрел обработаны в технике параллельной (диагональной) ретуши (см. рис. LXIII). Все эти типы наконечников отмечены в погребальных комплексах неолита глазковского времени[147]. В материалах могильника Усть-Белая представлены с первого по четвертый и шестой типы этих изделий.

Ножи изготовлены из плит аргиллита треугольной, прямоугольной и серповидной форм (рис. LXV).

Стерженьки рыболовных крючков в слое представлены в количестве двух экземпляров. Первое изделие имеет вид короткого массивно-



Р и с. LXII. Поселение Усть-Белая. Пила из песчаника.

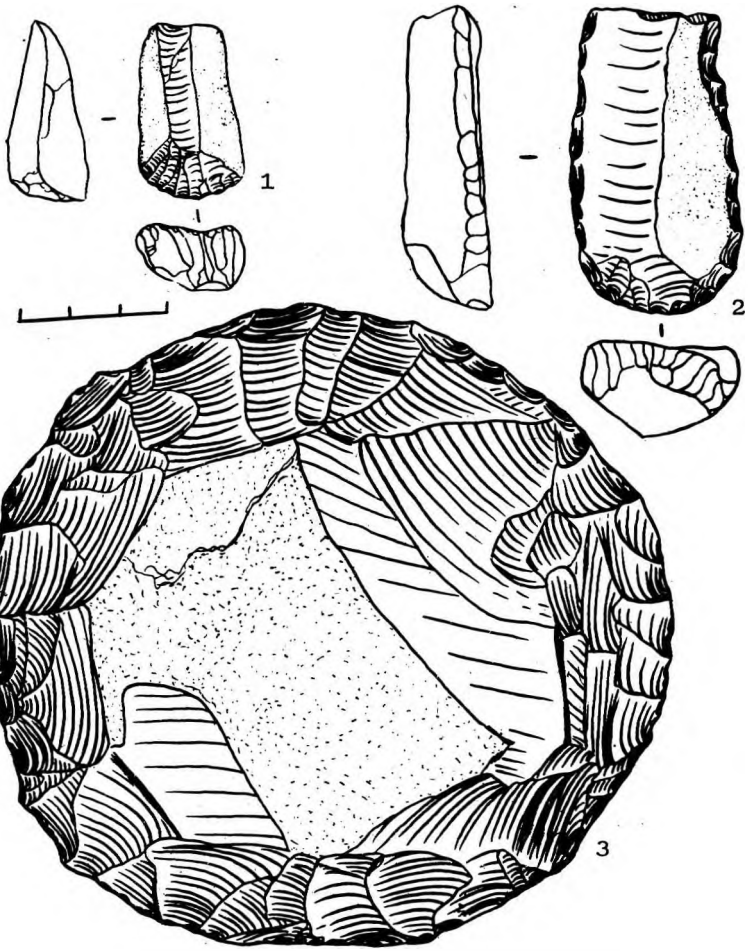


Р и с. LXIII. Поселение Усть-Белая. Орудия из камня.
1-9 - наконечники стрел; 10-11 - скребки.

го стержня, один конец его заужен, а другой утолщен. Оба конца изделия снабжены пазами, опоясывающими его почти по всей окружности. В нижней части небольшой продольный желобок, со стороны которого округлое тело стерженька слегка уплощено. Второй стерженек характеризуется удлиненной пропорцией тела, концы его снабжены только боковыми насечками. Продольный желобок отсутствует (рис. LXVI). Ближайшими аналогами этих изделий могут быть стерженьки из глазковских погребений[148].

Изделия из кости и рога в инвентаре IIа слоя представлены гарпунами, зубцом остроги, костяным наконечником стрелы, орнаментированным игольником и обломками шильев (рис. LXVII).

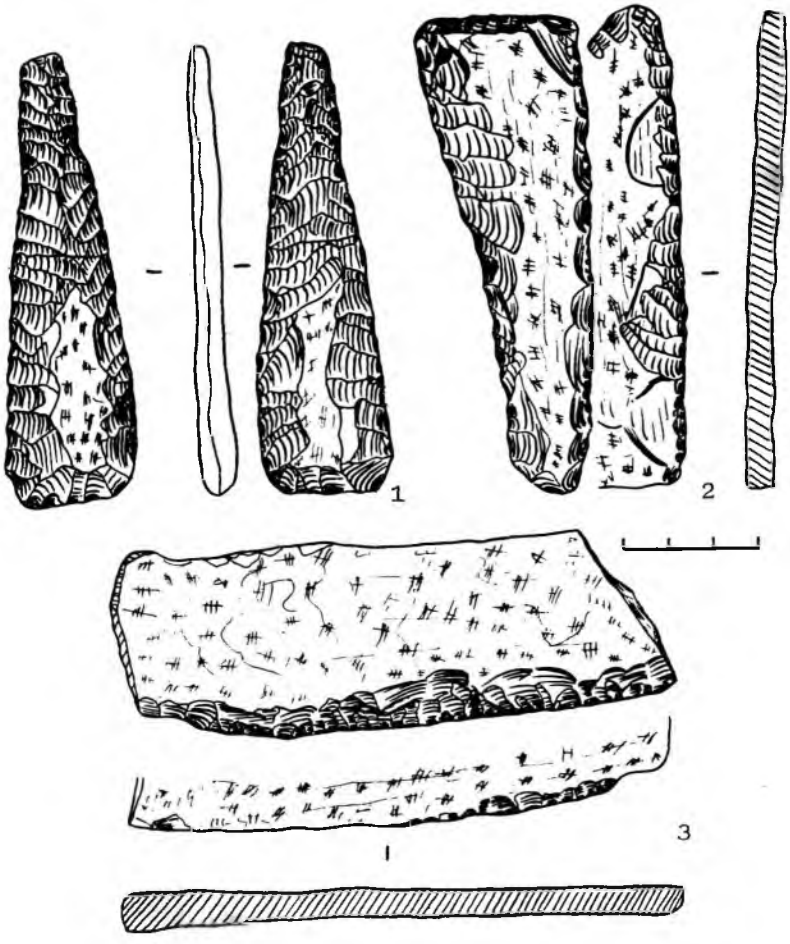
Гарпуны имеют массивное округлое тело с одним рядом зубцов. Насад в верхней части снабжен скошенным выступом для крепления линя. Длина изделий 9,7 - II,5 см (рис. LXVII, 1, 3, 4).



Р и с. LXIV. Поселение Усть-Белая. Скребки.

Игольник изготовлен из полой птичьей кости, украшен геометрическим орнаментом. Орнамент состоит из серии поперечных штрихов, ритмически расположенных по обе стороны осевой линии изделия, отмеченной короткими насечками. Длина изделия 8,5 см (рис. LXVII, 2).

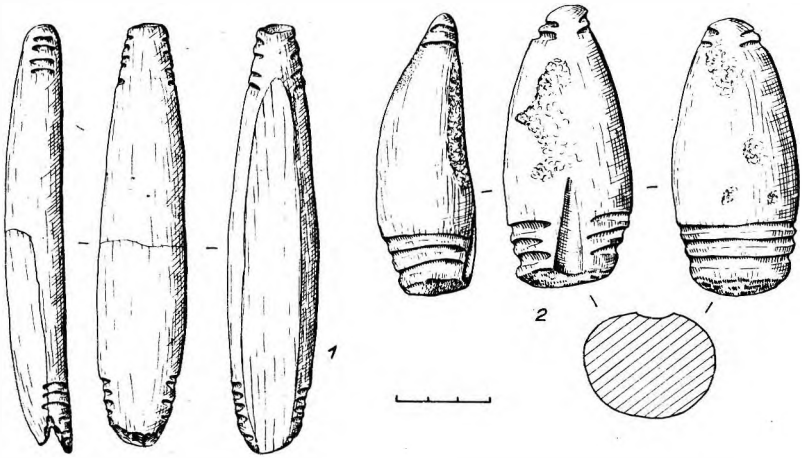
Керамический комплекс содержит фрагменты керамики с различной орнаментацией, которые принадлежали 15 сосудам. Сосуды имели параболоидную форму, к венчику стенки сосуда немного сужены. Орнамент нанесен штампами отступающей лопаточки и зубчатым. Мотив орнамента геометрический, в виде параллельных зигзагообразных



Р и с. LXV. Поселение Усть-Белая. Ножи.

линий, которые покрывают все тулово сосуда. Венчики сосудов прямые и овальные в разрезе, украшены зубчатым штампом с обеих сторон, как дополнение к этому ниже нанесен ряд ямок-горошин. В единичных экземплярах встречаются фрагменты керамики с сеткой-плетенкой (рис. LXVIII, LXIX).

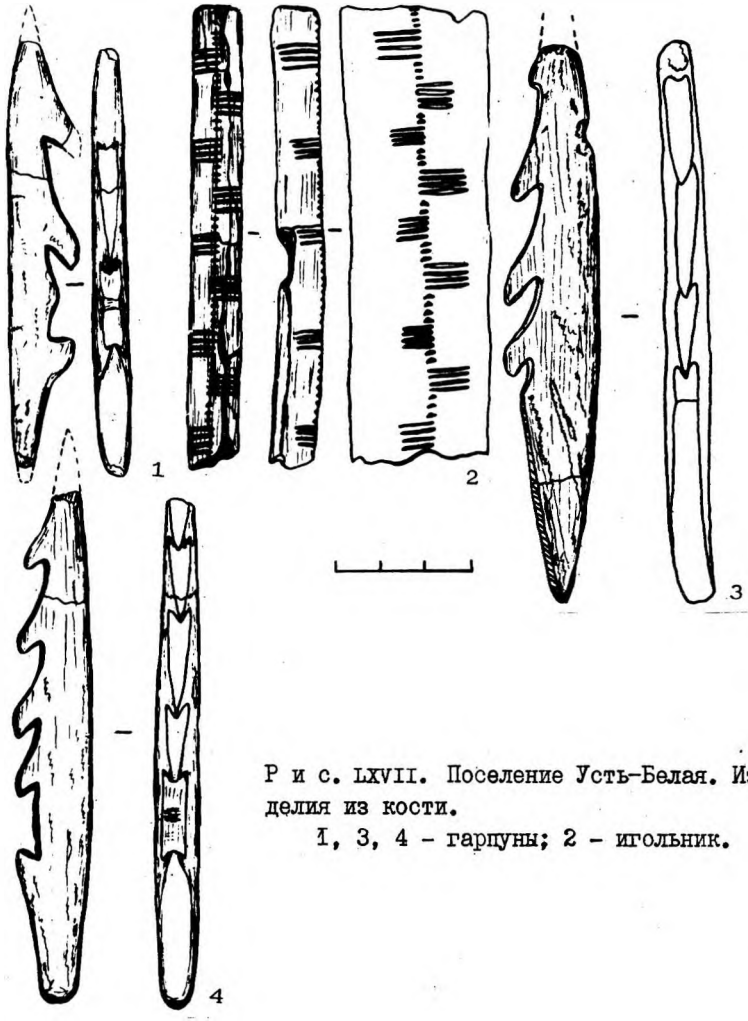
Материал IIа слоя получил неравнозначную культурно-хронологическую оценку. Стратиграфическое положение выделенного горизонта и состав инвентаря позволили нам датировать его китойским временем. По мнению Г.И. Медведева и П.А. Савельева, он является древнейшим самостоятельным комплексом в неолите Прибайкалья. А.П. Ок-



Р и с. LXVI. Поселение Усть-Белая. Стерженьки для рыболовных крючков.

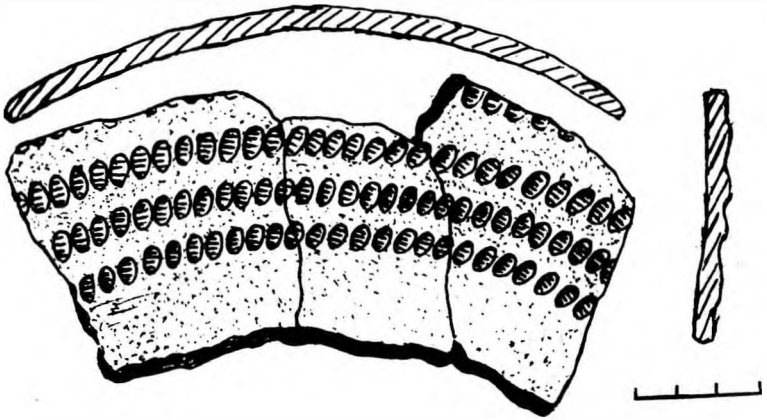
ладников считал, что он принадлежит к переходному периоду от китойского к глазковскому времени[149].

В районе раскопа I0 выявлена несколько другая стратиграфическая картина. Раскоп заложен на склоне I5-метровой террасы и одним краем выходит на первую надпойменную (см. рис. XXXIII). Раскопки показали, что площадь поселения распространяется и на этот участок. Мощность слоев здесь неодинаковая, по мере повышения склона часть их совершенно выклинивается, а на I0-метровой отметке коренные породы выходят на поверхность и едва прикрыты слоем дерна. Интересующий нас II слой имеет непостоянную мощность: вверху он выклинивается, а на более низких отметках, естественных впадинах и в районе перехода на 8-метровую террасу достигает 60-80 см. Здесь нижняя часть слоя значительно опесчанивается и приобретает светлую окраску. В местах наибольшей мощности он подстилается светло-серой супесью. Как и на остальной части поселения, ниже супеси прослеживается тонкая железистая прослойка. Аналогичную картину мы наблюдаем и на I0-метровой отметке во впадинах, образуемых по обе стороны валов руслового аллювия, которые протянулись вдоль склона I5-метровой террасы. Что касается культурных остатков в этой части поселения, следует отметить, что их количество значительно сокращается. Это обстоятельство, видимо, можно объяснить тем, что район раскопа являлся периферийной частью поселения. В этой части поселения II слой поддается расчленению только в указанных местах наибольшей его мощности. Характер культурных остат-

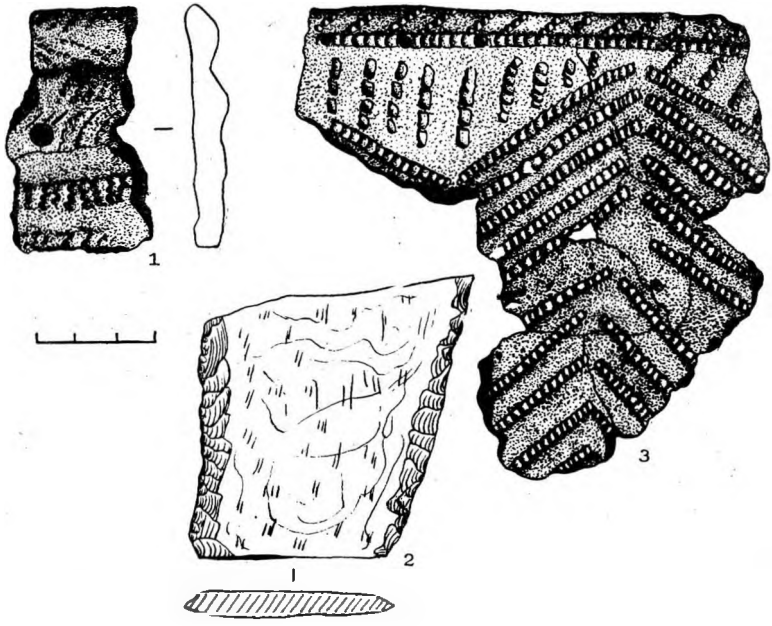


Р и с. LXVII. Поселение Усть-Белая. Изделия из кости.
I, 3, 4 - гарпуны; 2 - игольник.

ков верхнего горизонта аналогичен материалам IIа слоя. Нижний горизонт, заключенный в серой супеси, дал немногочисленный, но весьма выразительный инвентарь (рис. LXX). Грузило, изготовленное из плоской речной гальки серого цвета и двумя боковыми выемками. Обломок небольшого крючка из серой песчаниковой породы с одной частично сохранившейся полулунной головкой китойского типа. Скребок из кварцита с широким овальным крутым лезвием. Поверхность изделия одной широкой плоскости имеет галечную корку. Брусок из песчаника крупной зернистости полуцилиндрической формы с продольным желобком с его плоской стороны. Фрагменты керамики с отпечатками

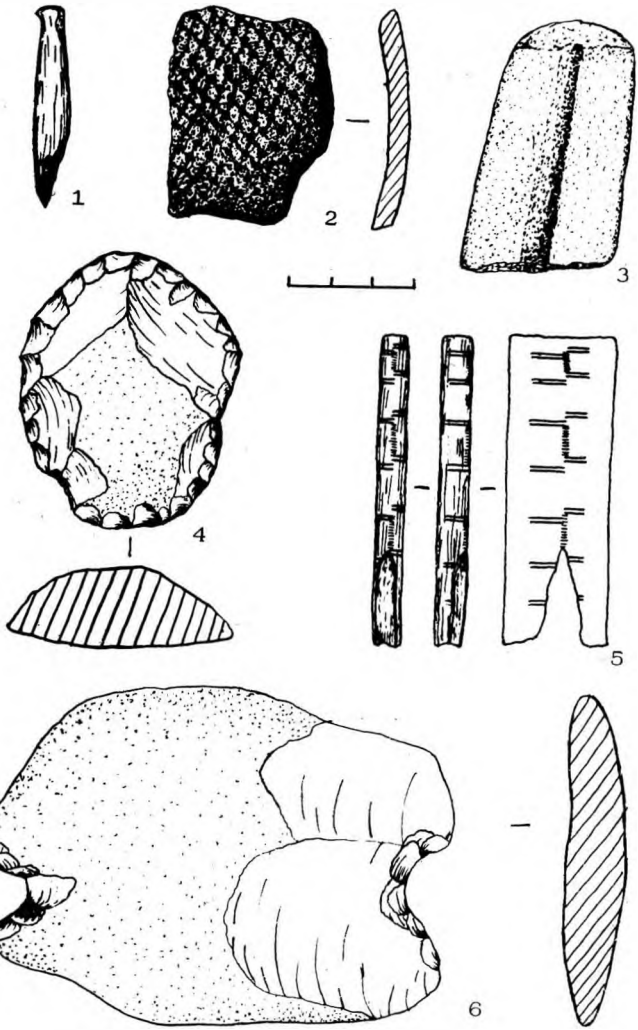


Р и с. LXVIII. Поселение Усть-Белая. Фрагмент сосуда с личиночным орнаментом.



Р и с. LXIX. Поселение Усть-Белая. Инвентарь.

I - фрагмент сосуда с орнаментом зубчатого штампа; 2 - фрагмент сосуда с орнаментом отступающей лопаточки; 3 - обломок ножа из плитки аргиллита.



Р и с. LXX. Поселение Усть-Белая. Инвентарь.

1 – стерженек для крючка; 2 – фрагмент керамики с сетчатым орнаментом; 3 – брусок из песчаника; 4 – скребок; 5 – игольник; 6 – грузило.

сетки-плетенки. Форма сосуда не установлена. Игольник из птичьей полой кости с орнаментом, состоящим из коротких поперечных насечек и покрывающим всю поверхность изделия, аналогичен игольнику из Па слоя (рис. LXX, 5).

Характерный сосуд инвентаря с присутствием таких маркирующих изделий, как стерженек китойского типа, полуцилиндрический брусок и игольник с орнаментом, позволяет датировать весь этот комплекс китойской культурой[150].

П о с е л е н и е У с т ь - И л и м . Поселение расположено на 8-метровой террасе правого берега Илима. Памятник открыт А.П. Окладниковым в 1937 г., им же был собран подъемный материал. В 1961 г. на площади поселения Ангаро-Илимским археологическим отрядом ИГУ у бровки 8-метровой террасы был заложен разведочный шурф в 6 м^2. В результате вскрытия этой небольшой площади выявлено, что культурные остатки четко разделяются на два горизонта. Первый заключен в темной гумусированной супеси, которая подвергалась неоднократной перепашке. Общая мощность этого слоя достигает 0,2-0,25 м. Здесь были обнаружены железные шлаки, керамика с налепными валиками, массивные отщепы траппа и мелкие кости животных. Второй культурный горизонт размещается в слое красно-бурой супеси мощностью до 0,2 м. Инвентарь этого горизонта дал фрагменты керамики с сеткой-плетенкой, нуклеусы и пластины, различные по величине и форме. Ниже следует мощный слой светлого песка.

В 1967-1968 гг. исследования на памятнике проводились Илимским отрядом Дальневосточной археологической экспедиции под общим руководством А.П. Окладникова[151]. Тремя раскопами была вскрыта значительная площадь. Наибольший интерес представляют материалы, полученные в раскопе I и 3. Так, во II и III слоях раскопа I были обнаружены два стерженька к составным рыболовным крючкам типично китойской формы. Один изготовлен из агальматолита, а второй - из хорошо обожженной плотной глины. Кроме того, здесь же были найдены полуцилиндрические бруски с желобком. Керамический комплекс представлен фрагментом керамики с орнаментом отступающей лопаточки и гребенчатым штампом. Авторы раскопок датируют эти слои китойским временем. В III слое раскопа 3 обнаружен инвентарь, в основном аналогичный материалам II и III слоев раскопа I. Отличительную особенность инвентаря этого культурного горизонта авторы видят в том, что здесь имелись ножи лавролистной формы и скребки на массивных отщепах, а также обилие фрагментов керамики с отпечатками сетки-плетенки и оттисками гусенично-гребенчатого штампа. Это обстоятельство позволило им считать инвентарь этого горизонта близким серовскому этапу. Далее, уточняя свое мнение, они относят его к позднесеровскому времени или к переходному этапу от серово к китою. Этот слой на поселении является самым древним. Ниже следует слой светлого материкового песка. Вышележащие горизонты, судя по описанию, скорее всего являются смешанными в результате распашки этой площади. Этим и можно объяснить их необычный состав инвентаря. Исследователи также отмечают, что в 1967 г. удалось выделить

культурные отложения эпохи ранней бронзы. В материалах же 1968 г. только по отдельным элементам прослеживается присутствие инвентаря глазковского времени[152].

Из описания можно заключить, что на многослойном поселении Усть-Илим последовательно представлены культурные горизонты эпохи раннего железа, глазковского времени, а затем китойского и раннекитойского периодов. Здесь мы наблюдаем обычную картину стратиграфического положения культурного горизонта с китойским инвентарем на многослойных поселениях долины Ангары.

Глава III

КИТОЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ МЕСТО В НЕОЛИТЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Разрешение проблем культурно-этнического плана - дело сложное, оно становится возможным лишь на основе комплексного изучения всех объективных данных. Отход от этого принципа, как правило, приводит к ошибочным выводам, свидетельством тому является история изучения китойского комплекса в неолите Прибайкалья.

В настоящее время благодаря накоплению огромного количества китойского инвентаря с поселений и могильников, сравнительным данным о стратиграфических условиях размещения китойского культурного горизонта на многослойных поселениях, антропологической характеристике китойцев и получению серии абсолютных дат по неолитическим памятникам Прибайкалья возможно рассмотрение этой проблемы в новом аспекте.

ТИПОЛОГИЯ ИНВЕНТАРЯ

Анализ инвентаря проводится на основе материалов известных могильников, отдельных погребений, а также всех поселений, где выделены культурные горизонты, содержащие китойские вещи. С поселений рассматриваются только наиболее показательные категории изделий, которые прямо сопоставляются с погребальным инвентарем. Объективным оправданием избранного метода является то, что до настоящего времени результаты исследований основной массы поселений опубликованы лишь частично.

Нуклеусы и призматические пластины обнаружены только в материалах Глазковского могильника и Усть-Белой. Два нуклеуса с Глазковского могильника из плит аргиллита имеют призматическую форму

с прямой базой, на одной стороне сохранилась плиточная поверхность (см. рис. XXIII). Нуклеус с могильника Усть-Белая имеет вытянутое в продольной оси тело, которое постепенно суживается и переходит в ребро овальной формы с двусторонней обработкой мелкой ретушью. Рабочая часть узкая, ударная площадка хорошо оформлена (см. рис. XLIX). В археологической литературе эти изделия получили название нуклеус-скребок, клиновидный нуклеус, а также торцевые и гобийские. Функциональное назначение этих изделий до настоящего времени окончательно не выяснено. Время их появления относится к концу верхнего палеолита Сибири. В мезолитическое время они получили широкое территориальное распространение и свидетельствуют о существовании единой верхнепалеолитической основы, на которой развивались мезолитические культуры[1]. Существование их в комплексах раннего неолита свидетельствует о сохранении этой традиции. На поселении Усть-Белая клиновидные нуклеусы обнаружены во всех мезолитических горизонтах, а также в неолитическом Ia слое и в погребении № I2 китойского времени. Присутствие этого нуклеуса во всех культурных горизонтах на Усть-Белой в какой-то степени указывает на существование культурной преемственности между ними.

Призматические пластинки - 87 экз. По функциональному назначению их можно разделить на несколько групп:

а) ретушированные пластины правильной прямоугольной формы использовались в качестве вкладного лезвия, один край которых часто обработан крутой ретушью;

б) пластины с ретушью по одному краю использовались в качестве вкладного лезвия и как режущие орудия;

в) большое количество пластин носит следы работы в виде заглаженности острия и вмятин, напоминающих грубую ретушь;

г) призматические пластины без ретуши служили, видимо, заготовками для концевых скребков, проколок и резцов (см. рис. XXIII).

Указанные типы призматических пластин известны на всем протяжении неолита Прибайкалья.

Резцы в китойском инвентаре содержатся в количестве семи экземпляров и подразделяются на две группы.

1. Многофасеточные резцы. Один изготовлен из массивного призматического скола, а другой - на нуклеусе. Подобные орудия встречаются в материалах Верхоленской горы и "Царь-Девицы"[2].

2. Боковые резцы. Первый резец из тонкой плитки аргиллита, одна боковая грань оформлена двусторонней ретушью, другая - боковым резцовым сколом; второй из массивного скола с нуклеуса обработан одним резцовым сколом, одна сторона образована гранью нуклеуса, с обеих сторон нанесена ретушь; третий из массивного кремневого призматического скола, острие его оформлено с одного

края ретушью, а с другого нанесен боковой резцовый скол; четвертый из массивного скола гальки серого кремня с двумя резцовыми сколами, слегка подправленными ретушью; пятый из массивного скола кремневой гальки, его острие оформлено двумя резцовыми сколами и двусторонней ретушью, от остальной части отделено плечиками. Нижняя часть орудия имеет овальную форму, снабжена ретушью, поэтому напоминает скребок. Общей чертой для этой группы является нанесение ретуши по одной из сторон острия и подправка ретушью резцовых сколов. Если для первой группы орудий характерно сохранение мезолитических традиций, то для второй - появление дополнительной обработки и использование различных заготовок (см. рис. XXII).

Скребки в китойских коллекциях содержатся в количестве 26 экз. Эта группа орудий характеризуется разнообразием форм, техникой изготовления и материалом. Большинство скребков изготовлено из отщепов. Заготовка предварительно оббивалась, лезвию придавали округлую форму, а затем рабочий край обрабатывали ретушью. Значительная часть скребков сделана из призматических пластин. Конец пластины оформлен ретушью. В отдельных случаях можно наблюдать следы работы по боковым граням пластины. Здесь, видимо, мы имеем орудия с различным функциональным назначением.

Особое внимание необходимо обратить на скребки из плит аргиллита подпрямоугольной и подтреугольной форм. Размеры этих орудий довольно значительные. Рабочий край имеет овальную форму, обработан крупной ретушью, остальная часть орудий сохраняет плиточную поверхность. Аналогичные орудия отмечены в слоях финального мезолита и неолита на многослойном поселении Усть-Белая и в мезолитическом инвентаре стоянки "Царь-Девица" и на Верхоленской горе[3].

В инвентаре китойских могильников продолжают бытовать скребковидные орудия, изготовленные из массивных сколов кварцитовых галек. Изделия имеют округлую форму, с одной стороны сохраняется галечная корка, а по краю орудия нанесены грубая и крутая ретушь. А.П. Окладников считает эту форму орудий архаической для неолита, характерной для позднепалеолитических памятников[4]. Кварцитовые скребла найдены в Китойском и Глазковском могильниках, на стоянках Кузьмиха и Усть-Белая, а также отмечены в материалах мезолитических памятников. Следовательно, в данном случае мы наблюдаем существование изделия на протяжении значительного исторического периода, которое объясняется скорее всего сохранением традиций в каменной индустрии и производственными функциями этого орудия.

В единственном экземпляре в могильнике Усть-Белая обнаружен плоский скребок круглой формы из шиферного сланца, обработанный по краю небрежной ретушью (см. рис. XLIX). Подобные изделия зафиксированы и в материалах глазковского времени[5].

Ножи изготовлялись из нефрита, сланца, аргиллита и кремня. Общей чертой китойских ножей является подтреугольная форма.

Самую многочисленную группу составляют шлифованные нефритовые ножи с широким треугольным лезвием на конце, которые Н.И. Витковский считал наконечниками стрел. Причем в этой группе отмечается одна особенность: ножи из Китойского могильника отличаются массивностью и небрежным оформлением, т.е. частичной подшлифовкой только рабочего края. Тогда как изделия из могильников в Глазково и Усть-Белая изготовлены из тонких пластин нефрита, поверхность их тщательно зашлифована. Треугольные ножи являются одним из характерных элементов этого комплекса и служат надежным показателем культурной принадлежности.

Однолезвийные ножи сделаны из сланца и нефрита со скошенным рабочим краем. Лезвие этих орудий иногда прямое, а в большинстве случаев овально-вогнутое. Вогнутость является результатом многократной односторонней заточки. Противоположный край орудия прямой, иногда обработан притупляющей ретушью или оббивкой. Эта форма ножей является характерной для всего неолита Прибайкалья.

Ножи из плиток аргиллита варьируют в пределах двух форм - треугольной и прямоугольной. Лезвия орудий с одной стороны оформлены крутой ретушью, а с другой - целой серией стелющихся сколов и вторичной ретушью в виде мелких коротких фасеток. Этот тип ножей является характерным для памятников китойского времени. Момент появления их можно отнести еще к позднепалеолитическому периоду[6].

Характеристика ножей устанавливает преемственную связь этой категории орудий на протяжении длительного периода.

Наконечники стрел представляют наиболее значительную группу охотничьего инвентаря. Общее количество их в могильниках насчитывает свыше 160 экз. Заготовкой для них служили небольшие достаточно массивные отщепы, иногда использовались и призматические сколы.

По форме все изделия можно разбить на несколько групп:

1) треугольные с вогнутой базой и асимметричными жальцами, удлиненной пропорции;

2) подтреугольные со слегка выпуклыми сторонами, вогнутой базой и незначительной асимметрией жалец;

3) треугольные с вогнутой базой и симметричными жальцами;

4) треугольные с прямой базой;

5) ромбовидные с прямой базой с полукруглым выпуклым основанием;

6) миндалевидные со слегка усеченной базой;

7) наконечник стрелы с черешком.

Набор наконечников стрел на памятниках китойского времени отличается значительным разнообразием. Общей чертой является незна-

чительная величина орудий и линзовидное сечение. Ввиду того что из всего количества известных по описям орудий до настоящего времени сохранилось лишь около 1/3, дать полный количественный анализ по типам не представляется возможным.

Следует отметить, что наконечники удлиненной треугольной формы с вогнутой базой и со значительной асимметрией жалец являются наиболее характерной чертой для китойского периода. Второй и третий типы бытуют в неолите Прибайкалья на всем его протяжении вплоть до бронзового века. Четвертый тип появляется еще в мезолите и существует в рамках китойского и глазковского этапов[7]. Шестой тип не имеет в неолите Прибайкалья прямых аналогий, но сама форма сближает его с наконечниками копий и стрел эпохи мезолита[8]. Пятый тип, с одной стороны, имеет сходство с мезолитическими наконечниками Усть-Белой, а с другой - с глазковскими наконечниками, тогда как в исаково-серовское время они отсутствуют. В китойское время особенно заметно почти полное исчезновение черешковых наконечников. Эта форма редко встречается и в глазковском инвентаре. Все эти типы стрел отмечены и в материалах китойских поселений.

Типологический анализ этой группы инвентаря устанавливает культурную преемственность китоя не только с исаково-серовской стадией, но и с более ранними мезолитическими комплексами, а также свидетельствует о его генетической близости с последующим глазковским периодом.

Топоры и тесла изготовлялись в основном из нефрита. Так, из 34 орудий этой группы в инвентаре китойских могильников только четыре изготовлено из сланца (Китойский могильник - 1 экз; Глазковский могильник - 2 экз. и из разрушенных погребений ст. Суховской - 1 экз.).

Основная масса орудий найдена в инвентаре могильника в устье Китоя (25 экз.). Изделия отличаются своей массивностью и частичной подшлифовкой поверхности. Однако характерные признаки орудий китойского этапа здесь достаточно четко фиксируются: заостренный обушок, овальное лезвие и линзовидное сечение. Орудия же других памятников тщательно зашлифованы по всей поверхности и имеют хорошо заточенный рабочий край. Многие изделия носят следы пиления, что свидетельствует о сложности технических приемов при оформлении заготовок.

Орудия из сланца в китойских погребениях по технике изготовления и форме аналогичны теслам серовского времени. Исключение составляет тесло из сланца Глазковского могильника, форма которого имеет все признаки нефритовых орудий китойского типа.

Рубящие орудия из нефрита довольно распространены в неолите Прибайкалья. По форме ближе всего между собой стоят изделия ки-

тойских и глазковских погребений. Серовские составляют особую группу, где нефритовым изделиям по возможности стремились придать форму сланцевых орудий. Численное содержание нефритовых изделий в серовских памятниках значительно меньше, чем в китойских. Ранняя форма нефритовых орудий отмечена в позднем мезолитическом горизонте поселения Усть-Белая[9]. В качестве заготовок использовались валунчики. Техника изготовления включила в себя лишь частичную подшлифовку рабочей части и оформление лезвия. Рубящие орудия из нефрита в инвентаре стоянки из IIа слоя в основном повторяют формы орудий из погребений. В IIа слое и материалах погребений этого же памятника появляется так называемая китойская форма орудий, которая с некоторыми совершенствованиями продолжает существовать и в глазковское время.

Значительное количество абразивов в инвентаре китойских памятников объясняется широким применением абразивных способов обработки камня и кости. В качестве абразива использовался песчаниковый сланец различной зернистости, а также шифер.

"Пилами для нефрита служили большие и массивные, большей частью треугольные, пластины из серого шифера. Края их широко заточены и симметрично скошены с обеих сторон"[10]. Используя древние пилы и валуны нефрита, В.А. Городцов проводил опыт по пилению нефрита и в результате установил, что "пила врезается в камень довольно энергично"[11].

На поселениях и в инвентаре могильников встречаются небольшие бруски мелкозернистого песчаника, которые служили скорее всего для шлифовки мелких орудий из камня и кости.

В Китойском могильнике обнаружено два бруска в виде четырехгранного стержня крупнозернистой породы. В инвентаре могильника в Глазково был обнаружен брусок мелкозернистой породы в виде антропоморфного изображения. Одна широкая сторона от длительного употребления в качестве абразива стерта и заглажена. В этом же могильнике М.М. Герасимовым были обнаружены три бруска прямоугольной формы из мелкозернистого песчаника с сильно стертыми широкими плоскостями и боковыми гранями. Они, видимо, служили для шлифовки орудий и заточки лезвий[12].

Самыми распространенными и характерными для китоя являются полуцилиндрические бруски с продольным желобком. Они часто встречаются попарно, но в отдельных случаях и единичными экземплярами. Изготовлены они из песчаникового сланца различной зернистости. А.П. Окладниковым эти орудия определены как "выпрямители древков для стрел"[13]. Они в большом количестве встречаются в неолитическом горизонте поселения Усть-Белая (56 экз.). Эти изделия следует считать абразивным инструментом для шлифовки боковых узких граней орудий из нефрита, костяных поделок и стерженьков для ры-

боловных крючков. Это предположение оправданно и тем, что время их распространения совпадает с освоением техники обработки нефрита, а также с применением каменных стерженьков к составным рыболовным крючкам. В китойских памятниках заметно сокращается число орудий для охоты, в том числе наконечников стрел. В серовских комплексах в период высокого развития охотничьего хозяйства они почти не встречаются.

По форме и, видимо, назначению очень близко к этой группе инвентаря стоят плоские бруски с желобком, которые встречаются очень редко и только в материалах поселений. Изделия подобного рода впервые были отмечены в палеолитическом слое стоянки Красный Яр. По функциональному назначению эти орудия автором раскопок определены как "специализированный тип инструмента по обработке кости"[14].

Следовательно, эти орудия можно считать универсальным абразивным инструментом для обработки кости, дерева и камня.

Рыболовные крючки в инвентаре китойского времени занимают первостепенное значение. Это самая многочисленная группа инвентаря в китойских памятниках. В настоящее время из материалов могильников известно около 700 экз. В небольшом количестве эти изделия встречаются и на поселениях - Усть-Белая, Суховская, Патроны, Ерши, Кузьмиха, Никола, Усть-Илим, островах Сосновый, Лесной.

Орудия являются основным показателем культурной принадлежности, в других неолитических комплексах они не встречаются.

Китойские крючки настолько яркий элемент, что появление и распространение их в китойское время, на первый взгляд, является фактом необычным для неолита Прибайкалья. Однако если внимательней проследить развитие крючковой снасти, то нетрудно заметить, что это явление вполне закономерно. Рыболовство как хозяйственная отрасль приобретает ощутимое значение в хозяйстве начиная с эпохи мезолита и достигает своего расцвета в неолитическое время, т.е. в китойское время. За этот период происходит совершенствование орудий рыбного промысла.

Рассматривая различные варианты крючков, А.П. Окладников приходит к заключению, что между ними наблюдается "очевидная преемственность в развитии крючковой рыболовной снасти"[15].

В материалах нижних культурных горизонтов Улан-Хада имеются стерженьки, форма которых позволяла А.П. Окладникову считать их прототипами китойских крючков[16]. По материалам стоянок "Царь-Девица" и Улан-Хада Л.П. Хлобыстин выделяет "байкальский" и "ангарский" типы крючков. "Оба типа крючков сосуществовали, но ангарский тип крючка был в обиходе более длительный период времени и, видимо, находился в генетической связи с китойскими крючками, которые он замещал на большей части байкальского побережья"[17].

Г.И. Медведев считает, что китойская форма возникла на основе "байкальского" типа составного крючка и является его "истинно ангарской модификацией" с фронтальным креплением жала. Китойский тип не получил распространения на Байкале и является местной, речной формой составного крючка. Крючки стоянки "Царь-Девица" можно рассматривать как основу, на которой развилась китойская крючковая снасть[18].

Материалы поселений "Царь-Девица", Улан-Хада, Патроны, островов Сосновый и Лесной, Усть-Белая, а также редкие разновидности этих изделий в материалах могильников дают возможность проследить их эволюцию начиная с мезолита от примитивных вариантов изделий с различным устройством для крепления до неолитических эталонных форм.

Следовательно, крючки китойского типа зародились и оформились в течение длительного времени на территории Прибайкалья.

Изделиями из кости и рога в коллекциях китойских памятников широко представлен производственный инвентарь. Кость как поделочный материал для орудий нашла свое применение во всех сферах деятельности китойцев - рыболовстве, охоте, домашнем производстве и для других производственных целей.

Орудия рыболовства китойцев состоят из гарпунов, острог и крючков.

Гарпуны представляют собой значительную часть китойского погребального инвентаря. Общее их число - 68 экз. Как и все орудия этого рода в неолитическое время, они имеют округлый в сечении насад. Отличительной особенностью большинства из них является способ крепления линя на теле гарпуна. Они снабжены одним выступом с отверстием, тогда как серовские и глазковские гарпуны для крепления линя имеют плечикообразные выступы в виде крестовины. В порядке исключения в материалах Глазковского могильника и Распутино имеются отдельные экземпляры с крестовидными плечиками без отверстия.

По форме выступа, по характеру расположения зубьев на теле гарпуна и по наличию отверстия в насаде наконечники гарпунов можно разбить на несколько типов.

1. Гарпуны с полулунным выступом, снабженным отверстием в центре, и двусторонним асимметричным расположением зубцов. Этот тип встречается в материалах всех могильников.

2. Наконечники гарпунов с прямоугольным односторонним выступом, снабженным отверстием, и асимметрично расположенными зубцами.

3. Наконечники гарпунов с прямоугольным двусторонним упором и отверстием в нижней части крылообразного расширения. Гарпуны имеют сравнительно небольшое уплощенное тело (10-15 см), которое

заканчивается плоским широким острием. Расположение зубцов попарное со слегка выраженной асимметрией. В небольшом количестве они обнаружены в материалах всех китойских могильников.

4. Гарпуны с односторонним расположением зубцов, полулунным выступом и отверстием.

5. Орудие без устройства для крепления с прямоугольным в сечении насадом, скорее всего оно применялось как зуб остроги.

В Глазковском могильнике было обнаружено три гарпуна оригинальной формы, которая вообще является уникальной для неолита Прибайкалья. Гарпуны с отверстием-ушком для крепления к линю, кроме китойских памятников, встречаются в материалах могильника Исинга в Забайкалье, Шилкинской пещере, Верхоленском и Фофановском могильниках. Китойский тип гарпуна появился в результате длительной эволюции. «Сопоставление наконечников гарпунов мезолита, неолита и энеолита как будто позволяет выделить ряд последовательно развивающихся форм, которые можно свести в две основные группы – "верхоленско-китойскую" и "бадайско-серовскую"»[19].

Наконечник гарпуна из Верхоленского могильника представляет собой скорее всего древнейшую форму китойских изделий в неолите Прибайкалья[20]. В связи с этим необходимо отметить, что по некоторым признакам этот тип инвентаря разбивается по определенным погребальным комплексам. Так гарпуны первого типа характерны для всех могильников китойского времени, тогда как орудия второй группы показательны для материалов Глазковского могильника. Остальные найдены в единичных экземплярах и представляют явление исключительное.

Следовательно, китойские гарпуны представляют разнообразную группу инвентаря и свидетельствуют о возможном сосуществовании различных вариантов даже в рамках одних культурных комплексов. Появление отверстия для крепления к линю следует рассматривать как явление культурно-историческое.

К орудиям рыбного промысла можно отнести и группу шилообразных орудий, которые снабжены слегка выступающим от стержня односторонним срезом для бокового крепления. Скорее всего эти орудия могли использоваться в качестве зубьев для острог. Размеры их достигают 8–10 см в длину. Эти орудия обнаружены в Китойском могильнике (16 экз.) и в единичных экземплярах в Глазково и Усть-Белая.

Острия для составных рыболовных крючков имеются в материалах всех могильников. Они изготовлялись из когтей хищников, зубов животных, костей и клыков кабарги. Клыки кабарги в качестве острий для составных рыболовных крючков продолжают широко применяться и в последующее глазковское время.

В месте крепления к стерженьку острие имеет поперечный срез, ограниченный сверху и снизу небольшими выступами. Некоторые экземпляры имеют искусно вырезанные зубцы.

В могильнике Усть-Белая был обнаружен вкладышевый наконечник оригинальной формы. Он имеет два слегка асимметрично расположенных игловидных зубца, в ребро острия наконечника вставлены вкладыши. Насад обломлен, на сохранившейся части имеются следы двусторонних уплощенных срезов. Это орудие скорее всего могло использоваться как средний зуб остроги, иное его назначение представить трудно.

Орудия охоты представлены целой серией вкладышевых острий (18 экз.). Они изготовлены из рога и трубчатых костей. Орудия снабжены одно- или двусторонними вкладными лезвиями. В качестве вкладышей использовались кремневые пластины прямоугольных очертаний, обработанные мельчайшей ретушью. Сочетание упругости и прочности костяного клинка и твердости кремневого вкладного лезвия было издревле высоко оценено человеком. В китойское время эти орудия получили самое широкое применение. Они могли использоваться как охотничьи ножи и кинжалы, а также в качестве наконечников метательных орудий типа копья. Размеры этих орудий варьируют от 20 до 30 см и более. Некоторые экземпляры имеют на конце стрелообразные острия без вкладного лезвия.

Особую группу представляют клинки с двусторонними вкладными лезвиями. Насад уплощен для крепления в древке. Функциональное назначение этих орудий можно определить как наконечник для копья.

Кинжаловидные острия с выпуклым лезвием тоже, видимо, использовались как орудия для охоты.

В материалах всех китойских могильников имеются крупные массивные орудия из рога в виде длинных клинков со слегка изогнутым сильно заостренным концом. Размеры их варьируют от 15 до 30 см. Обработке подвергалась только верхняя часть, остальная имеет вид четырехгранного стержня. Эти орудия могли применяться как рогатины для охоты на крупного зверя (см. рис. LII, LIII).

Наконечники дротиков составляют немногочисленную, но характерную группу в китойском комплексе. Всего их обнаружено 11 экз.

К этой же группе орудий можно отнести небольшие костяные наконечники, которые полностью повторяют форму дротиков, но только уступают им в размерах. Это скорее всего наконечники стрел, которые крепились в древке посредством уплощенного насада (см. рис. XLVIII, 1).

Орудия для собирательства в своем большинстве можно определить чисто условно. Сюда включаются все орудия, которые могли использоваться для рытья земли. В первую очередь в эту группу нужно включить заступы из лопаток лося. Общее их число – 7 экз. За-

ступы были основным инструментом, который использовался для рытья могил.

Кирка из рога в длину достигает 20 см, имеет массивное тело. Верхний конец оформлен скошенным поперечным срезом, снабженным глубокой муфтой для закрепления рукояти, нижний конец заострен несколькими срезами. Рабочий край имеет овальную форму и залощен от длительного употребления (см. рис. LV).

К этой же группе можно отнести орудия из рога с заостренным рабочим краем и с различными приспособлениями для крепления и единственное роговое тесло с ушками, найденное в Усть-Белой (см. рис. LVI).

К орудиям собирательства следует отнести так называемые лощила. Обычно материалом для их изготовления служили метаподии крупных животных. По форме их можно подразделить на совковообразные с овальным рабочим краем и уплощенные с заостренным рабочим краем. Нетрудно заметить, что они имели различное назначение. Совковообразные орудия скорее всего использовались для разглаживания шкур, а с уплощенным рабочим краем - как копательный инструмент, кстати они носят следы лощения с обеих сторон (рис. LXXI).

В погребениях всех китойских памятников в большом количестве были найдены предметы домашнего производства, такие как иглы, игольники, шилья. В большинстве случаев были обнаружены целые игольники со вставленными в них иглами. Китойцами также использовались для шитья одежды из шкур и шилья. Всю группу этих орудий по исходным заготовкам можно подразделить на три типа.

1. Шилья, изготовленные из расколотых метакарпальных костей животных, сохраняют естественный продольный желобок, а рукоятью служит утолщенная часть эпифиза.

2. Шило из грифельной кости животного, рукоятью служила естественная головка. Рабочий край заострен и залощен в процессе употребления.

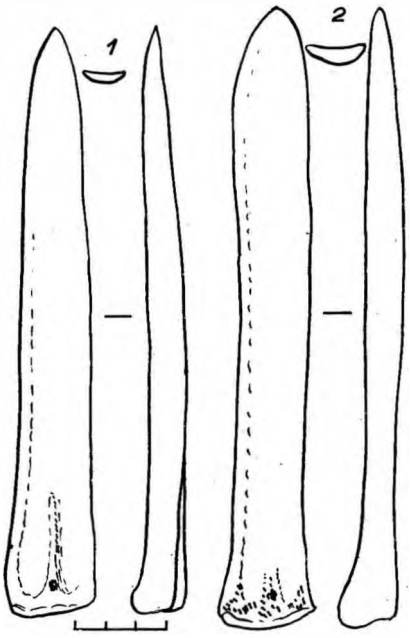
3. Шилья из рога в виде антропоморфных изображений. Рабочий край заострен, а рукоятью служила специально вырезанная головка, которая, с одной стороны, имитирует естественную головку шила из грифельной кости, а с другой - имеет вид стилизованного изображения головы человека, ниже которого нанесен геометрический орнамент. Эти орудия в основном были известны из подъемного материала, собранного М.П. Овчинниковым в Глазково. Найдены они были все с обломанными концами. В погребении № 9 на Усть-Белой впервые было обнаружено целое орудие. В длину оно достигает 22 см. Орудие имеет вид слегка изогнутого острия (см. рис. LVIII).

В погребении № I2 Усть-Белой были найдены две части составной рукояти из кости. Они соприкасались плоскими гранями, при

этом в расширенном конце образовалась небольшая муфточка. Внешние стороны рукояти выпуклы и для надежности скрепления снабжены неглубокими скошенными надрезами (см. рис. XLVIII,3). Подобные изделия имеются в материалах глазковского периода[21].

Для характеристики быта китойцев интересны находки костяных ложек, которые найдены в количестве 8 экз. Изделия подобного рода отмечены на всех могильниках китойской культуры.

Ложка в виде плоской лопаточки, расширенной книзу, с прямой ручкой имеет большое сходство с ложкой из Аносово и скорее всего является наиболее древним вариантом этих изделий в Сибири.



Р и с. LXXI. Могильник Усть-Белая. Совковообразные острия из кости.

Остальные представляют собой оригинальную группу ложек, характерную для китойского времени. В связи с этим весьма интересен предмет из погребения у д. Распутино. Это своеобразный нож-ложка. Судя по форме, можно заключить, что изделие имеет бытовое назначение с универсальными функциями. Совершенно аналогичный предмет был обнаружен в "мезолитической яме № 3" Усть-Белой[22]. Инвентарь этой ямы вообще обнаруживает большое сходство с китойским инвентарем.

Характеристика керамического производства в китойское время представляет определенную сложность. В погребальном инвентаре всех известных могильников китойского времени керамический материал полностью отсутствует. Исключение представляет Китойский могильник, где был обнаружен единственный сосуд с сетчатым орнаментом. В связи с этим необходимо обратить внимание на присутствие керамического материала в единичных погребениях, обнаруженных в различное время в местностях Межовка и Кузьмиха. В 1924 г. в местности Кузьмиха при разрушенном костяке, окрашенном охрой, был обнаружен большой сосуд с отпечатками сетки и орнаментом отступающей лопаточки, нанесенном горизонтально в виде параллельных зигзагов. В местности Межовка также при костяке, окрашенном кровавиком, были обнаружены фрагменты сосуда с штамповым орнаментом[23]. Следовательно, в настоящее время на основании погребально-

го материала мы можем говорить только о трех типах орнаментации сосудов: сетчатом, штамповом и отступающей лопаточки.

Для полноты характеристики этого вопроса необходимо привлечь материалы известных поселений. На поселении Никола I в культурном горизонте с характерным инвентарем китойско-глазковского периода была обнаружена керамика, орнаментированная отступающей лопаточкой, вертикальным зубчатым штампом, насечками по краю венчика или налепными валиками. Вся поверхность сосудов покрыта штриховыми отпечатками. Нижележащий культурный горизонт содержал фрагменты только трех сосудов с оттисками сетки-плетенки по внешней поверхности. При продолжении исследований на памятнике в аналогичной стратиграфической ситуации вместе с фрагментами сетчатой керамики был обнаружен типичный инвентарь китойского времени[24].

На поселении Патроны на значительной площади был выделен культурный горизонт с китойским инвентарем и керамикой с отпечатками сетки-плетенки, орнаментированной прямой и угловой отступающей лопаточкой, зубчатым штампом и ямочками-горошинами по венчику[25].

При раскопках поселений на о. Сосновом в слое с китойским инвентарем был представлен разнообразный керамический материал: фрагменты керамики с отпечатками сетки-плетенки, грубой ткани, штриха и гладкостенные, все орнаментированные оттисками штампа-лопаточки[26].

При исследовании поселения на о. Лесном в основании бурого гумусированного слоя вместе со стерженьками крючков из агальматолита была обнаружена керамика с текстильными отпечатками и орнаментом отступающей лопаточки[27].

Следовательно, для памятников китойской культуры характерны четыре типа орнаментации: сетка-плетенка, отступающая лопаточка, штриховой и зубчатый штампы. Сетка-плетенка, видимо, характерна для ранних комплексов китойской культуры. Остальные появляются позже. Если этот вывод верен, то здесь уместным будет остановиться на вопросе культурной принадлежности горизонтов с наличием этого типа керамики на поселении Улан-Хада. На основании керамического комплекса А.П. Окладников датировал нижний слой Улан-Хада позднесеровским временем[28]. Результаты наших исследований позволяют сделать предположение о принадлежности этих слоев к раннему периоду китойского комплекса, который представлен здесь в развитии.

Стилистический анализ скульптурных изображений голов лосей, обнаруживая оригинальные черты, присущие только изображениям китойских памятников, дает возможность проследить преемственную связь с подобными изображениями глазковского времени. "Китойские

и глазковские скульптуры лося, несомненно, являются ступенями одной художественной традиции"[29].

Костяные и каменные скульптурные изображения рыб стилистически выделяются в особую группу, отличную от серовской или глазковской[30].

Многочисленные украшения китойских погребений характерны для всего неолитического периода Прибайкалья. Исключение составляют бусы из перламутра и стеатита, браслеты-кольца из мрамора, нефрита и кальцита, а также орнаментированные костяные браслеты. Временем появления перламутровых бусин-кружков является мезолит[31]. Они продолжают существовать в китойских и серовских памятниках, в последующее, глазковское, время превращаются в одну из характерных черт этого комплекса[32].

Стеатитовые бусы впервые отмечены (крайне редко) в китойских погребениях, затем они становятся "индикатором хронологической принадлежности к памятникам глазковского типа"[33]. Кольца-браслеты из китойских погребений можно считать "прямыми предшественниками" глазковских браслетов из нефрита[34]. Орнаментированные костяные браслеты обнаружены только в погребениях китойского времени и являются одним из ярких указателей культурной принадлежности.

Таким образом, описание инвентаря погребений и культурных горизонтов поселений китойского времени выявило две категории изделий.

Первая группа по материалу, форме и характеру обработки обнаруживает близость исаковским и серовским или глазковским изделиям, а для целого ряда инвентаря установлена близкая типологическая связь с мезолитическими памятниками. Причем, каменные ретушированные орудия, резцы, нуклеусы, скребки, отдельные типы стрел, перламутровые украшения указывают на преемственную связь между мезолитическими памятниками и китойским комплексом. Близость китойского инвентаря к исаково-серовским изделиям менее выразительна и проявляется в существовании однотипной керамики, форм наконечников стрел, украшений, аналогичных форм шлифованных ножей, которые отличаются только по материалу.

Преемственная связь китоя с глазково, на наш взгляд, убедительно доказана А.П. Окладниковым[35]. Мы не видим необходимости рассматривать этот вопрос дополнительно.

Вторая категория инвентаря раскрывает специфические черты, присущие исключительно лишь памятникам китойского типа. Рубящие орудия из нефрита, гарпуны, стерженьки к рыболовным крючкам, некоторые изделия из кости подчеркивают оригинальность китойского комплекса. Сторонники формирования китойской культуры вне пределов Прибайкалья в качестве основных своих аргументов используют

факты, связанные с этой категорией изделий. Однако при более внимательном изучении оказалось, что зарождение этих традиций связано еще с поздним мезолитическим временем и указывает на существование преемственности между мезолитом и китойским комплексом. Окончательное оформление этой категории инвентаря произошло в пределах относительно короткого исторического периода. Это важное обстоятельство исключает возможность оценивать группу китойских памятников как чуждую неолиту Прибайкалья. К тому же нигде за его пределами такие изделия и в таком сочетании пока не выявлены.

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ НА МНОГОСЛОЙНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

На всех многослойных поселениях стратиграфическое положение слоя, содержащего китойский инвентарь, однотипно. Он залегает в самом низу гумусированной толщи бурого цвета. Как правило, в нижележащих отложениях культурные остатки отсутствуют. Исключением является Усть-Белая и "Царь-Девица", где ниже этого слоя расположен культурный горизонт мезолитического времени (см. рис. LIX). Вверху китойский слой повсеместно входит в тесный стратиграфический контакт с горизонтом глазковского времени.

На большинстве стоянок китойский слой расчленяется на два горизонта. Послойное изучение инвентаря и его типологический анализ показали, что в нижнем горизонте, как и следовало ожидать, содержится материал более раннего периода. Орудия из нефрита обычно частично пришлифованы. Весьма показательной является неустойчивая форма каменных стерженьков для рыболовных крючков, которые как бы находятся в стадии формирования. Там же, в нижнем горизонте, залегала в основном керамика с отпечатками сетки-плетенки. В верхних же горизонтах появляются изделия "классической" китойской формы, которые хорошо известны по материалам могильников. Керамический материал становится более разнообразным. В большинстве случаев инвентарь верхнего горизонта содержит как китойские, так и глазковские изделия. Наличие двух горизонтов в китойском слое, наблюдение за изменением форм орудий в сторону их усовершенствования дают основание предполагать, что выделенные в них комплексы хронологически разновременны. Видимо, китойский комплекс на поселениях представлен в развитии. Расчленение китойских погребений по хронологическим группам представляет определенную сложность. Наиболее объективными в этом плане могут быть стратиграфические

наблюдения уровня закладки могильных ям. До последнего времени таких данных получено не было. Большинство погребений китойского типа было раскопано в период, когда тщательного стратиграфического наблюдения еще не проводилось. Исследование китойских погребений могильника Усть-Белая дало некоторые результаты, но они не могут быть привлечены в этом качестве. Могильник был разбит прямо на площади поселения, большинство могил было разрушено еще в древности. Во время раскопок в Глазково, проведенных археологами Иркутского университета в 1980 г., было четко зафиксировано различие в уровне закладки могильных ям. Это обстоятельство в дальнейшем может стать опорным моментом периодизации погребений в рамках китойской культуры.

В сложившейся ситуации вопрос о соотношении китойского комплекса с исаково-серовскими памятниками следует решать в несколько ином плане, чем было принято до последнего времени. Несмотря на типологическую близость инвентаря, следует отметить, что на многослойных поселениях нигде не зафиксировано сочетание исаково-серовского и китойского комплексов в предполагающейся ранее последовательности их расположения.

ДАТИРОВКА КИТОЙСКОГО КОМПЛЕКСА

Проблема происхождения китойского комплекса и его датировки остается в центре внимания исследователей. Однако можно отметить некоторые успехи в ее решении. Так, установлено, что первый мезолитический горизонт Усть-Белой, который находится в непосредственном контакте с китойским слоем, датируется УП тыс. л. н.[36] Состав инвентаря УІ слоя стоянки Горелый Лес, расположенной здесь же в долине р. Белой, обнаруживает поразительное сходство с китойским комплексом, которое прослеживается по стерженькам к составным рыболовным крючкам из шиферного сланца, по сетчатой керамике и др. Этот слой датируется 6695 л.н.[37] Погребения китойского типа о. Ольхон дали две даты (4580 и 3770 лет до н.э.)[38]. Сопоставляя имеющиеся абсолютные даты Китоя и Глазково, можно отнести китойские памятники к началу У – второй половине ІІІ тыс. до н.э.[39]

На основании абсолютных дат, полученных А.К. Конопацким для памятников серовской культуры, можно заключить, что время существования китойских и серовских комплексов в основном совпадает.

Древнейшие погребения китойского типа скорее всего во времени соотносятся с исаковскими памятниками, для которых, к сожалению, пока еще не получена абсолютная датировка. Сходство в типологии инвентаря этих комплексов свидетельствует о том, что они, видимо, зародились на общей мезолитической основе.

Особый интерес представляют результаты исследований стоянки "Царь-Девица". В составе инвентаря древнейшего на поселении культурного слоя (Ш слой), который датируется мезолитическим временем (VII тыс. л.н.), имеются весьма характерные вещи. Клиновидные нуклеусы, скребок из широкой плитки аргиллита, так называемые острия из шиферного сланца, стерженьки составных рыболовных крючков байкальского типа - все эти изделия отмечены в китойском комплексе. В стратиграфической колонке этот культурный горизонт перекрывается слоем, содержащим большое количество керамики с сеткой-плетенкой[40]. На наш взгляд, это является довольно убедительным фактом прямого стратиграфического и культурного контакта китойского комплекса с позднемезолитическим слоем.

Вопрос о китойской культуре и ее месте в неолите Прибайкалья остается еще не решенным до конца. Предстоят новые исследования, новые данные, которые внесут ясность в решение этой сложной проблемы.

Г л а в а I V

ХАРАКТЕРИСТИКА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЙКАЛЬЯ ПО ПАМЯТНИКАМ КИТОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ОБЩИЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ ОБРАБОТКИ КАМНЯ И КОСТИ

В качестве материала для изготовления орудий китойцы использовали различные каменные породы: нефрит, кремень, кремнистый сланец, аргиллит, агальматолит, мрамор, шиферный сланец и различный абразивный материал. Тысячелетний опыт человека способствовал росту знаний в этой области, правильной оценке особенностей структуры и точному выбору материалов для орудий в зависимости от их производственного назначения и применению к нему соответствующих приемов обработки.

Н е ф р и т как поделочный материал нашел самое широкое применение в китойское время. Это объясняется общим ростом уровня техники обработки камня, внедрением в производство абразивных способов обработки, а также доступностью этого материала для китойцев. Богатейшие коренные месторождения нефрита находятся в Восточных Саянах, в долинах Иркута, Китоя и Белой в достаточном количестве можно встретить нефритовые гальки. Чрезвычайная твердость и прочность этого материала издревле высоко оценена челове-

ком. Из нефрита китойцы изготовляли топоры, тесла, ножи, а также украшения. Техника обработки нефрита древним человеком уже давно является предметом научного исследования. История этого вопроса подробно изучена А.П. Окладниковым[1].

До китойского времени нефрит как материал для изготовления орудий труда нигде не применялся столь широко. В археологии Прибайкалья не имеется подобного примера. В данном случае нефритовый инвентарь может служить основным показателем уровня развития техники в этот период.

А г а л ь м а т о л и т был хорошо известен китойцам и применялся исключительно для изготовления стерженьков к рыболовным крючкам. Причем необходимо заметить, что из него делались стерженьки сравнительно небольших размеров от I до 5 см. Изделия отличаются высоким качеством исполнения и исключительной выдержанностью формы.

Заготовки для орудий получали путем пиления. Пропилы производились под углом навстречу друг другу. Затем в основании подламывались, и получался трехгранный брусок, который затем подвергали шлифовке. Оформление плечиков вверху и в основании орудия производилось путем надрезов. Куски агальматолита со следами пиления и резки в китойском инвентаре - явление обыкновенное[2]. Так, в материале погребений, обнаруженных в 1966 г. по ул. Тургеневской г. Иркутска, были найдены кусок агальматолита с просверленным биконическим отверстием и многочисленными надпилами и небольшой обломок пилки из шифера.

Знакомство древнего населения Прибайкалья с агальматолитом произошло еще в мезолитическое время. На поселении Усть-Белая была найдена целая серия подвесок с просверленными отверстиями и частичной подшлифовкой поверхности[3].

Учитывая сложность конфигурации изделий из агальматолита, тщательность отделки, освоение техники пиления и сверления, можно говорить, что в китойское время все эти приемы обработки камня были доведены до совершенства.

Ш и ф е р н ы й с л а н е ц в качестве поделочного материала в инвентаре китойских памятников имел ограниченное применение. Китойцы в основном использовали шифер для изготовления стерженьков рыболовных крючков больших размеров. Плиты шиферного сланца пилили на брусья, а затем подвергали шлифовке. В коллекции могильника "Циклодром" имеется заготовка стерженьков из шиферного сланца в виде шестигранного стержня со следами шлифовки[4]. При окончательном оформлении они приобретали округлую форму. Этот предмет по степени обработки и форме напоминает так называемое острие из шиферного сланца со стоянки "Царь-Девица"[5]. В инвента-

ре могильника и поселения Усть-Белая из этого материала были обнаружены скребки.

Шиферный сланец применялся как абразивный материал для пиления и, видимо, шлифования.

К р е м е н ь в каменной индустрии китойского времени остается основным материалом для изготовления мелкого каменного инвентаря. Наконечники стрел, вкладные лезвия, резцы, скребки по-прежнему изготовлялись из кремня.

Освоение абразивного способа обработки камня позволило широко использовать в качестве поделочного материала сланцевые породы.

Значительная серия призматических пластин различной величины и правильной формы свидетельствует о том, что продолжают существовать старые традиции скола.

Продолжает применяться техника ретуширования. Ретушь на изделия наносится в виде неглубоких фасеток с двух сторон, отчего рабочий край становится острым и устраняется пильчатая неровность. Наконечники стрел отличаются тщательной отделкой, многие экземпляры по всей поверхности покрыты по диагонали мелкими фасетками стелющейся ретуши. При ретушировании вкладных кремневых лезвий применялись различные виды ретуши. Рабочая сторона оформлялась мелкой ретушью, а тыльная - крутой. При изготовлении скребков по рабочему краю наносились крупные сколы, а затем уже мелкая ретушь.

По имеющимся материалам можно судить о том, что техника скола и нанесения отжимной ретуши в китойское время продолжала существовать и совершенствоваться.

А р г и л л и т встречается в плитах, которые достаточно легко расслаиваются, что дает возможность без особых усилий получить нужную заготовку для орудия. Кроме того, этот материал достаточно легко поддается оббивке и ретуши. Неслучайно, что поделки из него встречаются на протяжении длительного периода. Для изготовления ножей из аргиллита использовали сравнительно тонкую пластинку, обрабатывали ее по рабочему краю стелющейся ретушью. Таким образом получалось ровное острое лезвие. Остальная часть орудия сохраняла гладкую плиточную поверхность, не требующую дополнительной обработки.

Скребки из аргиллита обрабатывались крупной ретушью, нанесенной серией глубоких сколов. Со спинки и с брюшка орудие также сохраняло плиточную поверхность.

М р а м о р - это довольно распространенная порода на территории Прибайкалья. Однако использовали его для поделок весьма ограниченно. В коллекциях китойских памятников насчитывается всего

четыре предмета – два стерженька для рыболовных крючков, одно кольцо и известное скульптурное изображение человека из погребения у с. Распутино.

Поделки из мрамора не отличаются тщательностью обработки, следы оббивки в виде замятин хорошо сохранились на их поверхности. Они изготовлены способом пиления и частичной подшлифовкой.

Каменная индустрия китойцев базировалась исключительно на местном сырье. В качестве поделочного материала использовали каменные породы, месторождения которых зафиксированы на территории Прибайкалья.

Количество и качество костяных изделий в материалах китойских памятников свидетельствует о высоком развитии техники обработки кости. Сырьем для орудий служили кости, рога и зубы крупных животных, а также трубчатая кость птиц. Промысел на лося, марала, косулю, кабаргу и бобра давал не только мясо и шкуры, но и в изобилии отличный поделочный материал.

Процесс изготовления орудий из кости и рога можно полностью проследить по материалам известных китойских памятников. Рог китойцы в основном резали. Надрезы производились под углом друг к другу вдоль заготовки до губчатой массы, а затем надламывались, и получались костяные стержни. Губчатое заполнение тщательно выбиралось, и готовому стержню придавалась нужная форма. Заготовку предварительно распаривали и выпрямляли. На всех орудиях довольно четко прослеживаются следы резьбы. Техника пиления, видимо, в данном случае не применялась. Окончательная отделка предусматривала шлифовку и заточку орудий. Идеально гладкая блестящая поверхность орудий, изготовленных тысячелетия назад, до сих пор поражает тщательностью отделки и мастерством древнего костореза.

М е т а п о д и и животных использовались для изготовления крупных вкладышевых орудий. Готовые орудия сохраняют естественное углубление и отверстие, которое, как правило, находится у рукоятки орудия. Для поделки вкладышевых орудий костяной клинок снабжался продольными пропилами по одной или двум боковым граням. В пропилы вставлялись призматические ретушированные пластины, которые образовывали сплошное каменное лезвие. Пластичность костяного клинка, твердость и острота кремневого лезвия обеспечивали высокие производственные качества орудия. Неслучайно, что вкладышевые орудия насчитывают несколько тысячелетий своего применения.

Г р и ф е л ь н ы е к о с т и животных шли на изготовление шильев. Рабочий конец тщательно затачивался, поверхность орудия сплошь шлифовалась, от длительного использования приобретала вид полированной. Противоположный конец зачастую сохранял естественную головку.

Птичьи кости служили материалом для игл и игольников. Иглы имеют хорошо заостренный конец и снабжены удлиненно-овальным отверстием, поверхность заполирована. Игольники изготовлены из трубчатых костей птиц, которые почти не подвергались обработке.

Лопатки лося использовались для производства заступов, ложек, браслетов. При изготовлении заступов ребристые грани лопатки срезались, рабочий край заострялся односторонним срезом, рукоятью орудия служила естественная головка.

Орудиями для обработки кости служили резцы, скребки, ножи и абразивы.

В китойское время в костяной индустрии широкое применение нашла техника сверления. Отличительной особенностью китойских гарпунов является то, что их насады снабжены отверстиями для крепления. Многочисленные подвески и бусины из клыков и зубов животных снабжены отверстиями. Просверлины биконические, так как сверление производилось с двух сторон. О высоком уровне развития косторезного дела в китойское время свидетельствуют многочисленные орнаментированные предметы и скульптурные изображения.

В заключение следует отметить, что каменная и костяная индустрия китойцев в своем развитии достигла высокого уровня. Сохраняются традиционные приемы в производстве, а также осваиваются и получают широкое применение новые абразивные способы обработки.

Китойский этап является временем, когда значительно обогащается сырьевая база. Ни в одном из предыдущих неолитических периодов Прибайкалья подобной картины мы не наблюдали. Следовательно, для китоя характерным является не утрата или отмирание некоторых приемов в технике, а замена одного материала другим на новой производственной основе.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ КИТОЙЦЕВ

Изучение хозяйства любой археологической культуры прежде всего зависит от полноты основных источников. Главными хозяйственными показателями являются палеонтологические материалы, которые дают представление об объектах промысла, и специализированный промысловый инвентарь.

Характеристика хозяйства племен китойской культуры представляет определенную сложность. Прежде всего по имеющимся материалам трудно в полном объеме дать описание, а тем более провести статистический анализ для выявления основных промысловых видов, так как в погребальном инвентаре палеонтологические материалы представлены исключительно в поделках. Это обстоятельство не дает

возможности точно установить основной объект охоты и его удельный вес в промысле.

Характеристика специализированного промыслового инвентаря приобретает первостепенное значение для раскрытия всех сторон хозяйственной деятельности китойцев. Однако нельзя оставлять в стороне изучение природно-географического фактора, роль которого в эпоху камня была особенно велика. Дислокация китойских памятников в Прибайкалье является чрезвычайно показательной в этом плане. Поселения и могильники тяготеют к главной водной артерии– Ангаре и Байкалу. Основные памятники находятся в приустьевых участках ангарских притоков – Иркута, Китоя и Белой, поселения также расположены по берегу и островам Ангары и по южному побережью Байкала.

Расселение китойцев в рыбных местах указывает на то, что ловля рыбы в экономике древних обитателей долины Ангары и байкальского побережья играет существенную роль. Соотношение орудий рыбного лова с прочим промысловым инвентарем подтверждает мнение о зарождении и развитии рыболовного направления в хозяйстве[6].

Самой многочисленной группой инвентаря являются составные крючки. В процентном отношении от общего количества орудий лова они составляют свыше 88 %, что для культур таежного неолита вообще явление исключительное. Форма крючков чрезвычайно выдержана, исключение составляют единичные экземпляры. В то же время эти изделия сильно варьируют по величине, причем представлены целыми сериями. Только потребностями развитого рыбного промысла могла быть продиктована подобная дифференциация крючковой снасти, которая использовалась для оснащения различных рыболовных снарядов. Мелкие крючки употреблялись для ловли рыбы при помощи удочки. Крючки средней величины и крупные использовались в переметах, которые с давних времен известны всем народам Северо-Восточной Азии. Перемет, оснащенный составными крючками, не требовал специальных грузил и скорее всего предназначался для ловли крупной рыбы: осетра, тайменя, щуки и т.д. Для наживки переметов могли употреблять различные породы мелких рыб, выловленных удочкой.

Следующей по численности категорией орудий рыбного промысла являются гарпуны. Различие их по величине и форме свидетельствует о дифференцированном применении орудий при ловле определенного вида рыб. Так, гарпуны с одним рядом зубцов и приспособлением для крепления к линю в виде овального выступа значительные по размерам (I5–22 см), вероятно, они предназначались для промысла крупной рыбы. Гарпуны же с двумя рядами зубцов уплощенной формы и насадом в виде крылообразного упора, размеры которых колеблются в пределах I0–I2 см, могли употребляться для добычи более мелкой рыбы.

О применении китойцами более сложных рыболовных снарядов свидетельствуют зубья для остроги, изготовленные из кости и рога. Они в основном повторяют форму мезолитических орудий и являются наиболее упрощенным вариантом. Острие у них гладкое без зубцов, слегка изогнутое, с односторонним срезом насада для бокового крепления (см. рис. XLVIII, 4). Острога состояла из двух зубов. Она предназначалась, по-видимому, для добычи налима, который мог отлавливаться круглый год. Гарпун и острога применялись в зимнее время при подледном лове с помощью рыбки-приманки и в летнее время, возможно, при помощи "лучения". Аналогичные способы добычи рыбы существуют и у эвенков'. Несомненно, рыбный промысел в неолитическое время не исчерпывался вышеописанными способами. Несмотря на то что до настоящего времени не сохранились снаряды рыбного промысла, сплетенные из прутьев типа "морд", и сети из растительных волокон, имеются косвенные свидетельства об их существовании. На поселениях китойского времени обнаружены грузила из галек, которые подтверждают предположение о существовании в неолитическое время сети - самого продуктивного рыболовного снаряда. Сети, вероятнее всего, плели из волокон дикорастущих растений. Наши предположения подтверждаются еще и тем, что, судя по отпечаткам основ для формовки сосудов, неолитическому человеку было известно примитивное плетение тканей и плетение из прутьев. В данном случае уместной будет постановка вопроса об использовании китойцами лодки как основного средства передвижения по воде в промысловых целях. Категоричность утверждения по этому вопросу была бы оправданна лишь в том случае, если бы мы располагали неоспоримыми вещественными доказательствами - остатками лодок, весел и т.д., которых, как известно, нет. Однако развитие деревообделочного инвентаря, появление нефритовых топоров и тесел уже являются важным доказательством того, что с точки зрения технических возможностей неолитическому человеку было уже под силу изготовление лодок-долбленок и берестянок. Народы Северо-Восточной Азии на протяжении длительного времени широко использовали подобные средства передвижения по воде, располагая аналогичными орудиями при их изготовлении. Другим, наименее серьезным свидетельством является то, что применение и продуктивное использование большинства описанных рыболовных снарядов без лодки вообще немыслимо. Условия жизни и промысла первобытного рыболова требовали применения лодок. В конечном счете рыболовство не смогло бы занять одно из ведущих мест в экономике китойцев без применения лодки. Наконец, к инвентарю рыболовного промысла следует отнести вкладышевые ножи с односторонним лезвием, пластинчатые ретушированные ножи из аргиллита, некоторые кремневые и нефритовые ножи, которые скорее всего применялись для разделки рыбы.

Видовая характеристика объектов рыболовного промысла при почти полном отсутствии костных остатков ихтиофауны не представляется возможной. Недостаток остеологического материала существенно восполняется культурными изображениями рыб с могильников и стоянок. Здесь прежде всего заслуживают внимание материалы китойского поселения у с. Патроны на Ангаре. В слое было найдено изображение рыбы из серого песчаника, форма которого напоминает щуку или налима, в длину оно достигает 21 см. Здесь же обнаружено и второе изображение из агальматолита, общие очертания которого повторяют костяные изображения рыб из могильника в Глазково. Хвост рыбы имеет прямой срез, по нижней стороне нанесены три неглубокие насечки. Общая длина изделия 6 см. Несмотря на схематичность изображения, в них можно легко узнать хищных рыб типа ленка и тайменя. Исходя из вышеуказанных данных можно с уверенностью говорить о том, что рыболовство в китойское время представляло собой высоко развитую, хорошо оснащенную отрасль хозяйства. Даже в условиях длительного зимнего периода рыбный промысел мог играть роль существенного подспорья.

Другой важной отраслью хозяйства была охота. По имеющимся остеологическим материалам можно назвать виды животных, которые являлись основными объектами промысла древнего охотника, – это лось, марал, косуля, медведь, кабарга, бобр, заяц, лисица, а также птица.

На стоянке Усть-Белая в культурном слое китойского времени обнаружено несколько черепов косули с венечными отростками. Это указывает на то, что животные были убиты осенью после сбрасывания рогов. Промысел косули, видимо, являлся началом зимнего охотничьего сезона вообще. Открытые равнинные пространства привлекали сюда животных в массовом количестве. Миграция косуль в осенний период в пределах Прибайкалья – явление обычное. В этот период косуля и становилась главным объектом охоты. Охота же на лося и марала, видимо, производилась в зимнее время. В целях промысла китойцам приходилось предпринимать экспедиции в таежные глубинки. Добыча этих крупных животных давала все необходимое для жизни древних обитателей Прибайкалья – мясо составляло основной продукт питания, кость и рог шли на изготовление орудий, а шкуры использовались для шитья одежды и при сооружении жилищ. С образом лося древний человек связывал свое благополучие. Неслучайно большое количество скульптурных изображений этого животного в китойских памятниках, он занимает главенствующее место в произведениях искусства неолитического времени, если учесть и наскальные изображения этого таежного гиганта.

Охота на медведя, кабаргу и бобра, учитывая незначительное количество костных остатков в составе инвентаря, была эпизоди-

ческой и не играла существенного значения в промысле. Клыки кабарги, резцы и челюсти бобра имеются в инвентаре Китойского и Глазковского могильников и стоянки Усть-Белая, а зубы медведя обнаружены в материалах стоянки Усть-Белая и Глазковского могильника. Бобр, заяц и лиса скорее всего были объектом пушного промысла.

По материалам орнитофауны очень трудно дать видовую характеристику промысловых птиц. Судя по размерам поделок из кости, можно заключить, что китойцы в основном добывали водоплавающую и болотную птицу. Остеологический материал представлен исключительно в поделках. Древний мастер высоко ценил тонкую компактную птичью кость. Она шла на изготовление игл и игольников. В могильниках Усть-Белая и в устье Китоя были обнаружены кости крыла птицы со сквозными отверстиями, которые скорее всего имели культовое значение. Древний охотник носил их закрепленными на одежде в качестве амулетов.

Набор специализированного оружия для охоты - один из основных источников для характеристики этой отрасли хозяйства. Каменные наконечники стрел различной формы представлены наиболее многочисленной группой среди охотничьего снаряжения (около 170 экз.). Небольшие их размеры дают основание предположить, что они использовались для оснащения стрел при охоте на птицу и мелких животных. Костяные наконечники стрел имели, видимо, аналогичное назначение. Костяные же шилообразные острия с уплощенным насадом скорее всего служили для дротиков и копий. Особое место среди охотничьего инвентаря занимают вкладышевые орудия типа кинжала с уплощенным насадом. Размеры и тщательность оформления острия позволяют считать их наконечниками для копий, которые были основным орудием промысла крупных копытных животных. Массивные же острия из рога выполняли роль рогатины для охоты в основном на медведя[8].

Вопрос об использовании китойцами лука как основного оружия для охоты в общем не вызывает сомнения.

Охотничий арсенал китойцев, вероятно, не ограничивался лишь выше перечисленными орудиями. Они широко применяли и различные ловчие сооружения - ямы, изгороди, силковую снасть, ловушки и самострелы. Эти способы охоты на зверя у народов Северо-Восточной Азии, зародившись в глубой древности, продолжают существовать в этнографической современности.

В китойское время наряду с охотой как основной отраслью производства средств к существованию все ощутимей становится рыболовство. Однако говорить об отмирании охоты на данном этапе преждевременно. Рыболовство было источником пищи только в определенные периоды года. Охота же для древнего человека по-прежнему оставалась источником всех жизненных благ.

Хозяйственный год китойцев делился на два производственных

цикла: летом они занимались рыбным промыслом, в зимнее время промышляли зверя. Все известные поселения можно рассматривать как летние сезонные стойбища. Они находятся на приустьевых участках крупных притоков Ангары, а также на ее островах, здесь отмечается численное превосходство рыболовного снаряжения над охотничьим. Возможно, что, откочевывая на летние стойбища, китойцы оставляли все ненужное в местах зимнего охотничьего промысла. Подобную картину еще недавно можно было наблюдать у кочевавших групп эвенков[9].

Специализация в определенное время года на рыболовстве способствовала возникновению новых, более совершенных форм промыслового снаряжения. Этим объясняется появление основных специфических элементов этой культуры.

Производственная необходимость в сезонных кочевках, естественно, не могла не повлиять на бытовой уклад китойцев. Примеры подобной организации хозяйства и быта известны в этнографии народов Сибири. Еще недавно среди эвенков существовали отдельные группы, кочевавшие круглый год. В зимнее время они расселялись в местах охотничьего промысла. Летом откочевывали ближе к воде, устраивали свои стойбища по берегам рек и озер и занимались рыболовством.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что у китойцев вполне могло существовать цикличное хозяйство. Сообразно способу ведения хозяйства был организован и их быт. В зависимости от сезонных производственных нужд осуществлялись перекочевки всего производственного коллектива.

Богатый производственный опыт и связанная с ним сложная духовная жизнь древних обитателей Прибайкалья нашли свое отражение в их искусстве и религиозных верованиях. Эта сторона деятельности человека в китойское время самым подробнейшим образом изучена А.П. Окладниковым[10]. Материал, полученный нами при исследовании могильника Усть-Белая, в основной своей массе подтверждает сделанные ученым выводы. Скульптурные изображения, найденные в китойских погребениях, были предметом исследования С.В. Студзицкой[11].

В связи с этим мы считаем целесообразным остановиться только на самой общей характеристике этой сферы жизни китойцев и, насколько позволит материал, дополнить некоторые моменты.

Свидетельством эстетических вкусов китойцев являются многочисленные украшения и орнаментированные изделия. В качестве украшений использовались клыки кабана и кабарги, зубы марала и лося, резцы бобра. Расположение различных подвесок в могильных ямах позволило установить их назначение и характер украшений. Подвески нашивали на головной убор, одежду, расшивали пояса, носили на голове в виде диадемы и т.д.

Резьба по кости в китойское время получила широкое распространение. В этой области проявилось высокое мастерство древнего человека. Самыми распространенными орнаментальными мотивами были кружковый узор и в виде елочки, заштрихованных треугольников и поперечных коротких насечек. Умелым композиционным размещением простых, на первый взгляд, элементов орнамента древний резчик добивался высокого декоративного эффекта (см. рис. LVII, 8). В связи с этим необходимо отметить, что образцом для появления кружкового орнамента, видимо, послужили круглые бусы из перламутра и стеатита. Предметы, украшенные кружковым орнаментом, отмечены в китойских памятниках, в более ранних комплексах не зафиксированы. Значит, можно полагать, что зарождение этого мотива связано не с бронзовым веком, как считали ранее[12], а с неолитическим периодом и является одной из специфических черт китойского комплекса.

Элементы и композиция орнамента на керамических сосудах подробно описаны А.П. Окладниковым[13].

В мелкой пластике китойцев сохраняются реалистические традиции первобытного искусства, но вместе с тем уже намечаются элементы условности и стилизации, примером могут служить скульптурные изображения лося, медведя, рыбы.

Изображения лося чрезвычайно динамичны. Вытянутость пропорций, плотно прижатые уши, раздувшиеся ноздри животного передают момент крайнего напряжения. Эти произведения мелкой пластики китойского времени говорят о художественной зрелости, умении использовать определенные изобразительные средства для выражения жизненной силы объекта.

Однако в скульптурных предметах, обнаруженных в Ярках и Глазковском могильнике, можно проследить наметившийся отход от реалистических традиций[14]. Особенно это проявляется в изображениях голов лосей, изготовленных в виде подвесок (см. рис. XУ, I). Эти изделия по степени стилизации образа животного превосходят все известные изображения. Удлиненность пропорций головы достигает своего предела. Характерный признак – нависающая верхняя губа животного скорее всего напоминает клюв какого-то фантастического существа. Глаз изображен в виде кружка. Конец изделия уплощен и снабжен сквозным отверстием[15]. В целом же скульптуры китойского времени можно причислить к лучшим образцам искусства эпохи камня.

Вопрос о культурном содержании и назначении скульптур лося может быть рассмотрен в самом общем плане. Несомненно, что образу лося в сознании людей этой эпохи отводилось особое место. Достаточно отметить многочисленные его изображения на наскальных писаницах и костяные скульптуры этого животного. Это объясняется тем, что основной заботой людей было увеличение поголовья лося, от

этого полностью зависела их жизнь. Чтобы промысел на животных был удачным, китойцы, видимо, совершали различные обряды. Интересен тот факт, что эвенки в недалеком прошлом перед промыслом совершали специальные магические обряды, где роль живого лося играли изображения[16]. Не исключена возможность, что эти фигуры имели отношение к парциальной магии[17] и другим религиозным обрядам, связанным с охотой.

Рассматривая возможность возникновения шаманства в китойское время[18], следует остановиться на некоторых фактах. В Китойском могильнике было обнаружено два погребения, где умершие были помещены в могилу вниз лицом. Это скорее всего было продиктовано страхом перед умершим всесильным шаманом, стремлением избавиться от преследований его духа. Аналогичные случаи отмечены у бурят. Погребение черного шамана сопровождалось такими же предосторожностями[19].

Подвески в виде схематичного изображения лосей могли служить украшениями для шаманского костюма. Здесь, вероятно, мы наблюдаем связь шаманства с культом животных эпохи неолита. "...раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой"[20]. Возникновение и существование промыслового культа животных, вера в духов хозяев природы, по всей вероятности, относятся к стадии патриархального строя[21]. В это же время, возможно, и зародился шаман.

Рассмотрев вопросы, связанные с жизнью китойцев на территории Прибайкалья, можем сказать, что китойские памятники следует рассматривать как своеобразную археологическую культуру конкретной этнической общности. Это подтверждается наличием специфических черт в материальной и духовной жизни китойцев. Расселение их связано с определенной территорией. Антропологический тип китойцев среди в общем-то однородного по своему антропологическому составу населения неолита и ранней бронзы Прибайкалья выделяется целым рядом особенностей[22].

Этническую общность китойцев, видимо, следует рассматривать в ранге одного крупного племени или нескольких небольших племенных объединений. Крупные китойские могильники насчитывают около 30 погребений, каждый из которых можно считать, следуя определению Н.И. Витковского, "родовым кладбищем". Таких могильников насчитывается всего три - Китойский, Глазковский и Усть-Белая. Отсюда можно сделать вывод об относительной немногочисленности китойцев. Для такого количества населения общественной этнической единицей могло быть одно крупное племя, состоящее из нескольких родов. По мнению большинства советских ученых, племя является

основным этническим подразделением первобытности[23]. В рамках племен складывались эндогамные отношения, которые сохраняли однородность этнического состава[24]. Все это в какой-то мере можно отнести к памятникам китойского комплекса.

Проблема отношений внутри китойского общества уже являлась предметом изучения исследователями древней истории. Наиболее подробно она рассмотрена А.П. Окладниковым[25].

Раскопки китойских могильников выявили различные варианты погребений: одиночные, парные и групповые. Факт совместного погребения мужчины с ребенком позволил А.П. Окладникову сделать вывод, что здесь имеет место "начинающийся переход от матриархально-родового строя к новому, патриархальному"[26]. Погребения, содержащие богатый набор инвентаря и культовые атрибуты, исследователь рассматривал как захоронение вождей, которые одновременно исполняли и обязанности шамана[27]. Однако недостаточное количество фактического материала исключает категоричность этих выводов и требует дальнейшего серьезного изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История населения эпохи неолита на территории Прибайкалья оказалась более сложной, чем предполагалось до недавнего времени. Ранее она поэтапно укладывалась в линейную схему. На современном уровне изучения, когда в распоряжении исследователей имеются различные типы памятников и прежде всего многослойные поселения, появилась возможность внести существенные коррективы в решение этой проблемы.

Китойская культура - явление автохтонное, о чем свидетельствует стратиграфическая и типологическая связь с мезолитом и глазковским временем. Особенности китойской культуры объясняются расселением китойцев в районах, где наряду с охотой они могли заниматься рыбным промыслом, это и обусловило набор производственного инвентаря. Время существования китойцев определяется серией абсолютных дат для памятников эпохи неолита и охватывает период около 2,5 тыс. лет (V - вторая половина III тыс. до н.э.).

Вопрос о месте серовского комплекса в неолите Прибайкалья до сих пор остается проблематичным. Долгое время в общей схеме развития неолита он определялся как начальный этап, предшествующий китойскому. Стратиграфические данные многослойных поселений не подтверждают этого положения. Более того, эти комплексы взаимно исключают друг друга как на поселениях, так и на могильниках: где присутствует китой, там отсутствует серово. Глазковский же комплекс обязательно сопутствует и китою, и серово.

Население, оставившее серовские памятники, по материальной культуре, антропологическим и хронологическим данным обнаруживает близость китойцам, но не настолько, чтобы их отождествлять.

Серовские памятники по своей численности намного превосходят китойские и имеют иную географию расположения. Набор производственного инвентаря указывает на развитие в основном охотничьего хозяйства, орудия рыбной ловли представлены единичными экземплярами.

Типологический анализ серовского инвентаря обнаруживает его связь с мезолитическими и глазковскими комплексами. Этому выводу не противоречит стратиграфия поселений, где зафиксирован серовский культурный горизонт. Система абсолютных дат также не исключает такой возможности, время существования китоя и серово в основном совпадает.

Следовательно, китойские и серовские культурные комплексы являются основными в развитии неолита Прибайкалья, как следствие существования родственных этнических групп.

Окончательное решение этого вопроса возможно после проведения дополнительных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1]Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // Вестн. древней истории. – 1938. – № 1/2. – С. 244–260; Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л., 1950. – Ч. 1, 2. – С. 412. – (МИА; № 18).

[2]Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Нов. сер. – М., 1955. – Т. 28. – С. 415–450.

[3]Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (Каменный и бронзовый век): Автореф. дис. ...канд. ист. наук, – Л., 1964. – С. 13–14; Он же. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л., 1965. – Т. 5. – С. 262–265. – (МИА; № 131).

[4]Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 16–17.

[5]Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 26–28.

[6]Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 63.

[7]Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным. – С. 24–25.

ГЛАВА I

[1]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л., 1950. – Ч. 1, 2. – С. 16–22. – (МИА; № 18).

[2]Радищев А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Полн. собр. соч. - М.; Л., 1941. - Т.2. - С. 153-154.

[3]Витковский Н.И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной по поручению ВСОРГО в июле 1880 года // Изв. ВСОРГО. - 1880. - Т. 11, № 3/4. - С. 1-12; Он же. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 года // Там же. - 1882. - Т. 13, № 1/2. - С. 1-36.

[4]Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. - 1889. - Т. 20, № 1. - С. 1-42.

[5]Витковский Н.И. О раскопке могил каменного века в Иркутской губернии в 1881 году // Тр. V Археол. съезда в Тифлисе 1881 года. - 1887. - С. 264-320.

[6]Овчинников М.П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Изв. ВСОРГО. - 1904. - Т.35, № 3. - С. 62-76.

[7]Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославле 1905 г. - 1907. - С. 217-219, 247; Он же. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского ист. музея в Москве за 1914 г. - М., 1915. - С. 218-224.

[8]Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики // Зап. Отделения русской и славянской археологии Рус. археол. об-ва. - 1915. - С. 3-18. - (Отд. отт.).

[9]Петри Б.Э., Михайлов В.А. Среди Кудинских бурят // Изв. Рус. комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. 2. - 1913. - № 2. - С. 92-110; Петри Б.Э. Вторая поездка в Прибайкалье // Там же. Сер. 2. - 1914. - № 3. - С. 89-106; Он же. Неолитическая колония в бухте Песчаная на Байкале // Сб. тр. ИГУ.- 1921. - Т. 1, вып. 2. - С. 56-65.

[10]Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. - Иркутск, 1928. - С. 3-6.

[11]Петри Б.Э. Сибирский палеолит. - Иркутск, 1923; Он же. Сибирский неолит // Изв. Биол.-Геогр. н.-и. ин-та при ИГУ. - 1926. - Т. 3, вып. 1; Он же. Далекое прошлое Прибайкалья.

[12]Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. - 1927. - Т. 7. - С. 623-724.

[13]Подгорбунский В.И. Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска летом 1924 года // Изв. ВСОРГО. - 1928. - Т. 54. - С. 95-102.

[14]Константинов Г.М. К материалам по изучению ангарского неолита // Изв. ВСОРГО. - 1928. - Т.54. - С.83-94.

[15] Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья // Рус. антропол. журнал. - 1930. - Т.19, № 1/2. - С.7-9.

[16]Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // Вестн. древней истории. – 1938. – № 1/2. – С.244–260; Он же. Неолитические находки в низовьях Ангары (К итогам работ 1937 г.) // Там же. – 1939. – № 4/9. – С. 181–186.

[17]Окладников А.П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом (1951 г.) // КСИИМК. – 1953. – Вып. 51. – С. 16–22; Он же. Археологические исследования в долине р. Ангары и на Дальнем Востоке в 1955 г. // Тез. докл. на сессии Отделения ист. наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археол. исследований 1955 года. – М.; Л., 1956. – С. 46–48; Он же. Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (Общие итоги) // Зап. Иркут. обл. музея краеведения. – Иркутск, 1958. – С. 17–21.

[18]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С.412.

[19]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 139.

[20]Брюсов А.Я. /Рецензия/ // Вестн. древней истории. – 1951. – № 4. – С. 155–161. – Рец. на кн.: Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1, 2 // МИА. – 1950. – № 18; Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Нов. сер. – М., 1955. – Т. 28. – С. 415–450.

[21]Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. – С. 445–450.

[22]Окладников А.П. Археологические исследования на Ангаре в зоне строительства Братской ГЭС // Тез. докл. на сессии Отделения ист. наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археол. и этнограф. исследований 1956 года. – М., 1957. – С. 46–49; Он же. Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций. – С. 21–28; Крижевская Л.Я. К вопросу о производственной деятельности неолитического человека Прибайкалья (По материалам раскопок Ангарской экспедиции 1957–1959 гг.) // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1960. – С. 25–27; Ларичев В.Е. Неолитические поселения Прибайкалья (По данным раскопок 1957–1959 гг.) // Там же. – С. 35–40; Абрамова З.А., Ларичев В.Е., Седякина Е.Ф. Новые данные по древней истории Прибайкалья (По данным раскопок 1958–1959 гг.) // Там же. – С. 5–13; Крижевская Л.Я. К вопросу о производстве каменных орудий у неолитических племен Приангарья (Раскалывание камня с помощью огня) // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 245–255; Она же. Неолит поселения в устье р. Белой (По материалам раскопок 1957 и 1959 гг.) // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск, 1978.– С. 69–95; Окладников А.П., Абрамова З.А. Неолитические поселения Нижнее Середкино на Ангаре (Отчет о полевых работах) // Там же. – С. 96–112.

[23]Свинин В.В. Стратиграфия многослойного поселения Усть-Белая // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. - Иркутск, 1960. - С. 61-63.

[24]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив" в г. Иркутске // Сиб. археол. сборник. - Новосибирск, 1966. - С. 84-93.

[25]Грязнов М.П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 г. - Архив Института археологии АН СССР, р-1, 2023; Хамзина Е.А. Археологические исследования в Бурятии за 50 лет // Тр. Бурят. ин-та обществ. наук СО АН СССР. Сер. ист. - Улан-Удэ, 1973. - Вып. 20. - С. 31.

[26]Свинин В.В. Археология озера Байкал: Автореф. дис. ...канд ист. наук. - Новосибирск, 1970. - С. 9.

[27]Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья оз. Байкал (Каменный и бронзовый века): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - Л., 1964. - С. 13-14; Он же. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. - М.; Л., 1965. - Т. 5. - С. 262-265. - (МИА: № 131).

[28]Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Вопр. истории Сибири. - Иркутск, 1971. - С. 68; Он же. Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. ВСОРГО. - 1976. - Т. 69. - С. 171.

[29]Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 23-48.

[30]Там же. - С. 47.

[31]Окладников А.П. Петроглифы Ангары. - М.; Л., 1966. - 322 с.; Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. - Л., 1969. - Ч. 1. - 218 с.; Они же. Петроглифы Забайкалья. - Л., 1970. - Ч. 2. - 264 с.; Они же. Петроглифы Средней Лены. - Л., 1972. - 270 с.; Окладников А.П. Петроглифы Байкала - памятники древней культуры народов Сибири. - Новосибирск, 1974. - 125 с.

[32]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - Новосибирск, 1974. - 318 с.; Оч же. Неолитические памятники Средней Ангары. - Новосибирск, 1976. - 318 с.; Он же. Неолитические памятники Нижней Ангары. - Новосибирск, 1976. - 327 с.

[33]Окладников А.П. Верхоленский могильник - памятник древней культуры народов Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 94-108.

[34]Конопацкий А.К. Археологические исследования на Ольхоне // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. - 1978. - Вып. 2, № 6. - С. 123-125; Он же. Новые исследования по древним культурам острова Ольхон и их значение для проблемы древних этнических взаимоотношений в Прибайкалье // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тез. докл. Всесоюз. конф.). - Новосибирск,

1973. – С. 51–52; Он же. Древние памятники Ольхона и Приольхонья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1979.

[35]Аксенов М.П., Горюнова О.И., Дроздов Н.И. и др. Работы Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (1970–1974 гг.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири.– Иркутск, 1974. – Вып. 2. – С. 168; Сизиков А.М., Савельев Н.А., Филимонова Л.А. Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада // Там же. – 1975. – Вып. 3. – С. 121–141.

[36]Зайцева Г.М. К вопросу о стратиграфическом соотношении культурных комплексов неолита и бронзы в Усть-Белой // Отчетная конф. Восточно-Сибирского Совета по координации и планированию гуманитарных наук (Тез. докл. и сообщ.). – Иркутск, 1963. – С. 81–83; Она же. Археологические исследования на многослойном поселении Усть-Белая // АО 1966 г. – М., 1967. – С. 168–169; Георгиевская Г.М. Культурные горизонты поселения и группы однотипных погребений Усть-Белая // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тез. докл. Всесоюз. конф.). – Новосибирск, 1973. – С. 49–50; Она же. Неолитический могильник на Усть-Белой // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1974. – Вып. 2, № 6. – С. 107–113; Она же. Китойский комплекс на многослойном поселении Усть-Белая // Науч.-теорет. конф. ИГУ (Тез. докл.). – Иркутск, 1979. – С. 22–24; Она же. Предметы искусства из неолитических погребений могильника Усть-Белая // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1979. – Вып. 2, № 6. – С. 77–82.

[37]Савельев Н.А., Горюнова О.И. Многослойное поселение эпохи неолита и бронзы в Прибайкалье // АО 1971 г. – М., 1972. – С. 263–264; Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (Предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 160–201.

[38]Ходукин Я.Н. Материалы к археологии реки Илим // Изв. ВСОРГО. – 1928. – Т. 53. – С. 115–123.

[39]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 106–108.

[40]Георгиевский А.М., Зубков В.С., Роговской О.А. К археологии долины р. Илим // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1978. – Вып. 4. – С. 104.

[41]Там же. – С. 104–109.

[42]Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары (К итогам работ 1937 г.) // Вестн. древней истории. – 1939. – № 4/9. – С. 181–186; Васильевский Р.С., Аксенов М.П. Археологические исследования в 1967 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археол. экспедиции. –

Новосибирск, 1971. - Вып. 2. - С. 185-201; Васильевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Там же. - С. 202-284; Они же. Археологические исследования в зоне строительства и затопления Усть-Илимской ГЭС в 1969 г. // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1972. - Ч. 1. - С. 67-124; Васильевский Р.С. Раскопки на Ангаре и Илиме // АО 1973 г. - М., 1974. - С. 267-268; Георгиевский А.М. Работы Нижне-Илимского отряда // Там же. - 1974. - С. 189-190; Бурилов В.В. К археологии Средней Ангары (По материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС) // Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1975. - С. 80-86; Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (Некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967-1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. - Новосибирск, 1978. - С. 131-150; Георгиевский А.М. Стратиграфия археологических памятников долины р. Илим // Там же. - С. 156-159; Бурилов В.В. Бадарма II - новый многослойный памятник на Средней Ангаре // Там же. - С. 192-204.

ГЛАВА II

[1]Здесь и в дальнейшем эти местонахождения будут именоваться "Глазковский могильник".

[2]Витковский Н.И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной по поручению ВСОРГО в июле 1880 года // Изв. ВСОРГО. - 1880. - Т. II, № 3/4. - С. 1-12; Он же. Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. // Там же. - 1882. - Т.13, № 1/2. - С. 1-36; Он же. О раскопке могил каменного века в Иркутской губернии в 1881 году // Тр. V Археол. съезда в Тифлисе 1881 года. - 1887. - С. 264-320.

[3]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - Новосибирск, 1974. - С. 57-59.

[4]Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. - 1979. - Вып. 2, № 6. - С. 83-88.

[5]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - С. 59-61.

[6]Витковский Н.И. Краткий отчет...; Он же. Отчет о раскопке... 1881 г.; Он же. О раскопке могил...1881 г.; Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - С. 49-57.

[7]Витковский Н.И. Отчет о раскопке...1881 г. - С. 12-14.

[8]Семенов С.А. Первобытная техника (Опыт определения древнейших орудий и изделий по следам работы). - М.; Л., 1957. - С. 29.

[9]Витковский Н.И. Отчет о раскопке... 1881 г. - Табл. 2.

[10]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - Табл. 65, 67, 68.

[11]Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки. - Рис. 7.

[12]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - Табл. 60.

[13]Витковский Н.И. Отчет о раскопке... 1881 г. - С. 21, табл. 3.

[14]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - Табл. 64.

[15]Витковский Н.И. Отчет о раскопке... 1881 г. - С. 12.

[16]Витковский Н.И. Краткий отчет... 1880 г. - Табл. 3.

[17]Там же. - Табл. 1.

[18]Там же. - Табл. 4.

[19]Там же. - Табл. 3.

[20]Там же. - Табл. 1.

[21]Витковский Н.И. Отчет о раскопке... 1881 г. - Табл. 3.

[22]Витковский Н.И. Краткий отчет... 1880 г. - С. 3-7, табл. 2.

[23]Там же. - Табл. 4.

[24]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - С. 60.

[25]Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки. - Рис. 3.

[26]Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки. - Рис. 7; Витковский Н.И. Краткий отчет... 1880 г. - Табл. 4.

[27]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. - С. 60, рис. 1.

[28]Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки. - Рис. 4.

[29]Витковский Н.И. Отчет о раскопке... 1881 г. - Табл. 1.

[30]Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки. - Рис. 8.

[31]Там же. - Рис. 6.

[32]Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (От Серово до Братска). - Новосибирск, 1976. - С. 100.

[33]Там же. - С. 100-103.

[34]Сосновский Г.П. Остатки доисторического прошлого у села Распутино на реке Ангаре. - Иркутск, 1924. - С. 1-5; Константинов Г.М. К материалам по изучению ангарского неолита // Изв. ВСОРГО. - 1928. - Т. 54. - С. 83-84.

[35]Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары... - С. 100-105.

[36]Сосновский Г.П. Остатки доисторического прошлого... - С. 5; Константинов Г.М. К материалам по изучению ангарского неолита. - С. 88; Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Исто-

рико-археологическое исследование. – М.; Л., 1950. – Ч. 1, 2. – С. 96. – (МИА; № 18).

[37]Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. – 1889. – Т. 20, № 1. – С. 18.

[38]Овчинников М.П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Изв. ВСОРГО. – 1904. – Т. 35, № 3. – С. 68.

[39]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 30–35.

[40]Там же. – С. 30–45, табл. 3–47.

[41]Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Нов. сер. – М., 1955. – Т. 28. – С. 416–420; Казанцев А.И. Антропологические данные о скелетах из неолитических погребений Приангарья // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 373–376; Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив" в г. Иркутске // Сиб. археол. сборник. – Новосибирск, 1966. – С. 84–93.

[42]Фонды Иркутского областного музея краеведения. – ИрОМ, 109–18, 2564–379.

[43]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 40.

[44]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – С. 87, рис. 4.

[45]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 172.

[46]Там же. – Табл. 13, 15, 20.

[47]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 2; Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 16.

[48]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 2; Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 363.

[49]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 31.

[50]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 2; Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 20.

[51]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 40.

[52]Там же. – Табл. 15.

[53]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 2; Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 21.

[54]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары... – С. 44.

[55]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 2.

[56]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 16.

[57]Там же. – Табл. 21.

[58]Там же. – Табл. 12, 22, 35, 39, 44.

[59]Там же. – Табл. 28, 35, 44.
[60]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 4.
[61]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 22.
[62]Там же. – Табл. 32.
[63]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 4.
[64]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 43.
[65]Там же. – Табл. 35.
[66]Там же. – Табл. 44.
[67]Там же. – Табл. 34.
[68]Там же. – Табл. 38.
[69]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 3.
[70]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 43, табл. 19.
[71]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 3.
[72]Там же.
[73]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 12.
[74]Там же. – С. 39.
[75]Там же. – Табл. 31.
[76]Там же. – Табл. 37.
[77]Там же. – Табл. 11, 37.
[78]Там же. – Табл. 12.
[79]Там же. – Табл. 24.
[80]Там же. – Табл. 13.
[81]Там же. – Табл. 25.
[82]Там же. – Табл. 36.
[83]Там же. – С. 39.
[84]Там же. – С. 37.
[85]Там же. – С. 38.
[86]Там же.
[87]Там же. – Табл. 25.
[88]Там же. – Табл. 23, 27.
[89]Там же. – С. 43.
[90]Там же. – С. 44.
[91]Там же. – Табл. 40.
[92]Там же. – Табл. 23.
[93]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 4.
[94]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 39.
[95]Там же. – Табл. 9, 13, 27, 36.
[96]Там же. – Табл. 13.

[97]Там же. – Табл. 27,40.
[98]Там же. – Табл. 36.
[99]Там же. – С. 42,45.
[100]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 5.
[101]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. II.
[102]Там же. – С. 34.
[103]Там же. – С. 45.
[104]Там же. – С. 34.
[105]Там же. – С. 43–45.
[106]Там же. – С. 36, 41, 47; табл. 27, 30, 35.
[107]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 5.
[108]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 43.
[109]Там же. – Табл. 38.
[110]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. I, 2. – С. 392, рис. I24.
[111]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. I6, 2I, 25, 3I, 40.
[112]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – Рис. 8.
[113]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. I, 2. – Рис. I23.
[114]Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе "Локомотив"... – С. 9I, рис. 4.
[115]Там же. – С. 9I, 92, рис. I0.
[116]Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (Мелкая пластика) // СА. – I970. – № I. – С. 26.
[117]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 38.
[118]Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Экспедиции Гос. ист. музея (Доклады). – М., I969. – С. 57–59.
[119]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 35, 36, 38, 42, 44.
[120]Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. – Новосибирск, I975. – С. I0.
[121]Гурина Н.Н. Отчет о работе Усть-Бельского отряда Ангарской экспедиции летом I957 года. – Архив Института археологии АН СССР, р-I, I549.
[122]Крижевская Л.Я. Неолит поселения в устье р. Белой // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск, I978. – С. 69–95.

[123]Георгиевская Г.М. Культурные горизонты поселения и группы однотипных погребений Усть-Белой // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тез. докл. Всесоюз. конф.). – Новосибирск, 1973. – С. 49–50.

[124]Устное заключение профессора М.М. Герасимова.

[125]Определение костяков проведено антропологом М.М. Герасимовой.

[126]Устное заключение антрополога М.М. Герасимовой.

[127]Крижевская Л.Я. Неолит поселения в устье р. Белой. – С. 91–93.

[128]Там же. – С. 92.

[129]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – Табл. 168.

[130]Крижевская Л.Я. Неолит поселения в устье р. Белой. – С. 93; Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. – С. 6.

[131]Свинин В.В. Древняя стоянка Никола I в истоке реки Ангары // Изв. ВСОРГО. – 1967. – Т. 65. – С. 178, 179.

[132]Там же. – С. 179.

[133]Там же.

[134]Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Вопр. истории Сибири. – Иркутск, 1971. – С. 65–67; Он же. Археология озера Байкал: Автореф. дис....канд. ист. наук. – Новосибирск, 1970.

[135]Окладников А.П. Отчет об исследованиях на Сосновом острове, на Ангаре, в 1951 г. – Архив Института археологии АН СССР, ф. 1, д. 566.

[136]Окладников А.П. Отчет о раскопках Ангарской археологической экспедиции на о. Сосновом в 1954 году. – Архив Института археологии АН СССР, р-1, 1058.

[137]Окладников А.П. Отчет о раскопках Ангарской археологической экспедиции на Лесном острове. – Архив Института археологии АН СССР, р-1, 823.

[138]Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в зоне затопления в 1955 г. – Архив Института археологии АН СССР, ф. 1, д. 1187.

[139]Хороших П.П. Материалы к археологии Прибайкалья: Археологические экскурсии в окрестностях г. Иркутска // Изв. Биол.-Геогр. н.-и.ин-та при Иркутском ун-те. – 1926. – Т. 3, вып. 1. – С. 35–37.

[140]Дебец Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья (Палеоэтнологический этюд) // Изв. Ассоциации н.-и. ин-тов при физ.-мат. ф-те МГУ. – 1930. – Т. 3, № 2-А. – С. 154, табл. 1.

[141]Сосновский Г.И. Неолитическая стоянка у с. Суховского // Изв. ВСОРГО. – 1926. – Т. 51. – С. 150–152.

[142]Там же.

[143]Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Савельев Н.А. Стоянки Ангаро-Бельского района // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1971. – С. 48.

[144]Свинин В.В. Стратиграфия многослойного поселения Усть-Белая // Науч. конф. истории Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. и сообщ. – Иркутск, 1960. – С. 61.

[145]Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 56–64.

[146]Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Савельев Н.А. Стоянки Ангаро-Бельского района. – С. 47–50.

[147]Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 15.

[148]Там же. – С. 14–15.

[149]Зайцева Г.М. К вопросу о стратиграфическом соотношении культурных комплексов неолита и бронзы в Усть-Белой // Отчетная конф. Восточно-Сибирского Совета по координации и планированию гуманитарных наук (Тез. докл. и сообщ.). – Иркутск, 1963. – С. 81–83; Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая. – С. 63; Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. – С. 16.

[150]Георгиевская Г.М. Китойский комплекс на многослойном поселении Усть-Белая // Науч.-теорет. конф. ИГУ (Тез. докл.). – Иркутск. 1979. – С. 22–24.

[151]Васильевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск, 1971. – Вып. 2. – С. 202–250.

[152]Там же. – С. 249–250.

ГЛАВА III

[1]Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. – М., 1968. – С. 132.

[2]Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки "Царь-Девица" // Вопр. истории Сибири. – Иркутск, 1971. – Вып. 4, ч. 1.

[3]Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки "Царь-Девица". – С. 34.

[4]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л., 1950. – Ч. 1, 2. – С. 363. – (МИА; № 18).

[5]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (Глазковское время). – М.; Л., 1955. – Ч. 3. – Рис. 33. – (МИА; № 43).

[6]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 363.

[7]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 3.– С. 62; Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Савельев Н.А. Стоянки Ангаро-Бельского района // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1971. – С. 69. табл. 24. 29.

[8]Там же. – Табл. 8, 29.

[9]Там же. – С. 67, табл. 34.

[10]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 359.

[11]Городцов В.А. К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ. – 1935. – № 2. – С. 80–81.

[12]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 363–364; ИрОМ, 125–46, 89; 109–23, 28.

[13]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 363–364.

[14]Медведев Г.И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964–1965 гг. // Отчеты археол. экспедиций за 1963–1965 годы. – Иркутск, 1966. – С. 9, рис. 7.

[15]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С.90.

[16]Там же. – С. 110–111.

[17]Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л., 1965. – Т. 5. – С. 269–271. – (МИА; № 131).

[18]Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки "Царь-Девица".– С. 40–41.

[19]Медведев Г.И. Некоторые замечания об эволюции форм наконечников гарпунов в мезолите, неолите и энеолите Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1975. – Вып. 4. – С. 116–117, табл. 2.

[20]Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 104.

[21]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 3.– С. 88, рис. 30.

[22]Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Савельев Н.А. Стоянки Ангаро-Бельского района. – Рис. 36.

[23]Хороших П.П. Материалы к археологии Прибайкалья (Археологические экскурсии в окрестностях г. Иркутска) // Изв. Биол.-Геогр. н.-и. ин-та при ИГУ. – 1926. – Т. 3, вып. 1. – С. 37.

[24]Свинин В.В. Археология озера Байкал: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1970.

[25]Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в зоне затопления в 1955 г. – Архив Института археологии АН СССР, ф. 1, д. 1187.

[26]Окладников А.П. Отчет о раскопках Ангарской археологической экспедиции на о. Сосновый в 1954 году. – Архив Института археологии АН СССР, р-1, 1058.

[27]Окладников А.П. Отчет о раскопках Ангарской археологической экспедиции на Лесном острове в 1953 г. – Архив Института археологии АН СССР, р-1, 823.

[28]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 111.

[29]Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Экспедиции Гос. ист. музея: Доклады. – М., 1969. – С. 51–53; Она же. Памятники искусства малых форм древней Сибири как исторический источник: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1972. – С. 7.

[30]Там же.

[31]Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Савельев Н.А. Стоянки Ангаро-Бельского района. – С. 71.

[32]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 92.

[33]Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – С. 93.

[34]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 92, рис. 9.

[35]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 90–94, рис. 9; Он же. Неолитические памятники Ангары. – Новосибирск, 1974. – С. 14–16.

[36]Медведев Г.И. Мезолит Верхнего Приангарья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. – М., 1968. – С. 9.

[37]Векслер В.С., Путанс Б.Д. Определение абсолютного возраста по C_{14} образцов многослойной стоянки Горелый Лес // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 200–201.

[38]Конопацкий А.К. Археологические исследования на Ольхоне // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1978. – Вып. 2, № 6. – С. 125.

[39]Конопацкий А.К. Древние памятники Ольхона и Приольхонья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1979. – С. 11–12.

[40]Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки "Царь-Девица". – С. 32–35, 39, 43.

ГЛАВА IV

[1]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л., 1950. – Ч. 1,2. – С. 355-360. – (МИА; № 18).

[2]ИрОМ. 2564-180, 182, 249.

[3]Медведев Г.И. К итогам исследования мезолита на многослойном поселении Усть-Белая (1957-1964 гг.) // Изв. ВСОРГО. – 1967. – Т. 65. – С. 138.

[4]ИрОМ, 109-21.

[5]Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки "Царь-Девица" // Вопр. истории Сибири. – Иркутск, 1971. – Вып. 4, ч. 1. – С. 39.

[6]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 368-370.

[7]Василевич Г.М. Эвенки (Историко-этнографические очерки XVIII-начала XX вв.). – Л., 1969. – С. 80-81.

[8]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 364.

[9]Василевич Г.М. Эвенки. – С. 108.

[10]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 384-411; Он же. Шишкинские писаницы. – Иркутск, 1959. – С. 42-76.

[11]Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Экспедиции Гос. ист. музея: Доклады. – М., 1969. – С. 39-63; Она же. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (Мелкая пластика) // СА. – 1970. – № 1. – С. 19-33.

[12]Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. – М.; Л., 1969. – С. 290.

[13]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 386-388.

[14]Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике... – С. 49; Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л., 1966. – С. 129.

[15]Хороших П.П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1979. – Вып. 2, № 6. – Рис. 7.

[16]Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л., 1958. – С. 28-32.

[17]Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – С. 128; Он же. Утро искусства. – Л., 1967. – С. 85.

[18]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. 1, 2. – С. 379; Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике... – С. 35.

[19]Петри Б.Э. Старая вера бурятского народа: Научно-популярный очерк. – Иркутск, 1928. – С. 23.

[20]Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 315.

[21]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. I, 2. – С. 401; Токарев С.А. Ранние формы религии. – М., 1964. – С. 244.

[22]Мамонова Н.К. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 26–27.

[23]Токарев С.А. Ранние формы религии. – С. 16–17; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973. – С. 19.

[24]Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – С. 19.

[25]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. I, 2. – С. 378–384.

[26]Там же. – С. 409.

[27]Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. I, 2. – С. 379.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
БКНИИ – Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ВСФ – Восточно-Сибирский филиал СО АН СССР
ГИМ – Государственный исторический музей
ИГПИ – Иркутский государственный педагогический институт
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИрОМ – Иркутский областной музей
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОИН – Отделение исторических наук АН СССР
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Из истории исследования неолита Прибайкалья 7
ГЛАВА II. Памятники китойской культуры. I8
Могильники I9
Поселения. 88
Глава III. Китойская культура и ее место в неолите Прибайкалья I06
Типология инвентаря . . . . . –
Стратиграфическое положение культурных горизонтов на многослойных поселениях I20
Датировка китойского комплекса I2I
Глава IY. Характеристика древнего населения Прибайкалья по памятникам китойской культуры I22
Общий уровень развития техники обработки камня и кости . . . . . –
Организация жизни китойцев. I26
Заключение I35
Примечания I36
Список сокращений I5I

Научное издание

Георгиевская Галина Марковна

КИТОЙСКАЯ КУЛЬТУРА ПРИБАЙКАЛЬЯ

Редактор издательства Т.В. Куркчиянц. Художник А.И. Смирнов. Художественный редактор В.В. Седуно1 Технический редактор Н.М. Остроумова. Корректоры О.Л. Шебалина, О.А. Зимина

ИБ № 34888

Сдано в набор 0I.I2.88. Подписано к печати 28.03.89. Формат 60x90 I/I6. Бумага кн.-журн. Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,5. Усл. кр.-отт. 9,9. Уч.-изд. л. I0,4. Тираж 950 экз. Заказ № 356. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука", Сибирское отделение.
630099 Новосибирск, ул. Советская, I8.

4-я типография издательства "Наука".
630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.